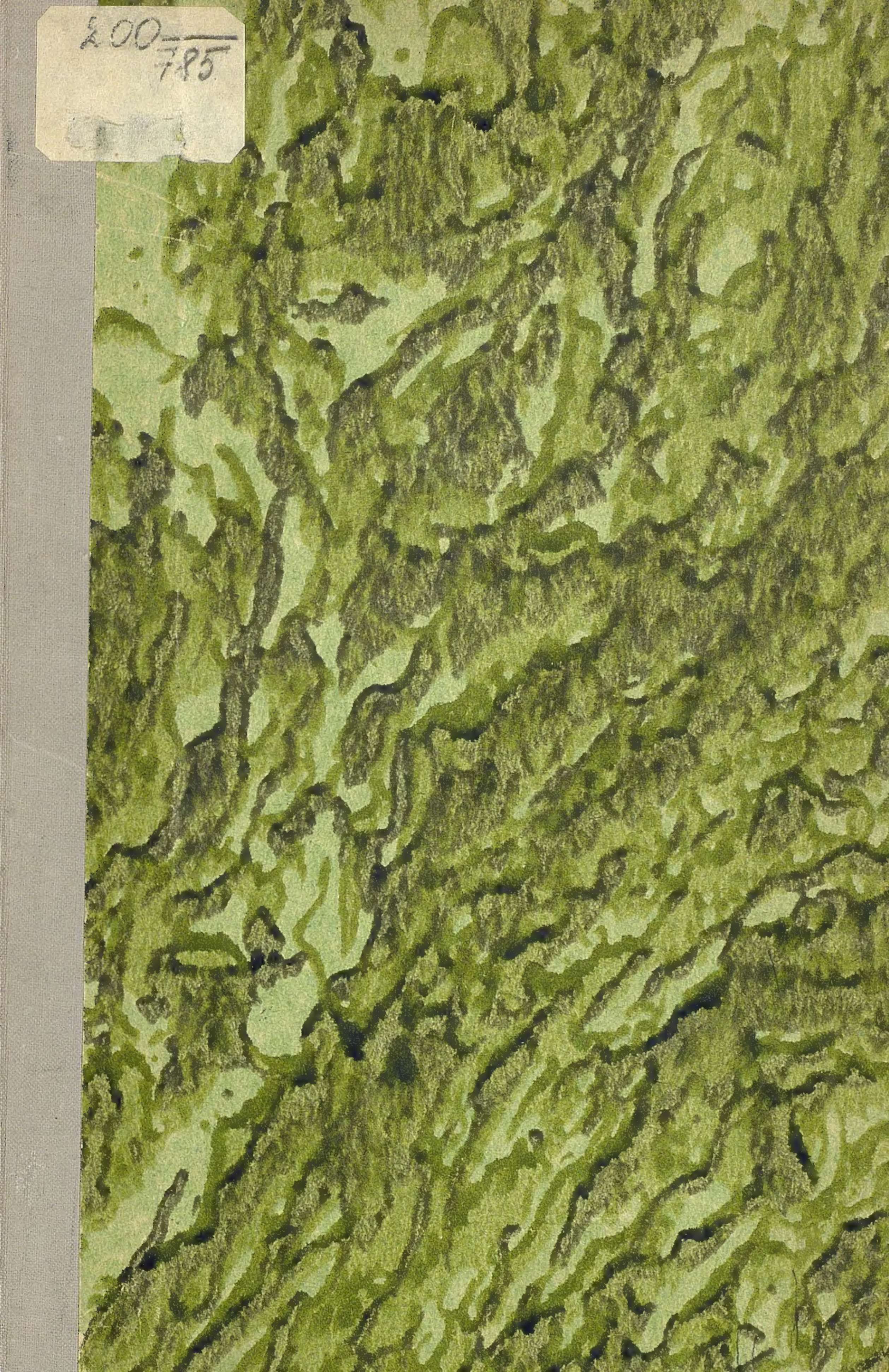

ИСТПАРТ

…ДА КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА Р.К.П.(б)
ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
Р. К. П. (б)

В. КАМШИЦКИЙ

1905 г.

В СЕВАСТОПОЛЕ

(ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ
„ПОТЕМКИН"
И КРЕЙСЕРЕ „ОЧАКОВ")

1925

фонда

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА РКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП(б)

В. КАМШИЦКИЙ

1905 г. В СЕВАСТОПОЛЕ

(ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ „ПОТЕМКИН" И КРЕЙСЕРЕ „ОЧАКОВ")

КРЫМГОСИЗДАТ

1925

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАССОВОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ[1])

Движение в Севастополе в период 1904—1905 гг. было обусловлено революционной волной, поднявшейся по всей стране. Самодержавный строй с его пережитками феодализма стоял поперек дороги развитию капитализма в России, который в этот период уже обладал всеми свойствами молодого хищника. Русско-японская война расшатала устои трона и показала, что страшивший многих колосс самодержавия держится на глиняных ногах. Царское правительство было развенчано, и враги его осмелели.

Матросская среда была особенно благоприятной для усвоения противоправительственной агитации. Техника военно-морского дела требовала для своего обслуживания людей с достаточной выучкой и высоким развитием. Поэтому матросские кадры вербовались, главным образом, из среды промышленных рабочих. В сущности матросы—это были те же рабочие, носившие матросские куртки. Они прошли хорошую выучку и в достаточной степени переварились в фабричном котле. Неудивительно, конечно, что гнет казармы и самодурство офицеров-дворян были для них особенно невыносимы. Матросы представляли собою как бы особую лейденскую банку с сильным зарядом революционной энергии, которая готова была разрядиться при всяком удобном случае.

Почти вся промышленность Севастополя и его района была сосредоточена в морском заводе и других мастерских, работающих на флот и крепость. В 1904—1905 гг. в связи с русско-японской войной и теми заказами, которые получил морской завод, тяжелое положение рабочих несколько улучшилось. Заработная плата повысилась. Милитаризм вызвал в местных условиях особый период экономического расцвета.

В отношении урожая дело обстояло также, сравнительно, благополучно. В „Крымском Вестнике" от 15-го июля 1905 г. помещена следующая заметка:

Урожай в Севастопольском районе

„Теперь, когда уборка хлеба заканчивается и сбор фруктов в полном ходу, можно считать результаты урожая этого года вполне

---

[1]) Приношу глубокую благодарность т. Лебедеву и всем остальным товарищам, оказавшим мне содействие в работе своими материалами и воспоминаниями.

Автор

выясненными. Урожай хлеба и фруктов в Севастопольском районе, как везде в Крыму, удался и качественно и количественно. Пшеница уродилась сам 12—15, а местами гораздо больше, зерно налитое, сухое и зрелое, четверть имеет 9—10 слишком пудов. Точно также обстоит и с житом, а особенно удался ячмень. Благодаря такому урожаю цена на рабочие руки сильно повысилась. Скот рогатый, крупный и мелкий, сильно поднялся в цене, но зато птица подешевела. Цены на хлеб еще не установились, так как экспортные заграничные конторы еще не приступили к торговым хлебным операциям. Урожай фруктов, как то: винограда, яблок, груш и проч. предвидится удачный.

Давно уже не было такого обилия всяких фруктов. Чувствуется недостаток рабочих рук для сбора их..."

Тем не менее, военная мобилизация, лишение многих семейств их работников, систематический разгром нашей армии и потопление флота не могли, конечно, не сказаться на общем настроении масс.

Из отчета заседания Губернского земского собрания мы узнаем, что по одной декабрьской мобилизации (1904 г.) на военную службу принято более 10.000 чел., из которых значительная часть падает на Севастополь. Положение семей запасных довольно печальное.

В статье А. Л. Николаева: „Среди семей запасных" [1]) мы читаем:

„Мы были у запасных, живущих в городе. Они ютятся по большей части в ужасных каморках, в подвальных этажах, на краю города в сырых и холодных лачугах. На них уход мужей отразился немедленно; они все живут трудом одного дня, для них же существует ужасный своей строгостью закон: не поработаешь сегодня, завтра будешь голоден. И, очевидно, вслед за уходом отцов их дети и жены на следующий же день стали недоедать, а со следующей недели им уже знакомы муки голода".

В той же газете от 26 января в статье „Степные отголоски" автор пишет:

„Грустные последствия войны с каждым днем все более и более отражаются на деревенской жизни и благосостоянии земледельческого и промышленного населения наших степей. Мобилизация запасных военных чинов лишила многие семейства работников и кормильцев. Земская помощь далеко не в состоянии обеспечить хотя бы сносное существование осиротелых семейств. Во многих случаях последним придется ликвидировать сельское хозяйство за отсутствием главного работника и руководителя. Население чрезвычайно удручено разлукою с близкими родственниками и детьми. Помимо материального ущерба война производит на народ подавляющее моральное влияние, являясь вечной угрозой новыми и новыми жертвами..."

[1]) „Крымский Вестник" от 14 января 1905 г. (Все даты этой книги указаны по старому стилю).

Хотя здесь говорится о степной полосе Крыма, тем не менее все это в значительной степени относится и к Севастополю.

В 1904 году крупных забастовок не было, но попытки к таковым все же были. Сюда относится забастовка в слесарно-сборочной мастерской порта, а также декабрьская забастовка в порту, когда рабочие по условленному гудку бросили работу и вышли за ворота. Забастовка эта вызвана была уменьшением заработной платы, грубыми обысками и несвоевременным оказанием медицинской помощи одному ушибленному рабочему. В организации забастовки принимали участие следующие социал-демократы: „Касьян", Медведев (впоследствии примкнул к группе „Рабочая оппозиция"), Роков (в настоящее время постригся в монахи), Зубарев, Давид Бронштейн (брат Льва Троцкого, убит в Феодосии в 1905 году) и „Константин".

Однако, предупрежденная полиция приняла соответствующие меры, оцепила вышедших рабочих, и последним пришлось мирно разойтись.

Мелкие же забастовки в этот период были довольно часты, так например: в июне месяце 1904 года в портняжных мастерских. Пелявского, Клотницкого и Арензона вспыхнула забастовка, продолжавшаяся до конца июля месяца. Были предъявлены следующие требования: уменьшение рабочего дня с 16-ти до 10-ти часов, увеличение жалованья с 15 до 25 рублей и ряд других мелких требований. Забастовка увенчалась полным успехом.

Довольно крупные волнения произошли 3-го ноября 1904 г. в казармах Черноморской флотской дивизии. По приговору военно-морского суда они рисуются в следующем виде.

Основанием для волнения послужило распоряжение начальства о неувольнении со двора. „Скопище" матросов разрушило в казармах ворота, двери, разбило окна в зданиях и начало с криком и руганью бросать камни в патруль, предлагая ему бросить ружья. На приказание начальства матросы отвечали свистом и площадной бранью. Бросали через двери и окна камни и другие предметы. Возбуждали нижних чинов к неповиновению, уверяя, что армия для подавления беспорядков не придет. Грозили взять ружья, патроны и пойти в город бить „духов", подразумевая под последними офицеров. Явились в мастерские Севастопольского порта и подстрекали рабочих бросить работу и присоединиться к ним, при чем говорили: „У нас все готово; теперь будет не то, что прежде,—мы их лучше разделаем, у нас теперь пойдут в ход пули и штыки". Отказывались исполнять приказания начальства и проч.

По этому делу было привлечено к ответственности 35 чел., которые в общей сложности получили 57 лет каторжных работ. 23 года арестантских отделений и 45 лет дисциплинарного батальона. Лишь несколько человек были оправданы. Поданная 28-ю осужденными

кассационная жалоба Главным военно-морским судом оставлена без последствий.

Так самодержавие расправлялось с восставшими против него „нижними чинами".

Другое довольно большое выступление матросов произошло в начале декабря 1904 года во флотских Лазаревских казармах. Здесь было сосредоточено около 2.000 человек, из которых большинство находилось в разряде „штрафованных", т. е. в чем-либо

Политкаторжане, освобожденные амнистией 1917 г. и вернувшиеся в Севастополь. Активные участники революционных событий 1905—1906 гг. в Севастополе. 3) Снятков—12 лет каторги. 4) Евдокимов Христофор—4 года. 5) Прокофьев Захар—6 лет. 6) Яцунов Василий—6 лет. 7) Шиманский Петр—. 8) Чесноков Николай—8 лет. 9) Евстафьев Константин—9 лет. 10) Волгин—6 лет. 11) Богачев—10 лет. 12) Гизерн—9 лет. 13) Чесноков—15 лет. 14) Захаров—осужден на вечную каторгу.

провинившихся. Внешним поводом для волнения послужила плохая пища. Матросы 29-го экипажа вызвали командира, которому принесли жалобу. Как и подобает типичному бурбону, вместо разбора жалобы командир набросился на своих подчиненных с криком и кого-то из них арестовал, как зачинщика. Тогда возбужденная масса матросов схватила винтовки, выбежала из казарм во внутренний двор и с криками: „ура" открыла стрельбу вверх, стала шуметь и волноваться. После этого все успокоилось.

Высшее начальство во главе с командиром Черноморского флота Чухниным решило раздуть этот эпизод и создать громкое дело, рассматривая вспышку матросов чуть ли не как открытое восстание. Из всей массы было выхвачено несколько десятков

матросов наиболее сознательных, которые были преданы суду, как бунтовщики. Им грозили каторжные работы.

Защищали подсудимых Куперник и Пергамент, которые путем перекрестных допросов установили, что главная причина указанных событий заключалась в готовившейся отправке матросов на Дальний Восток. Матросы своим поведением: стрельбой и криками протестовали против ненавистной им войны и необходимости идти на верную смерть.

Дело это кончилось сравнительно благополучно: только несколько человек были приговорены к арестантским отделениям, а остальные оправданы.

Весть о событиях в Черноморском флоте облетела все концы России и нашла сочувственный отклик в сердцах рабочего класса. Всем стало ясно, что произошел какой-то сдвиг и что, если движение начинает проникать в среду армии, то значит положение царизма довольно шатко.

Начинается полоса забастовок, расшатывающая мощь самодержавия, приведшая вначале к политической „весне" Святополк-Мирского, а затем к манифесту 17-го Октября, в котором царская власть расписалась в своем бессилии.

9-го Января 1905 года оказало некоторое влияние на рабочих Севастополя.

10 января возник пожар в слесарно-сборочной мастерской военного порта. Ретивое начальство решило, что это является откликом на расстрел рабочих в Петрограде. В тот же день на завод приехал сам Чухнин, который собрал рабочих и обратился к ним с речью. Не касаясь вначале пожара, он заявил, что у нас в России появились разные крамольники, которые, не имея ничего общего с рабочим людом, ведут к гибели Российское государство и русский народ. Все забастовки, которые сейчас происходят по фабрикам и заводам, устраиваются агитаторами. И если сегодня случился пожар, то это дело их рук.

Однако, прием, оказанный рабочими Чухнину, был для него не совсем приятный. При упоминании им о крамольниках и агитаторах со стороны рабочих раздался довольно дружный свист, послышались крики и проч. Началась обструкция... Чухнину пришлось поспешно ретироваться.

Посещение Чухнина имело некоторые последствия. На третий или четвертый день доморощенный зубатовец Орловский созвал собрания рабочих по мастерским для выбора старосты. Заводская администрация предупредительно предоставила для этих собраний помещения в мастерских. Отсюда можно сделать вывод, что институт старост был создан с согласия начальства.

Хотя Орловский и пользовался вначале большим влиянием среди рабочих, тем не менее из этой затеи ничего не вышло. Как это было и в других местах, движение переросло те рамки, которые

ему предопределило заботливое начальство. На третьем или четвертом собрании старост, последние предъявили такие требования Чухнину, что он немедленно разогнал весь старостат.

Вообще, в отношении зубатовщины необходимо сказать, что со стороны администрации были попытки к ее насаждению в Севастополе и что с этой целью из Одессы приезжал сам Шаевич[1]). Однако, из этого ничего не вышло.

О революционном движении в этот период можно с некоторой приближенностью судить по следующим документам Севастопольского жандармского управления.

Секретно.

ПОМОЩНИК
НАЧАЛЬНИКА
ТАВРИЧЕСК. ГУБЕРНСК.
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ

в Севастопольск. градоначальстве и Евпаторийском уезде

Января 17 дня 1905 г.

№ 107

Севастополь

По агентуре

В дополнение представления от 16 сего января за № 96, доношу, что 16 и 17 сего января в Севастополе прошли спокойно. Забастовок нигде не было. Сегодня в 10 час. вечера невдалеке от Малахова кургана должна состояться массовая сходка для решения вопроса о забастовке в порту и возмущении матросов. Окончательное решение до сего дня не было принято, потому что большинство мастеровых порта (пожилые, семейные люди, а также нижние запаса флота, призванные по мобилизации, но оставленные на работе в порту), под влиянием речей Главного Командира Черноморского флота не высказали сочувствия к забастовке.

С 7 час. вечера организаторы сходки начали расставлять свои патрули. Пароль для входа на сходку мне известен, о принятом на сходке решении мне будет доложено сегодня ночью.

Об этой сходке я лично предупредил Полицеймейстера.

По агентурным сведениям, вчера 16-го января, где-то за Корабельной стороной собралось 50—60 матросов Черноморского флота, которым какой-то флотский фельдфебель (известна только одна его примета: бородка „буланже"), говорил, что матросы должны помочь портовым рабочим, что призывным сигналом будет портовый гудок; сходка происходила вечером, а потому лица не удалось рассмотреть. Об этой сходке матросов, а также

[1]) Известный зубатовец в Одессе, сосланный впоследствии в Вологодскую губернию.

о том, что забастовки в порту, по моим сведениям, надо ожидать 18 января, а по сведениям Полицеймейстера, 20 января, мною лично доложено Главному Командиру Черноморского флота.

Ротмистр **Васильев**

Начальнику Таврического Губернского Жандармского Управления.

Мнение жандармов, что влияние речей главного командира Черноморского флота было настолько сильно, чтобы удержать рабочих от забастовок—было, конечно, самообманом.

В другом донесении от 1-го марта 1905 года Севастопольское жандармское управление сообщает по начальству:

„Усиленный подъем энергии партия обнаружила в первой половине февраля месяца, когда путем частых сходок подготовляла рабочих к празднованию 19-го февраля демонстрациями и уличными беспорядками. Сходки состоялись за городом: 2-го февраля за городским кладбищем, 5-го февраля у 42-го казенного хутора, 6-го февраля на полотне железной дороги у Ушаковой балки, 11-го февраля за вокзалом, 12-го февраля на 4-й версте по Ялтинскому шоссе. Затем еще сходка „централистов" вечером 17-го февраля за Малаховым курганом, специально для выбора депутации к Главному Командиру Черноморского Флота и выработки петиции.

Кроме того, были сходки и по частным квартирам.

Сходки 6 и 12 кончились неудачно: их разогнала полиция.

Одна из последних сходок была, по слухам, 26 февраля в окрестностях Малахова кургана, наряду полиции сходки этой разыскать не удалось; на этой сходке, говорят, присутствовавшие рабочие перебивали оратора и даже противоречили ему.

Попытка партии организовать беспорядки разбилась вследствие несочувствия значительной части старых рабочих и нерешительности молодых, которые остановились, видя решительные меры, принятые властями.

Характерной чертой этого месяца было усиленное распространение всевозможных прокламаций в значительном количестве почти ежедневно, начиная с 18 февраля до конца месяца..."

Само собой разумеется, что принимать на веру полностью указанные донесения жандармов не приходится. Тем не менее, некоторое представление о положении вещей они все же могут дать.

В первые месяцы 1905 года революционное движение в Севастополе развивалось довольно слабо.

В газете „Крымский Вестник" от 15-го января читаем:

„В Севастополе мы влачим унылое, неинтересное, неколоритное существование, и нас гнетет сознание, что иное существование здесь невозможно.

Кто может создать здесь иную жизнь?

Кто может поддержать ее?

Николай Чесноков, рабочий морского порта, активный участник революционной борьбы в Севастополе. В 1907 году получил по суду 8 лет каторги. Вернулся во время мартовской амнистии в 1917 году в Севастополь. Убит на Красном фронте в 1919 году.

Уж, конечно, не городское самоуправление!..

Конечно, не „интеллигенция" наша, которую иначе, как в кавычках, и писать зазорно..."

Фельетонист оказался прав: не земские либералы и не интеллигенция в кавычках встревожили унылое существование в июньские и ноябрьские дни 1905 года в Севастополе.

„Крымский Вестник" с января по март месяц включительно отмечает лишь одну забастовку грузчиков. В последних числах марта они прекратили работу на ст. „Севастополь", потребовали увеличения платы за выгрузку вагона до 7 р. 50 к. Благодаря забастовке на станции собралось много груженых вагонов, и прекратилась подача их с других станций на Севастоп. вокзал.

В средних числах апреля в Севастополь перебросилась начавшаяся в Одессе забастовка матросов и низших служащих частного пароходства „Русского Общества". В Севастопольском порту было задержано в связи с этим несколько пароходов. Так, пароход „В. К. Ксения", прибывший в Севастополь из Ялты 12 апреля, должен был на следующий день уйти обратно в Ялту, однако, сделать этого не мог, т. к. команда потребовала расчет и уехала в Одессу на пароходе „Российского Общества". Администрацией была затребована военная команда для того, чтобы этот пароход мог уйти в рейс. Точно так же и команда парохода „Руслан" отказалась идти по крымско-кавказской линии и потребовала отхода парохода в Одессу. В Севастополе были задержаны пароходы того же общества „Ялта" и „Платон". Наконец, к 17-му апреля

в порту собрались дополнительно следующие пароходы: „Эльбрус", „Волга", „Святослав", „Олег" и „Севастополь". Благодаря этому, Общество потерпело значительные убытки.

С мая месяца движение значительно усиливается. Так, 1-го мая Севастопольский Комитет РСДРП организовал митинг-массовку в Инкермане на вершине так называемой „Сахарной головки". Здесь присутствовало свыше 2.000 человек матросов, рабочих и других граждан. Митинг продолжался несколько часов и под конец был окружен войсками под командой офицеров и полицией. Возбуждение, охватившее присутствующих, было очень сильно. Одна из женщин выбежала вперед и с криком: „стреляйте!"—разорвала на себе ворот кофточки. Все были потрясены этой картиной и, не обращая внимания на сверкавшее кругом оружие, двинулись по направлению к городу. Полиции удалось задержать около 400 человек, которые были переписаны и отпущены. Арестовано было 18 человек, в том числе соц.-дем.: Перельберг, Петр Котенев, Марк Стрегем и Грудский; с.-р.: Скрипниченко[1]) и Литвиченко[2]). Все арестованные были направлены в тюрьму и разбиты жандармерией на две категории. Одна из них, на основании манифеста 17-го октября, была амнистирована, а другая в числе 6 выслана из Севастополя.

В начале мая начинается на экономической почве волнение среди пекарей, которые предъявляют своим хозяевам ряд требований: об увеличении жалованья, о воскресном отдыхе и проч. По этому поводу было созвано объединенное совещание пекарей хозяев и рабочих. Оно кончилось ничем, и вопрос был перенесен на решение думы.

Особенно сильный размах революционное движение получило со времени восстания на „Потемкине". Известие о нем было получено в Севастополе 16-го июня и вызвало всеобщий энтузиазм. В этот день состоялась на улицах города большая демонстрация, в которой участвовало от 5 до 6 тысяч человек. Первыми вышли на улицу с революционными песнями и красными флагами рабочие портового завода. К концу демонстрации против нее были высланы конные части, которые принялись арестовывать мирных демонстрантов. В числе других были задержаны социал-демократы: Детина и Грудский. Последнему удалось бежать из арестного помещения.

12-го октября забастовали портняжные мастера и подмастерья всех севастопольских дамских портняжных мастерских. Они предъявили своим хозяевам следующие требования: 1) ограничение рабочего дня 10-ю часами, в который уже входит время обеда и отдыха; 2) гуманное и справедливое отношение к детям, ученикам и ученицам; 3) увеличение помесячной заработной платы; 4) выдача

[1]) Повешен в 1905 г.
[2]) Повешен в 1907 г.

столовых; 5) помещение для мастерской, которое отвечало бы всем гигиеническим условиям; 6) более раннее прекращение работы накануне праздников; 7) вежливое обращение; 8) выплата заработка за все время забастовки; 9) обязательство со стороны хозяев не увольнять никого из рабочих за участие в забастовке; 10) освобождение товарищей, арестованных за участие в забастовке; 11) своевременная выдача жалованья.

Характерно, что все эти требования были предъявлены рабочими через полицеймейстера, к которому они обратились за содействием [1]).

14-го октября на Нахимовском проспекте состоялась демонстрация, в которой участвовало от 400 до 500 человек. Толпа с пением прошла несколько раз по улице. Разбрасывались прокламации. Она была рассеяна отрядом казаков и пехоты. Все магазины в городе были закрыты.

Во второй половине октября железнодорожное сообщение с Севастополем было прервано.

27-го октября началась экономическая забастовка в 12 шапочных мастерских. Требования забастовщиков следующие: для базара—1) повышение поштучной платы на все предметы от 4 до 5 коп.; 2) надбавка месячным мастеровым жалованья в размере 30%; 3) рабочий день в 12 часов с перерывом $1^1/_2$ часа на обед и проч.; 4) полное освобождение от работ по субботам и праздничным дням. Для городских же мастеровых требования не аналогичны:—1) надбавка поштучной платы на готовые вещи от 5 до 8 к., на заказные вещи—15 к.; 2) рабочий день вместо 15—12 час. с перерывом $1^1/_2$ час, на обед; 3) выдача заработных денег штучным еженедельно по пятницам, месячным—2 раза в месяц—1 и 15 числа. Кроме того, были и другие пункты—о вежливом обращении и проч.

30-го октября была объявлена забастовка мастеровых жестяночного цеха. Их требования: 1) 11-тичасовой рабочий день с перерывом $1^1/_2$ ч. на обед и $^1/_2$ ч. на завтрак; 2) штучные работы и вечерние часы уничтожить; 3) еженедельный расчет; 4) прибавка жалованья и платы на 20% для каждого рабочего; 5) рассчитывать рабочих по заявлению за 2 недели; 6) в каждой мастерской должны быть часы; 7) введение расчетных книжек по фабричному образцу; 8) еженедельно, накануне воскресного и субботнего дня (в зависимости от национальности рабочих) оканчивать работу в 4 часа дня, а накануне годовых праздников в 2 часа дня; 9) месячным рабочим не производить вычетов за праздничные дни; 10) к мастерской никто, кроме хозяина, касаться не должен; 11) при найме нового рабочего, брать его на срок не менее недели; хозяин, уволивший вновь нанятого рабочего ранее этого срока, обязан уплатить ему жалованье за всю неделю и 12) вежливое обращение как с подмастерьями, так и с учениками.

[1]) См. „Крымский Вестник“ от 14 и 16 октября 1905 г.

В отношении учеников требования их гласили: 1) ученик должен нести обязанности только в мастерской; 2) ученики должны кончать работу вместе со взрослыми; 3) обязательное еженедельное посещение бани учениками; 4) выдача каждому ученику на одежду, в первый год—15 руб., во второй—25 руб., и в третий—35 руб.; 5) в праздничные дни ученики должны быть совершенно свободны.

Общие требования: 1) квартира и постельное белье должны отвечать необходимым санитарным и гигиеническим условиям; 2) за забастовку никто не должен пострадать, и получающие жалованье должны за время забастовки получить его полностью.

На сходке 29-го октяря вышеуказанные рабочие выбрали депутатов: Зайцева, Фейдера, Обершмуклера и Рагозина, которые руководили забастовкой.

31-го октября забастовали приказчицы магазина „Дамские рукоделия", предъявив экономические требования.

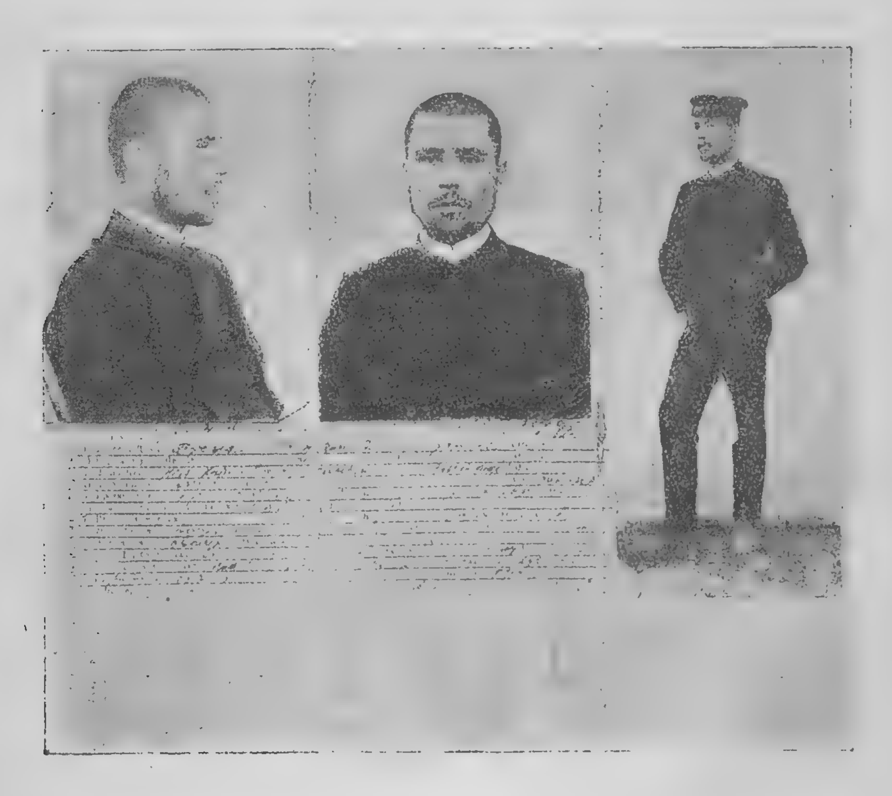
31-го октября забастовали каменщики и штукатуры[1]).

На собрании официантов, происходившем 1-го ноября, были выработаны следующие пункты требования на случай забастовки: 1) объединение всей домашней и гостиночной прислуги; этот пункт ставится потому, что из прислуги организуется в данное время профессиональный союз, сбор в кассу которого достиг уже нескольких сот рублей; 2) 8-мичасовой рабочий день; 3) никакие бесплатные работы, даже в случае если они гарантированы доходом, не должны допускаться; 4) необходимо введение расчетных книжек по фабричному образцу; 5) для служащих, которым приходится жить в гостиницах, ресторанах и т. п., должны быть отвечающие требованиям санитарии и гигиены постель, белье и квартира; 6) для всей прислуги должен быть удовлетворительный стол; 7) для прислуги, не пользующейся бесплатной квартирой или нежелающей ею пользоваться, должны выдаваться квартирные деньги в размере 8 рублей в месяц; 8) залоги при поступлении на службу и кружка в обеспечение боя посуды должны быть отменены; 9) в случае болезни служащего ему должен даваться отпуск на 1 месяц с сохранением содержания; 10) содержание в размере 10 рублей в месяц; 11) староста должен выбираться самими служащими из своей среды на срок неопределенный; 12) вежливое обращение; 13) защита со стороны хозяев от произвола гостей; 14) рассчитывать прислугу хозяин может лишь по заявлению об этом за две недели и 15) за дни забастовки служащие должны получить содержание полностью, и за забастовку никто не должен пострадать.

После выработки пунктов и их утверждения были выбраны депутаты: Пирожков, Рагозин, Симурцев и Чемицов, которые через городскую управу должны были предъявить свои требования и если хозяева не согласятся на их исполнение—объявить забастовку.

[1]) См. „Крымский Вестник" от 2 ноября 1905 г.

2-го ноября забастовали мастерицы 9 шляпочных дамских мастерских. 1-го ноября состоялось собрание шляпочниц, которое выработало следующие требования: 1) не рассчитывать никого за забастовку; 2) 9-тичасовой рабочий день с перерывом 1 часа на обед, считая начало рабочего дня с 8-ми часов утра; 3) ученицы поступают в обучение на следующих условиях: 1-й год только за стол, второй год по 5 рублей ежемесячно жалованья с сохранением стола; 4) не высчитывать из содержания за время болезни в течение двух недель; 5) вежливое обращение как с мастерицами, так и с ученицами; 6) улучшить помещение для мастерской; 7) право на месячный отпуск для прослуживших не менее года; 8) повышение платы: для получающих от 5 до 7 р. на 40%, от 8 до 15—на 30%,

Никита Скрипниченко, рабочий морского завода, участник революционной борьбы в Севастополе.
В 1907 году был казнен за вооруженное сопротивление полиции.

от 16 до 20 р.—на 25%, от 21 до 25 р.—на 20% и от 25 до 35 р.—на 18%; 9) полный воскресный и праздничный отдых; 10) уплата жалованья за все дни забастовки; 11) в каждой мастерской должны быть повешены часы и 12) введение расчетных книжек.

На этом же собрании депутатами работниц были выбраны Рубинова, Рагозин, Криворучко, Фогель и Иванов.

10-го ноября общее революционное движение, особенно резко проявившееся среди матросов и рабочих, перебросилось на учащихся средних учебных заведений. В этот день забастовали: реальное училище, женская гимназия и мужская прогимназия. Внешним

поводом для забастовки явилось постановление школьного совета о закрытии 5-го и 6-го классов в реальном училище и увольнение из него ученика Максимова.

Даже такая умеренная газета, как „Крымский Вестник" называет эти постановления учебного начальства бестактными, вызванными „формализмом, убивающим благородные и живые порывы юности".

12-го ноября началась железнодорожная забастовка, благодаря которой Севастополь был совершенно отрезан от севера. Почта и телеграф в это время также бездействовали. Прекратилось даже пароходное сообщение.

Вообще, забастовка в эти дни приняла всеобщий характер. В некоторых отраслях она продолжалась до второй половины декабря.

Предъявленные рабочими требования говорят о том, в каких ужасных условиях приходилось жить и трудиться рабочим мелких, в буквальном смысле, „потогонных" мастерских. Особенно поражает требование, выставленное шапочниками о сокращении 15-тичасового рабочего дня на 12-тичасовый.

В настоящее время, после проведения в жизнь 8-мичасового рабочего дня, кажется как-то маловероятным это стремление рабочих добиться рабочего дня в 12 часов.

Требования эти рисуют также ужасное положение малолетних учеников и учениц, рабочий день которых был совершенно нерегламентирован, и которые от эксплоатации хозяев никем не защищались.

В то время, как наше законодательство устанавливает для малолетних сокращенный рабочий день, мы видим, что мастеровые жестяночного цеха выставляют требование, чтобы ученики кончали работу вместе со взрослыми. Отсюда можно сделать вывод, что они работали не только не меньше взрослых, но значительно больше. Это, конечно, так и было, так как ученики и ученицы, кроме работ в мастерских, исполняли еще обязанности домашней прислуги.

В нашем распоряжении, к сожалению, мало данных, которые говорили бы о результатах этих забастовок. Все же имеются указания, что, благодаря общему подъему, если не все, то многие из этих требований были удовлетворены.

Следует также отметить, что, хотя все указанные требования носят исключительно экономический характер, тем не менее, связь их с революционными событиями 1905 года находятся вне всякого сомнения.

Революционное движение, вспыхнувшее на броненосце „Потемкин Таврический" и позже на крейсере „Очаков" имеют настолько большое значение, что о них необходимо поговорить особо.

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Социал-демократы

Первые социал-демократические кружки были сорганизованы в Севастополе в начале 1903-го года. Организатором их был моряк Иван Тимофеевич Яхновский. Впоследствии—также тов. Медведев.

В январе месяце 1903 года Яхновский получил от Харьковской организации нелегальную литературу с письмом, в котором ему рекомендовалось установить связь с Крымским Союзом партии. Вскоре им была организована небольшая ячейка из следующих матросов: Зимина, Волошина, Крывоконя, Фуголя и других. Впоследствии в ячейку вошли: Мартыненко, Петров и Матюшенко.

В 1904-м году Яхновский был арестован за ведение пропаганды и распространение нелегальной литературы среди нижних чинов Черноморского флота. Он был выдан провокатором матросом Поповичем. В ноябре месяце 1904-го года Яхновскому при помощи социал-демократической организации удалось бежать из военно-морской Севастопольской тюрьмы.

Кроме него, по словам И. Генкина, большим влиянием среди матросов пользовался с.-д. „Дмитрий" (А. Н. Волошинов).

В конце зимы 1905-го года жандармерией был разгромлен Крымский комитет РСДРП. Первые члены его—Кипен и Кузнецов были арестованы.

Вследствие этого, в Севастополь были брошены новые силы. Из состава Одесской меньшевистской организации приехали: „Кирилл" и „Кондрат". Первый из них был пожилой ветеринарный врач, а второй—студент Одесского университета. При помощи оставшихся членов Крымского союза РСДРП, — Генкина, Шехтера (он же „Петр Иванович") и „Касьяна" (так звали одноглазого инженера химика) удалось отыскать утерянные связи среди флотских и пехотных частей, в том числе с солдатами Брестского и Белостокского полков. Нарушенные арестами связи с рабочими порта также удалось установить.

Приблизительно в мае—июне мес. 1905-го года в Севастополь прибыли и другие социал-демократы, главным образом, меньшевики. Из большевиков известны только два имени: „Матвей" и „Кабанов". Из среды меньшевиков выделялись: пропагандистка

„Ольга" (Генриетта Мешман), „Николай" (Канторович), „Константин" (Иван Вороницын), Андрей Лихтер, Наташа Вольская и Инна Смидович, известная под именем „Нины". Кроме них, активную работу вели с.-д. Михайли, Грудский, Детина, „Тоня" Давид Бронштейн, „Сокол" (он-же Аким) А. Г. Цейгер, Шаманский Александр Дергач и другие.

Весь актив соц.-дем. в 1904—1905 годах состоял приблизительно из 15—20 человек; кроме того, „сознательных", т. е. примыкающих к с.-д., но еще официально непринятых в партию насчитывалось человек 50—60. В комитет, согласно имеющихся сведений, входили: Николай Конторович, Инна Смидович и Генриетта Мешман.

Большого количества партийных сил в Крыму и в частности в Севастополе не было. Об этом красноречиво говорит следующий документ, извлеченный из архива жандармского управления.

„Копия письма без подписи из Одессы, от 7-го июля 1905-го года Нюсе Аппельбаум, в Киев Мариинско-Благовещенская 57/14.

Химический текст

Дорогой товарищ. Сообщите нам немедленно шифр Рыбака с заграницей. Мы получили оттуда очень важное письмо, зашифрованное ключом Рыбака, а он нам неизвестен. До сих пор не получили ни паспорта, ни шрифта...

Ради бога и всех угодников, пришлите людей в Крымский Союз.

Адрес Южного бюро".

Если приходилось ссылаться на бога и всех угодников для получения работников, то положение, очевидно, было крайнее.

„Городская организация,—пишет матрос Кирилл Орлов[1])—в это время слишком была слаба благодаря отсутствию хороших работников, средств, квартир для техники, ибо в Севастополе нет промышенности, здесь стоянка военного флота. Севастопольская же военно-морская организация, наоборот, жила, расширялась и углублялась".

Нельзя, конечно, сказать, что в Севастополе совершенно нет промышленности. Тем не менее, слабость организации здесь подчеркивается.

В несколько лучшем положении находилась подпольная работа во флоте. На броненосцах: „Екатерина II-я", „Синоп" и „Чесма" путем примитивной техники печатались прокламации, которые ночью тут же распространялись среди матросов. Провокации среди моряков в этот период не было, а потому не было и провалов. Заграничная литература получалась своевременно, но, главным образом, меньшевистская—„Искра".

[1]) В. Е. Невский, „Восстание на „Потемкине", стр. 320.

Однако, и эта работа среди моряков, по словам И. Генкина[1]), развернулась более или менее удовлетворительно лишь в начале ноября 1905-го года, когда сформировался новый руководящий центр соц.-дем. военной организации. Кроме военных, в этот центр вошли также Николай Конторович и Иван Вороницын. Из военных особенно выделялся потемкинский матрос Сиротенко.

Севастопольская организация в этот период носила преимущественно меньшевистский характер. Несколько человек большевиков не могли резко изменить ее физиономии. Тем не менее, не вполне однородный ее состав вызывал некоторые трения, которые отражались на работе.

В виду этого, по словам Михайли и Грудского, в первых числах сентября 1905-го года состоялось совещание актива партработников соц.-дем. Севастопольской организации. Оно происходило на Татарской слободке, в доме Иванова. Здесь, будто бы, под давлением рабочей массы и особенно матросов было решено объединиться в единую РСДРП, при чем была принята следующая резолюция: „Между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками, с другой, остается попрежнему целый ряд крайне важных принципиальных и тактических разногласий. Внутри организации и партийным путем (?) те и другие будут продолжать бороться за доказательство правоты своих взглядов. Но это не может, это не должно мешать всем членам организации дружно бороться за „старую" Российскую социал-демократическую рабочую партию с ее славным революционным прошлым и за партийную линию, выраженную в решениях на III-м партийном съезде".

Такой характер резолюции представляется маловероятным. Дело в том, что одновременно с III-м партийным съездом большевиков заседала, как известно, меньшевистская конференция в Женеве, в виду этого, сомнительно, чтобы меньшевистская Севастопольская организация признала для себя обязательными решение III-го съезда, а не Женевской конференции. Кроме того, тактика местной организации, как это будет видно из дальнейшего, совершенно расходилась с постановлениями съезда по вопросу о вооруженном восстании.

После разгрома Севастопольского восстания, в ноябре—декабре месяцах 1905-го года, большевики „Кабанов" и „Матвей", были арестованы, благодаря чему организация стала почти исключительно меньшевистской. Последнее положение сохранилось вплоть до 1910-го года. Впрочем, по словам Михайли в 1906 г. в Севастопольскую организацию входили следующие т. т. большевики: „Максим", Михаил Серафимов, Е. А. Афанасьев, Кин, Павел и др.

В начале августа 1905-го года были созданы две с.-д. типографии, они работали довольно интенсивно, особенно, в период октября—ноября. Одна из них, так называемая, „большая" нахо-

[1]) И. Генкин, „По тюрьмам и этапам" стр. 8-я.

дилась на Цыганской слободке и была технически оборудована довольно хорошо. Там имелась даже маленькая машинка—американка и пара ручных станков. Американка была приобретена через Фальковского —работника Областного партийного центра. Эта типография выпускала в октябрьско-ноябрьские дни газету „Солдат".

Эта газета распространялась не только среди матросов и солдат, но также и среди рабочих и пользовалась большой популярностью. Она выходила вначале один раз в неделю, а впоследствии 3—4 раза. Тираж ее от 150—200 экземпляров дошел в декабре месяце до 2.500. Размер ее был обычный для провинциальных газет.

Вторая „малая" типография находилась на Татарской слободке. Здесь были два шапирографа и мимиограф. Выпускала она исключительно прокламации и листовки.

Из них можно указать следующие: „9 Января", „19 Февраля", „1-е Мая", „Против погромов" и другие.

Само собой разумеется, что этим деятельность партийной организации не ограничивалась. Большое внимание было уделено на распространение нелегальной литературы, как заграничной, так и Крымского Союза РСДРП.

Некоторое представление о распространении нелегальной литературы могут дать сохранившиеся дела жандармского управления, из которых видно следующее:

26-го ноября 1904-го года у матроса Глущенко обнаружен один номер „Искры".

23-го ноября 1904-го года у сторожей-матросов 34-го флотского экипажа найден один номер „Искры".

30-го ноября 1904-го года в казармах Белостокского полка—19 экземпляров прокламаций без указания названия.

30-го декабря 1904 года найдено на базаре—4 гектографированных прокламаций „Пал Порт-Артур".

16-го января 1905 года на Корабельной стороне и в других местах города подобраны прокламации „К матросам".

22-го января 1905 года на Ремесленной улице найдены 23 гектографированных прокламаций „К рабочим Севастопольского Порта".

31-го января 1905 года во флотских экипажах подобраны 43 прокламации соц.-дем. партии и одна прокламация по поводу бывш. суда над 35-ю нижними чинами. Согласно второго сообщения того же числа у патрульного матроса отобраны 2 прокламации и в разных местах найдено —13.

В ночь на 3-е февраля были найдены 54 прокламации „Что такое политическая свобода".

В ночь на 4-е февраля найдено дополнительно в различных частях города 137 прокламаций „Что такое политическая свобода".

В ночь на 5-е февраля—7 прокламаций того же наименования.

В ночь на 7-е февраля—4 прокламации под названием „Революция".

10-го февраля—25 прокламаций „Ко всем патрульным матросам".

В ночь на 14-е февраля—5 прокламаций „Ко всем рабочим и работницам" и 3—„Что такое политическая свобода".

В ночь на 15-е февраля—подобрано в различных частях города 227 прокламаций „Ко всем работникам и работницам".

В последующие месяцы 1905 года в связи с большим широким размахом революционного движения распространение прокламаций не только не ослаблялось, но в значительной степени усилилось.

Охранка по мере сил и разумению старалась бороться с разраставшимся революционным движением. В секретном донесении по начальству от 1-го марта 1905 года начальник Севастопольского жандармского управления указывает следующих „активных деятелей партии, которые замечены агентурой: портовые рабочие Петр Котенев, Иван Остахов, Иван Ткаченко, Грибков, Афанасий Виничук и Галенко—все агитаторы и распространители прокламаций; конторщики порта: Клерфонт, Миловидов, Левошко, Оглобленский, Балашов; в городе: портной в магазине Пеккера Альтшуллер, через которого передаются все распоряжения о сходках, Янкель Кобец и Иосиф Федер; ораторы, личности коих не вполне установлены: чахоточный „Константин", по агентурным сведениям уехавший из Севастополя в Николаев, неизвестный в барашковой шапке и оратор „Ольга"; состоящие под секретным наблюдением: Сергей Иванов, Мельников, Беловодская, Бальзам (работающая в Севастопольской общественной библиотеке) и частная учительница Горенко; среди нижних чинов флота: 36-го экипажа матросы Иван Емельянов и Федор Семенченко (но это не вполне вероятно, так как зиждется на анонимном доносе), 29-го экипажа квартирмейстер Матвей Скрипник и кочегар Рогозинский".

По проверке этих данных, с участниками революционного движения 1905 года, установлена принадлежность к партии лишь следующих лиц: „Константина" (с.-д.), „Ольги" (с.-д.), Котенева (с.-д.), Галенко (с.-д.), Альтшуллера (с.-д.), Кобеца (с.-д.), Федера (с.-д.), Беловодской (с.-д.), Семенченко (с.-д.), Емельянова (с.-д.), Балашова (с.-р.), Мельникова (с.-р.) и Горенко (с.-р.). Принадлежность к партии остальных упомянутых в жандармском отношении, не установлена.

В указанном жандармском донесении не отмечается к каким партиям принадлежат перечисленные лица. Но если бы такое указание и было, то существенного значения оно бы не имело, так как жандармерия чрезвычайно плохо в этом вопросе разбиралась и подчас относила одних и тех же лиц к различным партиям.

Такая тупая и топорная работа крымских жандармов обратила даже на себя внимание предержащих властей, и более квалифицированные охранники департамента полиции разразились по этому поводу следующим посланием:

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ
По Особому Отделу
20-го декабря 1905 года.
№ 16369.

Секретно

Начальнику Таврического Губернского Жандармского Управления

По рассмотрении представленного Вами, на основании циркуляра Департамента Полиции от 24 августа за № 10950, отчета о революционном движени и во вверенном Вам районе, в таковом замечается неполнота, неясность и и непоследовательность в изложении. Так: 1. Во главе организации поставлен „Крымский Союз", но без указания к какой партии он принадлежит. Судя по приведенному Вами объяснению, что в Керчь-Еникальском Градоначальстве и Феодосийском уезде существуют организации „социал-демократической рабочей партии Крымского Союза" и что в списке революционных изданий говорится о прокламациях „Севастопольского Комитета Крымского Союза" той же социал-демократической партии, означенный союз следовало бы отнести соответственно к таковой. Но в числе этого „Союза" показаны Вами Неручев, князь Оболенский, Меркулов и Бычков, которые по списку, представленному 19 ноября за № 5285, показаны уже социалистами-революционерами. Между тем, Вам, вероятно, известно, что партии социал-демократов и социалистов-революционеров не сливаются вместе, и организации последней соединились в особый „Таврический Союз" этой партии. Таким образом, повидимому, организации различных партий подразделены и поименованы Вами неправильно. 2. В доставленном при отношении от 9 ноября за № 3121 списке социалистов-революционеров показаны некоторые лица (Бианки, Рабинович и Роднянская) принадлежащими к партии социалистов-революционеров, а между тем, они привлечены к делу о социал-демократической партии и т. д.[1]).

Конечно, только полным невежеством Севастопольской охранки

[1]) Интересно отметить, что в феврале месяце в распоряжении Севастопольской охранки находились 4 постоянных агента и 1 случайный. Это видно из донесения жандармского ротмистра Васильева от 1 марта 1905 г., в котором, между прочим, говорится: „За февраль месяц предстоит уплатить за услуги агентурного характера следующим лицам:

Сотруднику Зайцеву	34 р.
Филеру Смирнову	16 „
Сотруднику Беркутенко	20 „
Филеру Бугаю	25 „
Еврею Олендорфу, случайному агенту . . .	5 „
Итого . . .	100 „

можно объяснить отнесение одних и тех же лиц к различным партиям, и департамент полиции имел полное право выразить свое недовольство.

Что касается характера деятельности местной социал-демократической организации, то необходимо указать, что тактика и отношение к вооруженному восстанию определялись ее меньшевистским составом, о чем более подробно будет сказано ниже в главе: „О причинах разгрома Севастопольского восстания".

Социалисты-революционеры

Начало Севастопольской организации партии соц.-рев. относится к концу 1904 года. Но активно она начала проявлять себя лишь с мая 1905 года. Самый же разгар ее деятельности нужно отнести к 1906—1907 гг. Основателем организации с.-р. является бывший народоволец д-р Никонов, также с.-р. Емельянов.

В 1905 году с.-р. активистов было не более 5 человек, примыкающих же „сознательных"—20-25 человек. В 1906 году количество значительно увеличилось: так, активистов стало 30-40 человек и примыкающих более 50. Рост организации с.-р. в 1906 году объясняется в значительной степени падением авторитета местной социал-демократической организации в связи с разгромом восстания. Это же привело к тому, что в 1907 году организация с.-р. была господствующей в Севастопольском подполье.

Что касается состава комитета, то документальных данных на этот счет нет, как и в отношении социал-демократической организации. По воспоминаниям подпольщиков в 1905 году в комитет с.-р. входили: „Сергей", учительница Горенко, инженер Пампулов и Штальберг. В конце 1905 года положение изменилось, но точных сведений об этих изменениях нет. Известно лишь, что после освобождения из административной ссылки, в состав комитета был кооптирован д-р Никонов. Наконец, в 1906 году членом комитета был Шнайдер.

С начала 1906 года, когда, благодаря арестам и всевозможным репрессиям, деятельность РСДРП в Севастополе почти прекратилась, начинается особый рост партии с.-р. Этому росту способствовало также и то, что рабочие и матросские массы горели ненавистью к представителям власти и желанием отомстить за жестокое подавление восстания. Террор, который проповедывали с.-р., начал поэтому казаться в это время некоторым особенно привлекательным.

В мае месяце 1906 года, по постановлению Севастопольского комитета с.-р., состоялось покушение на коменданта Севастопольской крепости Неплюева, которое кончилось довольно неудачно. После этого в июне был произведен следующий террористический

акт, направленный против полковника Думбадзе—командира Брестского полка.

В этих покушениях участвовали: Макаров, впоследствии казненный, Яцуновский и Евстафьев (оба в настоящее время живы). Из остальных участников одни повешены, другие расстреляны.

Наконец, в июне того же года матросом Акимовым был убит главный командир Черноморского флота, адмирал Чухнин[1]).

На роли с.-р. в истории нашей революции особенно останавливаться не приходится. В борьбе с самодержавием эта партия мелкой буржуазии была довольно решительна хотя и здесь метод ее борьбы—индивидуальный террор—являлся в корне неправильным. После Октябрьской революции контр-революционность соц.-революционеров обнаружилась особенно ярко. Они открыто стали на сторону барона Врангеля, Колчака и других белогвардейских генералов, восставших против власти рабочих и крестьян.

Другие организации и группы

Сведения о других партийных и общественных организациях и группах очень скудны. Анархистов в 1905 г. не было. Только в начале 1907 г. из организации с.-р. выделяется боевая группа „Свобода внутри нас". Она состояла, главным образом, из рабочих военного порта и руководилась бывшим вольноопределяющимся Ростовского полка Афанасьевым-Маровским, осужденным в бессрочную каторгу за декабрьское восстание в Москве и бежавшим по дороге в Сибирь. Во главе стоял также бывший с.-д. Богданов-Андреев. Эта группа сначала была крепкой и дисциплинированной. Она совершила ряд удачных террористических актов, но потом благодаря реакции и провокации, распалась и разложилась на несколько маленьких самостоятельных группок. Окончательно она умерла в конце 1908 года[2]).

Конституционно-демократическая партия и „Октябристы" оформились в ноябре-декабре 1905 г. О настроениях и чаяниях либеральной буржуазии в Крыму можно судить по некоторым документам Таврического земства и Севастопольских думцев.

Так, Таврическое земство, по случаю рождения наследника, выработало 15 января 1905 года всеподданейший адрес следующего содержания:

> „Ваше Императорское Величество! Таврическое Губернское Земское собрание всеподданейше приветствует Вас, Государь, и Государыню Императрицу с рождением Сына, Наследника Русского престола. В трудную годину народного бедствия явился Он на свет, в годину, жестокой и кровопролитной, в годину тяжелой внутренней смуты. Да будет мир, мир внутри

[1]) Подробней см. в главе: „Отголоски восстания".

[2]) Генкин, „По тюрьмам и этапам" стр. 466—468.

> России и на ее границах—вот лучшее пожелание, которое подданные могут сделать . . . . (неразборчиво). Данный вопрос окрылил русский народ надеждою на близость желаемого внутреннего мира, всегда и всюду покоящегося на охранении полной силы закона, на равноправности всех граждан, на свободе совести и вероисповеданий, свободе слова и печати, союзов и собраний. Мы искренно верим, что в единении государственной власти с народом лежит залог могучего роста просвещенных и производительных сил нашей родины и, что, призвав представителей народа к законодательству, к составлению государственной росписи, Вы создадите из России мощную державу, несокрушимую извне и процветающую внутри при свете права и правды".

В этом обращении заячья душа наших либералов и готовность лизать царственные пятки причудливо смешиваются с надеждой на дарование с высоты престола конституции, хотя это крамольное слово во „всеподданнейшем" адресе и отсутствует.

Севастопольские думцы командировали в Москву на съезд городских и земских деятелей, происходивший 24 и 25 мая, городского голову Максимова. На съезде этом, как известно, была выработана резолюция и петиция на имя царя. На следующий съезд, назначенный на 15 июня, кроме городского головы, в качестве делегатов были избраны гласные: Ласкевич и Бялыницкий-Бируля.

3-й съезд был назначен на 6 июля. Однако, в это время Московский генерал-губернатор прислал на имя Севастопольского градоначальника телеграмму следующего содержания:

> „Покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать предупредить городских и других общественных деятелей вверенного Вам градоначальства, чтобы они не трудились приезжать на съезд, назначенный на 6 июля в Москве в квартире Долгорукова, так как он мною разрешен не будет.
>
> Московский генерал-губернатор Козлов".

Телеграмма эта была послана 24 июня, а 1 июля Севастопольский городской голова получил телеграмму другого содержания: „Бюро подтверждает приглашение 6 июля". Съезд этот, как известно, несмотря на сопротивление администрации, состоялся и на нем был принят ряд решений. Из Севастополя был командирован гласный Ласкевич.

Однако, администрация не унималась, и Севастопольский градоначальник препроводил 5 августа 1905 года городскому голове копию шифрованной телеграммы директора полиции Рачковского, в которой предлагалось не допускать никаких собраний, посвященных постановлениям последнего Московского общеземского съезда.

По получении манифеста о Булыгинской думе состоялось заседание Севастопольской городской думы, которая постановила: „Поручить городскому голове повергнуть перед Его Императорским Величеством чувство глубочайшей благодарности за начала осуществления провозглашенных с высоты престола в высочайшем указе 12 декабря 1904 года реформ о внутреннем устроении России“ и т. д. В дальнейшем дума весьма осторожным языком выражает уверенность, что „при предоставлении населению свободы обсуждения государственных нужд в печати и общественных собраниях, при признании неприкосновенности личности каждого,— население исполнит свой долг перед родиной и тогда настанет полное успокоение страны...“

Необходимо сказать, что это происходило 17-го августа. т. е. уже после Потемкинского восстания, когда революция стучалась в двери страны!

Между тем, о том, насколько этим манифестом осуществлены реформы, можно судить по количеству лиц, которым было предоставлено право выборов членов государственной думы (Булыгинской). Таких лиц по всему Севастополю насчитывалось 521. К этим выборщикам относились лица следующих категорий: 1) те, недвижимое имущество которых оценено для взимания земских сборов не ниже 1500 рублей; 2) все торгующие по промысловым свидетельствам I и II разрядов; 3) лица, которые содержат промышленные предприятия по промысловому свидетельству I—V разрядов; 4) квартиронаниматели, платящие не менее 33 рублей в год квартирного налога, если они не состоят на государственной службе.

Таким образом ни рабочие, ни рядовые служащие, ни крестьяне избирательных прав не получили. Это не могло удержать наших либеральных земцев от выражения своей „глубочайшей благодарности“.

Впоследствии, в связи с манифестом 17-го Октября и, особенно, ноябрьскими днями, земцы несколько порозовели, но природы своей даже в самый разгар восстания изменить не смогли.

Так, например, после подавления ноябрьского восстания, в городе начали циркулировать слухи о значительном количестве жертв, явившихся в результате усмирения. Распространение этих слухов по вполне понятным причинам было нежелательно начальству. И вот, по постановлению Чухнина и Неплюева, была создана комиссия для расследования. В эту комиссию вошли: городской голова Максимов и 7 гласных думы. В своем объявлении о результатах расследования комиссия опровергает эти слухи и заявляет, что при штурме и сдаче Черноморских флотских казарм было „убито нижних чинов только 3, ранено 8 и нижних чинов Брестского полка—убито 2, ранен—1“. Однако, это хитроумное объявление совершенно умалчивает о том, какое же количество убитых и раненых было при обстреле „Очакова“ и расстреле тех матросов, которые спасались с него вплавь!

Между тем, усмиритель Севастопольских матросов и солдат барон Меллер-Закомельский в своем рапорте на имя царя Николая дает совершенно другие цифры.

„Потери 15-го Ноября,—доносит он,—были следующие: у нас, в 49-м пехотном Брестском полку, нижние чины—1 убит, 1 смертельно ранен и умер, 1 ранен, дает надежду на выздоровление; во флоте:—смертельно ранен и умер капитан 2-го ранга Славочинский, легко ранен капитан 1-го ранга Матюхин и ушиблен 1 мичман, убитые: 3 нижних чина, 2 кондуктора и 1 санитар в госпитале; у мятежников 8 убитых, 32 легко раненых, 22 тяжело раненых, 13 обожженных, 2, повидимому, самоубийц, сгоревших на „Очакове", 3 выплывших трупа, из них один мореходного класса".

Из этого подсчета видно, что в среде одних восставших, не считая правительственных войск, было 95 пострадавших, в то время, как, по заявлению комиссии, с той и другой стороны всех пострадавших было 14 человек.

Таково действие того нажима, который произвела администрация на наших послушных либералов...

Хотя движение думцев и земцев, как было видно, носило крайне умеренный характер, тем не менее, даже оно страшно напугало представителей правящих классов. В сентябре 1906-го года петербургский губернатор, „безусловно конфиденциально" обратился к предводителям дворянства и председателям земских управ, в том числе и к таврическому, с отношением, в котором заключаются следующие перлы:

„Независимо от некоторой преувеличенности подобных спасений... я считаю долгом высказать глубокое убеждение в том, что, выбирая из двух зол—политической (у нас всегда *революционной*) агитации при земском деле или же закрытия школ и больниц—последнее для *интересов населения* менее тяжко".

Таким образом, для упрочения существующего самодержавного строя здесь предлагается закрытие школ и больниц (для устранения агитации при земском деле), при чем это мотивируется интересами населения. Таков цинизм нашего „просвещенного абсолютизма"!

В конце 1905-го года в Севастополе организовался „союз свободы, правды и миролюбия", который 23-го ноября отправил на имя графа Витте телеграмму следующего содержания: „Имея в виду печальные события последних дней в Севастополе и других местах, мы, сторонники „союза свободы, правды и миролюбия" во имя Христовой любви, человеколюбивого сердца Государева и умиротворения страны, покорнейше просим Ваше Сиятельство повергнуть перед Государем Императором наше ходатайство о том, чтобы не применять смертной казни к виновникам этих событий. Мы глубоко убеждены, что в настоящее время каждая капля крови будет посевом, жатвой которого будут целые потоки крови".

Направление этого союза, как видно, христианско-толстовское.

Наконец, в отношении союза „истинно-русских людей" необходимо сказать, что эта организация, которая, подобно сорной траве, при благосклонном содействии полиции начала произрастать почти по всей стране, не могла, конечно, миновать и Севастополя.

Здесь были созданы отряды пресловутой „народной расправы". О погромной деятельности этой организации говорит акт, составленный членами народной охраны,[1] а также заметка в „Крымском Вестнике" от 25 октября 1905-го года, где между прочим говорится: „С утра, 23-го числа, настроение в Севастополе, в виду ожидавшейся „патриотической" манифестации, было очень тревожно.

Как показал опыт других городов, такие патриотические манифестации обычно предшествовали погромам.

Однако, в Севастополе для деятельности „истинно-русских" не было благоприятной почвы. Они не могли долго бороться с противопоставленными им мерами социал-демократической организации и впоследствии с боевыми дружинами с.-р.

Попытка устроить погром была предпринята также в начале 1906-го года, приблизительно в конце января. Для этого со всего города был собран люмпен-пролетериат и торговцы, к которым примкнули государственные чиновники.

Собрание их происходило в доме бывшего градоначальства (где теперь находится отдел ГПУ). Отсюда они должны были отправиться с манифестацией по городу. Об этом узнала организация с.-р., которая и встретила процессию союзников на углу Екатерининской улицы и Пушкинского переулка. Произошла свалка, в результате которой „союзники" бежали. Полиция арестовала ряд лиц, совершенно непричастных ни к одной из революционных организаций. После этого погромная агитация продолжала вестись, была даже издана брошюра „Об ожидовлении государственной думы" но погрома, благодаря указанным выше причинам, „союзникам" организовать не удалось.

---

[1]) См. главу „Первые дни свободы".

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Зачатки профессионального движения в Севастополе относятся к маю месяцу 1905 г., когда было созвано собрание служащих торгово-промышленных предприятий для организации союза.

Наибольшее значение в Севастополе имел союз портовых рабочих. Он был организован в ноябре месяце 1905 года инициативной группой рабочих Севастопольского порта, в числе которых были Иван Старцев, Александр Хасатов, Владимир Висикирский, Кичатый, Сотников, Моисей и Тихон Кривохижа, Павел Усатенко, Никанор Кравченко, Климов и Михаил Михайли[1]).

Правление состояло из 9-ти человек, куда входили: Старцев, Хасатов, Висикирский, Кривохижа, Сотников, Климов, Михайли, Кичатый и Кравченко. Из них 5 человек было партийных (соц.-дем.), а остальные—беспартийные. Ревизионная Комиссия состояла из трех лиц: Кривохижи, Усатенко и Пастухова. Кроме того, уполномоченными были: Александр Цейгер, Шиманский и другие.

С ноября месяца 1905 года по май 1906 года союз работал нелегально. После опубликования закона от 20-го марта 1906 года союз легализовался.

Вначале самым надежным и излюбленным местом работы подпольников в порту была железо-котельная и судостроительная мастерская. Затем выборы производились в порту на плацу судостроительной мастерской. Первым секретарем правления союза был Старцев.

После легализации правление Союза поместилось в д. № 20 по Таврической улице, где работало до августа 1906 года, а затем перешло в д. № 25 по Матросской улице (бывш. М. Офицерская).

При союзе имелась читальня и прекрасная библиотека (в то время лучшая в Севастополе). История создания этой библиотеки такова. Вскоре после легализации союза общественный деятель генерал Ласкевич подарил ему очень богатую библиотеку, которая потом пополнялась путем пожертвования книг различными гражданами, а также покупкой в магазинах. Такой жест либерала характерен для 1905 года.

В библиотеке, кроме беллетристических произведений, было много книг научного характера: по истории, естествоведению, социальным вопросам и т. д. Благодаря этому библиотека усердно

[1]) По воспоминаниям тов. Висикирского.

посещалась не только рабочими, но и другими гражданами и, особенно, учащейся молодежью.

В целях усиления средств союза ставились спектакли, при чем пьесы революционного содержания администрация к постановке, конечно, не разрешала. Общие собрания союза были довольно редки и заменялись делегатскими собраниями. Тем не менее, Союзу удалось завязать переписку с другими городами и, главным образом, с Екатеринославом. Переписывались по вопросу о безработице, о подпольниках, их переброске и снабжению соответствующими паспортами, что союзом практиковалось довольно успешно. Так продолжалось до 7-го декабря 1906 года.

В этот день, около 9-ти часов вечера, здание союза было окружено отрядом жандармов во главе с жандармским ротмистром, и все, присутствовавшие там, были арестованы и отправлены в тюрьму.

Из числа членов правления были арестованы: Висикирский, Климов и Кичатый. Кроме них, в читальне арестовано 10 человек, из которых 2—3 были члены союза. Все арестованные просидели в заключении до 1-го января 1907 года, когда они были высланы из Таврической губернии и пределов, прилегающих к Черному и Азовскому морям, без права жительства в университетских и столичных городах.

Так был разгромлен один из наиболее крупных профессиональных союзов города Севастополя.

Кроме того, имеется указание на организацию в Севастополе в 1905 г. союза официантов. Что касается других союзов, то достоверных сведений об их существовании в настоящее время не имеется.

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ»

На Тендровском заливе

Революционная работа среди матросов „Потемкина" началась задолго до июньских дней 1905 года. Случаев проявления неудовольствия со стороны команды было довольно много. Ближайшим основанием для них служило: жестокое обращение „драконов", т. е. офицерского состава, их воровство, плохая пища и, вообще, весь тот казарменный режим, который стремился превратить человека в послушную машину. К этому впоследствии присоединилась, как уже было выше сказано, русско-японская война, которая требовала со стороны моряков человеческих жертв.

У команды „Потемкина" начали устанавливаться связи с местной соц.-дем. организацией, и хотя работа последней не достигала широкого развития, тем не менее она все же оказывала известное влияние.

В 1904 году броненосец „Потемкин" стоял на Николаевском рейде. Команда его в это время насчитывала около 800 ч. Местной организации с.-д. удалось установить с моряками тесную связь. В течение двух месяцев подверглось „обработке" от 50 до 60 матросов.

Действия высшего военно-морского начальства во главе с адмиралом Чухниным были, казалось, специально направлены для того, чтобы разжечь ненависть матросов и вызвать среди них брожение. В целях обогащения офицеров он приказал сократить число вольнонаемных рабочих на казенных заводах и заменить их матросами. Это с одной стороны вызывало недовольство матросов, а с другой облегчало им установить связи с подпольными организациями.

Грудский в своих воспоминаниях пишет, что в апреле 1905 г. соц.-дем. организация выделила для работы в Черноморском флотском экипаже его, Детину и Генриетту Мешман („Ольгу"). Работа эта к маю месяцу значительно подвинулась вперед. Почти ежедневно собирались кружки, организовывались массовки, при чем моряки из своей среды начали выделять некоторых товарищей для ведения пропаганды среди солдат Брестского и Белостокского полков. На броненосце „Потемкин Таврический" в это время имелся периферийный коллектив, во главе которого стоял Матюшенко. Такие же коллективы имелись на „Георгии Победоносце", „Буге" и сторожевом судне „Веха".

План общего восстания, по словам Матюшенко[1]), возник до предполагавшегося отправления эскадры в плавание. У Тендровского полуострова на одном из кораблей предполагалось зажечь ракету в знак начала восстания. Матросы должны были расправиться с офицерами, после чего отправиться в Одессу, где требовать: „1) превращения армии в национальную гвардию; 2) учреждения народного правления; 3) освобождения всех политических заключенных...“ После этого предполагалось обойти все порты Черного моря.

Но вышло так, что вместо всей эскадры в плаванье вышел один „Потемкин“. За несколько дней до своего выхода в море команда „Потемкина“ запросила соц.-дем. комитет, не будет ли вреда для революции, если она подымет восстание. Комитет просил „потемкинцев“ не действовать изолировано.

Фельдман в своих воспоминаниях[2]) говорит, что состав команды не был самым революционным ядром Черноморского флота, так как значительная часть ее состояла из новобранцев, которых пропаганда еще недостаточно захватила.

Точно так же и Коваленко[3]), касаясь этого вопроса, пишет:

„В общем соотношение различных течений среди команды броненосца представлялось мне следующим образом: людей решительно настроенных, готовых стоять до конца, было человек полтораста; между ними душ 50 были, кроме того, люди совершенно сознательные и более или менее развитые; явно враждебных революционному направлению было душ 70, во главе с кондукторами и, пожалуй, прапорщиком Алексеевым. Остальная часть команды, хотя и была, как я уже сказал, в общем проникнута революционным настроением, однако, совершенно не была воспитана, так сказать, в этом направлении и потому являлась элементом весьма неустойчивым, способным под влиянием удачно сказанного слова, под впечатлением удачи, на короткое время воодушевляться, но еще в большей степени и скорее падать духом и теряться при неудаче...“

Восстание началось 14 июня. Внешней причиной его послужило гнилое, покрытое червями мясо, из которого приготовили обед матросам. Само собой разумеется, что если бы почва не была подготовлена и брожение не захватило бы широкие матросские массы, то неудовольствие пищей не могло бы превратиться в восстание.

События разыгрались следующим образом: „Потемкин“ стал на якорь в Тендровском заливе. Вечером 13 июня из Одессы была привезена провизия для команды, в том числе и мясо, которое

[1]) См. „Восстание на броненосце „Потемкин Таврический“ под ред. Невского, стр. 292.

[2]) Там же, стр. 52.

[3]) „Былое“ 1907-й год, № 2, стр. 130—131.

было развешано на верхней палубе спардека. На другой день утром матросы заметили, что в мясе ползают черви. Весть об этом быстро разнеслась по всему кораблю. Матросы начали подходить и рассматривать мясо, чтобы убедиться в верности дошедшего до них слуха.

Команда начинает волноваться. Об этом узнает командир корабля, который приказывает старшему судовому врачу полковнику Смирнову освидетельствовать мясо. Врач, конечно, докладывает, что мясо вполне пригодное для употребления, что черви находятся только снаружи, что черви, собственно, не черви, а не что иное, как личинки мух, которые могут быть уничтожены, если мясо промыть рассолом. Командир приказывает отправить мясо в камбуз [1]) и приготовить борщ.

Однако, вид этого мяса и отвратительный запах лишили моряков всякого аппетита. Когда наступило время обеда, матросы уселись на своих местах, взяли по куску хлеба и кружке воды, а к борщу не прикасались.

Рассвирепевший командир сзывает матросов на шканцы [2]) и обращается к ним с речью, в которой заявляет, что это бунт. В заключение он предлагает тем, кто хочет есть борщ перейти направо.

Из строя вышли все боцмана, фельдфебели и еще несколько человек, которые стали направо,—вся же остальная команда осталась на месте.

Командир приказал вызвать наверх караул. Вид вооруженных людей подействовал на матросов, и они начали вначале по одному, а потом и всей массой переходить направо.

Когда старший офицер Гиляровский увидел, что на месте остается очень мало матросов, всего человек 30,—он вскочил со своего места и начал им преграждать дорогу к остальным. Затем он скомандовал принести брезент, чтобы накрыть им оставшихся и расстрелять.

Смятение и ужас охватили всю команду. Еще мгновение и 30 здоровых людей могли бы превратиться в бездыханные трупы. Но скоро матросы вышли из охватившего их оцепенения. Из толпы, напряженно наблюдавшей эту сцену, вдруг раздается голос:

„Братцы! Довольно терпеть! Ведь, они хотят расстреливать наших товарищей! Бей их, извергов!..“

Эти слова послужили сигналом к восстанию. Матросы схватились за винтовки и с криком „ура!“ бросились на выручку своих товарищей. Мгновенно картина корабля изменилась до неузнаваемости. Офицеры стояли бледные с полными страха глазами, еще не совсем понимая, что произошло. К офицеру Гиляровскому, целившемуся из винтовки в матросов, подбежал безоружный ма-

---

[1]) Судовая кухня.

[2]) Открытая площадка на кормовой части корабля.

трос Вакулинчук, который схватился за винтовку и пытался вырвать ее из рук офицера. Гиляровский выстрелил и смертельно ранил Вакулинчука. В это время подбежал Матюшенко и застрелил Гиляровского.

Испуганные офицеры начали прыгать с корабля в воду. Матросы открыли по ним пальбу.

Началась расправа с наиболее ненавистными офицерами. Командир Голиков, часто грозивший матросам повесить их на „нок" [1]) был полураздетый выведен на палубу из своей каюты.

„Что я наделал, старый дурак?!"—повторял неоднократно Голиков.

„На нок его!—раздались голоса матросов.—Ведь он грозил нам виселицей".—Однако, решили, что это очень долго и лучше расстрелять.

Смертный приговор был произнесен. Грянул залп выстрелов, и труп командира-самодура полетел за борт.

Старшему врачу Смирнову, который освидетельствовал мясо и признал его годным, предложили поесть его. Он отказался и был выброшен за борт.

Кроме указанных, были еще убиты следующие офицеры: лейтенант Неупокоев, мичман Григорьев, прапорщик Ливенцов и лейтенант Тон. Несколько офицеров было также ранено.

Эта расправа с наиболее ненавистными офицерами становится вполне понятной, если мы примем во внимание ту затаенную ненависть, которая накапливалась у матросов годами и явилась следствием жестокого бесчеловечного обращения.

Кроме офицеров во время происшедшей перестрелки пострадало около 30 человек судовой команды.

Когда первая вспышка гнева прошла, матросы успокоились и решили прекратить дальнейшее избиение офицеров. Уцелевшие были арестованы.

Между тем, командир миноносца № 267, лейтенант барон Клодт, услышав выстрелы, решил немедленно сняться с якоря. Однако, якорная машина перестала действовать и помешала ему исполнить это намерение. Кроме того, броненосец „Потемкин" направил в него свои орудия и приказал подойти к нему. Этому приказанию пришлось подчиниться. К тому же и команда миноносца заставила командира не противиться приказанию. Клодт поднялся на броненосец, где и был арестован.

Теперь пора было заняться своими делами. Созвали команду и первым долгом избрали комиссию из 30 матросов, которая должна была осуществлять власть на корабле. Командиром корабля был назначен прапорщик Алексеев, а старшим офицером боцман Мурзак.

Прапорщика Алексеева Фельдман рисует, как полнейшее ничтожество. Он оказался в рядах восставших матросов не вследствие

[1]) Название одной из поперечных балок наверху мачты.

своей солидарности с ними, а исключительно из страха за свою жизнь. Командиром революционного корабля он, конечно, не мог быть. Боясь возмездия со стороны самодержавия за свой поступок, он предательски старался потушить восстание. Не решаясь действовать открыто, Алексеев стремился достичь своей цели через других. Остановив свой выбор на нем, матросы руководствовались не тем, что особенно ему доверяли или любили, а просто тем, что авторитет офицерского звания был в их глазах еще очень высок, несмотря на восстание. Кроме того, матросам казалось, что никто, кроме офицера, не может вести корабль, что было, конечно, неверно [1]).

После организации власти, поставили на обсуждение вопрос: что делать дальше? Было решено направиться в Одессу, где по их сведениям, в это время происходили беспорядки.

Был составлен протокол событий на броненосце, кроме того, решено было составить обращение к населению Одессы, к казакам и французскому консулу. Содержание одного из этих обращений следующее:

> „От команды броненосца „Князь Потемкин Таврический". Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания, долой самодержавие! У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен".

В Одессу „Потемкин" прибыл 14-го июня вечером, а утром 15-го числа удивленные жители увидели на нем развевающийся красный флаг.

В Одессе

Между тем, в Одессе революционные события начали разворачиваться еще с 13-го июня совершенно независимо от „Потемкина". Заграничный большевистский орган „Вперед" [2]) описывает их в следующих словах:

„13-го июня тысяча рабочих собралась у завода Гена, чтобы идти снимать другие фабрики и заводы. Вызвали казаков, рабочие встретили их камнями и заставили казаков отступить на несколько кварталов. Затем запас камней кончился, и рабочие остановились. Остановились и казаки, спешились. Слезая с лошади каз. офицер запнулся и упал. Рабочие бросились бить офицера. Казаки

---

[1]) Коваленко пишет, что его очень удивил выбор Алексеева, так как он знал последнего, как человека чуждого прогрессивных стремлений, кроме того своим угнетенным видом Алексеев действовал деморализующим образом на команду „Потемкина". См. „Былое" 1907 г., № 1, стр. 102.

[2]) Журнал „Вперед" и „Пролетарий". Выпуск 3-й стр. 136.

дали залп и убили двоих рабочих. После этого кровопролитяи Комитет начал агитировать за всеобщую политическую забастовку и призывал рабочих требовать выдачи трупов убитых для похорон без участия войск и полиции. На эту тему велась агитация 13-го. 14-го пошли снимать, снимали дружно, к 5 час. вечера стояло почти все; конки перестали ходить, на Преображенской лежало два вагона—остатки баррикад..."

Дальше в той же статье говорится:

„С 13-го числа объявлена всеобщая забастовка. Два дня мы толпами ходили по улицам и всюду снимали с работы несознательных рабочих. Были мелкие стычки с полицией, но мы выходили победителями. Разъяренные шайки казаков беспощадно бьют и режут, не разбирая детей, стариков, женщин. На третий день арестованы были 25 человек (высланных нами депутатов). Это взволновало всю массу, и началось шествие по улицам, на которых начали строить баррикады. Я никогда не забуду одной сцены, происходившей на моих глазах. Представьте себе толпу детей (11—14 лет) с воодушевленными, вспотевшими личиками, стаскивающих своими маленькими рученками бревна и камни для баррикады. Они так поглощены своей работой, что не обращают ни на что внимания, не слушают ни топота казацких лошадей, ни свиста нагаек. Праздная, глазеющая публика, да и все мы содрогаемся, завидев их бешеный бег. Еще один момент, еще один скачок, и слетят, быть может, невинные головки, перестанут биться эти еще чистые детские сердца... Раздался залп, и на несколько минут все покрылось как бы туманом. В воздухе запахло кровью. Когда туман рассеялся, мы увидели красную от крови мостовую, несколько убитых и раненых товарищей, в том числе и одну молодую девушку."

В такой раскаленной атмосфере появился на горизонте восставший броненосец „Потемкин". С последнего была отправлена на берег шлюпка с телом матроса Вакулинчука. На груди его был приколот листок следующего содержания:

> „Господа одесситы! Перед Вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический" за то, что Вакулинчук заявил, что „борщ не годится". Осеним себя крестным знаменем и скажем: Мир праху его. Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам!
>
> Да здравствует свобода!
>
> Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический"
>
> Один за всех, все за одного!"

Несколько матросов с винтовками составили караул, охранявший труп.

Весть обо всем происшедшем мгновенно облетела весь город. В гавань устремились громадные толпы народа, главным образом, рабочих. Тут же на построенное наскоро возвышение всходили ораторы, которые рассказывали обо всем происшедшем и призывали к борьбе с насилием и свержению самодержавия.

Рассказ о восстании матросов вызвал необычайный восторг в среде рабочих. Матросский катер встречали криками „ура". Добровольцы рабочие начали грузить на броненосец уголь с захваченных барж.

Из города к броненосцу отправились шлюпки с представителями революционных партий и в числе других на корабль взошли социал-демократы Фельдман, „Кирилл" и ещё один бундовец[1]). Был открыт митинг, на котором слова ораторов: „Да здравствует свобода!", „Да здравствует социализм!" вызывали воодушевление среди матросов, пробуждая всеобщую радость...

Однако, каких либо организационных шагов в это время предпринято не было.

Большое количество посторонней публики вызвало толкотню на корабле, и не привыкшие к этому матросы, потребовали, чтобы все вольные покинули броненосец. Из революционеров на нем осталось только трое.

К „Потемкину" на шлюпке подплыли солдаты двух полков Измайловского и Дунайского и от имени своих частей приглашали матросов сойти на берег, обещая к ним присоединиться.

На следующий день на корабль явился член партии большевиков (девица). Она также убеждала матросов высадить десант.

Однако, оставшиеся на броненосце кондуктора повели против этого агитацию, и предложение это не встретило сочувствия среди команды, а между тем, оно было единственно правильным, так как такой десант значительно усилил бы революционное движение в городе и мог бы вызвать большие волнения в войсках.

По воспоминаниям матроса Кирилла Орлова к броненосцу подъехала шлюпка с чинами прокурорского надзора и жандармерией для расследования дела и составления протокола о случившемся. Им дали взойти на палубу, затем потребовали наверх матросский суд и двенадцать человек караула с винтовками. При виде такой картины лица жандармов вытянулись, важность исчезла и перед матросами предстали жалкие людишки. Они упали на колени и стали просить помилования. Революционный комитет решил их отпустить, предварительно разоружив и сняв погоны. Когда эти представители власти подъезжали к берегу, огромная толпа встретила их свистом, гиканьем и насмешками.

В тот же день на горизонте показался дымок парохода. Вначале возникла мысль о появлении севастопольской эскадры, но

[1]) Бундовец вскоре сошел на берег и больше не возвращался. Фельдман был арестован впоследствии в Феодосии, а „Кирилл" руководил восстанием до конца.

потом оказалось, что это был небольшой военный пароход „Веха". Решили его захватить, с каковой целью дали приказ командиру явиться с рапортом на броненосец. Командир „Вехи" не замедлил явиться в полной форме с орденами на груди. Матюшенко объявил его арестованным и потребовал сдать оружие. Изумленный командир не знал, как к этому отнестись. Однако, суровые лица матросов и заряженные винтовки подсказали ему, что с ним не шутят, и что дело серьезно. Дрожащим голосом он начал уверять матросов, что всегде стоял за них и проч. Но Матюшенко с револьвером в руках прекратил его болтовню и после снятия погон, командир был отправлен под арест.

После этого дали сигнал „Вехе", что командир требует к себе всех офицеров. Когда они явились, их постигла участь командира. Вскоре эти офицеры были свезены на берег, а „Веха" обращена в госпитальное судно.

Между тем, на „Потемкине" оставленные кондуктора вели свою агитацию, направленную против восстания и, в частности, против вольных. Дело дошло даже до того, что оставшимся на корабле представителям революционных партий не хотели давать говорить. Однако, слово было взято, и настроение матросов переменилось к лучшему. Ораторы говорили о созыве учредительного собрания, о тяжкой доле рабочих и крестьян и о необходимости политической борьбы...

Трое из арестованных офицеров: доктор Голенко, мичман Калюжный и инженер-механик Коваленко попросили их выслушать и заявили о своем присоединении к восставшим матросам. Комиссия обсудила заявление и, несмотря на предупреждение Фельдмана не доверять им, большинством голосов было постановлено принять их предложение. Матросы указывали, главным образом, на ту пользу, которую им могли бы принести эти офицеры. Они были освобождены из-под ареста, и, таким образом, формально присоединились к восставшим.

Впоследствии пришлось об этом пожалеть, благодаря той провокационной роли, которую сыграл один из них—доктор Голенко.

Между тем, в городе события принимали все более тревожный характер. Из донесения начальника одесского жандармского управления от 16-го июня видно, что еще 14-го июня на соборной площади произошел взрыв с человеческими жертвами. Была брошена бомба революционером в пытавшегося задержать его городового. У последнего были оторваны голова и ноги, причем бросивший бомбу был также смертельно ранен.

Выше уже указывалось на громадное скопление народа в порту и на те зажигательные речи, которые произносились у трупа Вакулинчука.

Полиция, конечно не дремала и, верная своим методам, приступила к агитации за устройство еврейского погрома.

Были попытки со стороны полиции,—пишет газета „Вперед", [1]) вызвать еврейский погром, агитация в этом смысле велась все время. Толпа убила двух шпионов, призывавших к погрому; трупы убитых шпионов бросили в море при криках „ура". Шпионы пытались организовать черную сотню, но тоже безуспешно; за речи о пользе самодержавия их избивали без дальнейших разговоров.

Но вечером положение для полиции стало более благоприятным. Дело в том, что в 4 часа дня представители соц.-дем. организаций распустили собрание в гавани с тем, чтобы собраться утром на другой день для обсуждения дальнейшего плана действий. Мотивировалось это тем, что матросы отказываются высадиться на берег до присоединения остальной эскадры. Рабочие ушли, а громадная толпа, так называемых, „босяков" и несознательных рабочих осталась.

Воспользовавшись этим, полиция сложила в гавани массу ящиков с водкой, рассчитывая на то, что толпа опьянеет и ее можно будет направить на погром. Расчет оказался верным. В то время, как одна часть более сознательных рабочих отправилась топить ящики с водкой, другая — предалась повальному пьянству.

Последствия этого немедленно сказались.

„Часов в 6,— пишет „Вперед" в той же статье,— босяки начали громить товарные склады и монополию. Вино разливали и разбивали здания. Вспыхнул пожар, быстро охвативший всю гавань. Сгорели огромные склады пароходных обществ, все портовые здания, много пароходов и судов, пристань, эстакада; горит Пересыпь. Море пламени бушевало всю ночь. В городе невероятная паника. На вокзале давка. Буржуа уезжают. В пламени гибнут десятки миллионов".

„Крымский Вестник", [2]) дает следующие подробности этих событий:

„В среду многотысячная толпа в порту, как уже сообщалось раньше, предала огню все, что только поддавалось ему. С ужасающей беспощадностью и с полным забвением того, что в каждом из портовых пакгаузных помещений находились целые семьи служащих в пароходных обществах, лишение имущества которых равносильно их окончательному разорению, толпа эта поджигала пакгаузы, дома и строения, еще неоконченные с их рештованиями, деревянные облицовки молов, к которым примыкали суда и пароходные пловучие пристани. Словом, ничему не было пощады. Одновременно с появившимся в пакгаузах на Новом молу огнем, подожжен был дом управления начальника порта вместе с приемным покоем, оказавшим тысячам людей первую медицинскую помощь. Затем огонь перекинулся на эстакаду, которую подожгли

[1]) Журнал „Вперед" и „Пролетарий" вып. 3-й, стр. 137.

[2]) „Беспорядки в Одессе", ст. „Крымского Вестника" от 23-го июня 1905 г. (перепечатка из одесских газет).

в разных местах. Перебегая с места на место с шумом и криками толпа поджигала дом за домом. С эстакады огонь перешел на здания каботажного отдела управления. Отсюда огонь перешел на пакгаузы Практического агентства Р. О. П. и Т., которое погибло вместе со своими пристройками и товарами. Эстакада была передаточным звеном, и все здания, примыкавшие на расстоянии от мастерских Добровольного флота, находящихся на территории Новой гавани, вблизи Платоновского мола и до Андросовского переезда, где огонь остановился, погибли. Никогда еще зарево не освещало так ярко и сильно города, как это было в ужасную ночь на 16-е июня. Рассвет застал порт в полуразрушенном виде. Огонь продолжал свое разрушительное действие, пытаясь проникать все далее в Карантинную гавань, задев передаточную Р. О. П. и Т., где таможенные власти осматривают пассажиров, прибывающих из-за границы на пароходах Общества.

Ко всем набережным с деревянными облицовками, примыкали пароходы разных обществ, пристани их, устроенные на понтонах, баржи и парусные суда. По мере того, как огонь охватывал деревянные облицовки, пароходы Р. О. П. и Т. выводились на внешний рейд из Практической гавани. Работа происходила поспешно и усиленно; освещения было слишком много. Пароходы же частных лиц—С. С. Карнеева „Измаил" и Островского „Вера", бывшие с обеих сторон пристани Шавальда, загорелись. Всем нужно было думать о спасении собственной жизни, и пароходы предоставлялись всепожирающему огню. Рядом с этими пароходами стоял парусный флот. Это все деревянные суда каботажного плавания. Их было свыше 70. С необыкновенными усилиями некоторым судам удалось отделиться и выйти из линии на рейд. Около 50 судов сделались жертвою огня. От них не осталось и следов. С левой стороны военного мола стоял блокшив „В. К. Михаил", который также сделался жертвой огня. С эстакады огонь перешел также на здание, которое носило название „Волнорез", и от которого остались только одни обгорелые стены. Между Военным молом и Новым огонь уничтожил пристани Вебстера, Русского Дунайского Общества, пароходства „Георгий" и „Орион", 4 парохода Российского Общества транспортирования кладей и 2 парохода Кошкина. Все пароходы, стоявшие между Новым и Платоновским молом, спаслись только потому, что оттянулись на средину рейда.

Днем можно было осмотреть, что пощажено огнем. На Арбузной, Соляной и Практической набережных не уцелело ничего. На Военном молу уцелели: отделение Корабельной конторы, приемный покой имени А. А. Анатра и дом, в котором живут портовые матросы; на территории Нового мола ничего не пощажено, на Платоновском молу уцелели: приемный покой Н. М. Зеленой; портовая электрическая станция и мастерские Добровольного

флота. Все же остальное, до соляных пакгаузов включительно, уничтожено огнем.

Если считать убытки, нанесенные пожаром вместе с разграбленным имуществом и расхищенными кассами разных пароходных обществ, то едва ли можно ошибиться, определив их в 50 миллионов..."

Верным слугам самодержавия, казалось, только этого и надо было. Немедленно весь порт и гавань были заняты войсками, казаками и полицией. Заперев все выходы, войска открыли огонь по обезумевшим людям, расстреливая всех тех, кто пытался выйти из этого огненного кольца. Залпы ружейных выстрелов смешивались с треском падающих от огня зданий и создавали жуткое впечатление. Потерпевших по словам газеты „Вперед" было от 800 до 1.000 человек.

Оставлять дальше труп Вакулинчука на берегу становилось невозможным. Матросы сообщили, что из-за трупа между полицией и рабочими в порту происходит форменный бой. Нужно было его похоронить. Чтобы получить разрешение командующему была отправлена депутация в составе трех человек, которые двинулись в путь вместе с священником. Отправка депутации была сопряжена с большой опасностью, так как их могли по дороге расстрелять. Командующий разрешил хоронить матроса в 2 часа ночи. Предложение это было матросами категорически отвергнуто. Однако, впоследствии вопрос этот разрешился в благоприятном смысле, так как власти разрешили хоронить днем. В город было отправлено двенадцать матросов для похорон.

После этого начался обстрел Одессы из орудий „Потемкина". О причинах этого обстрела существуют три различных версии.

Так, например, Фельдман пишет, что причина его была вызвана сообщением солдат о сочувствии гарнизона матросам. Если матросы сделают первый шаг, то одесский гарнизон перейдет на сторону восстания. Так как в одесском театре заседал военный совет, то солдаты предложили дать залп по театру из орудий. Когда генералы будут перебиты, то присоединение солдат будет обеспечено. Таким образом, по словам Фельдмана, бомбардировка города началась для осуществления перехода гарнизона на сторону народа.

Между тем, Матюшенко в своих воспоминаниях пишет, что обстрел начался вследствие недоставки городом провизии.

„Но вот уже четыре часа пополудни,—пишет он, [1] — а провизии нет; вот и 5, и 6, и 7 часов, а все еще ничего не везут нам. Мы решили бомбардировать город Одессу, разбить городской театр и дом градоначальника. Забили боевую тревогу, зарядили на фок-мачте холостыми зарядами 37-миллиметровую пушку, а с правой стороны 2 шестидюймовых орудия—боевыми. Горнист заиграл сигнал „открыть огонь". И вот раздались первые

[1]) Невский „Восстание..." стр. 301.

выстрелы—холостые. Через полчаса раздались боевые выстрелы, которые как гром, раскатились по городу..."

Кирилл Орлов объясняет обстрел города тем, что после огромной демонстрации во время похорон Вакулинчука, командующий Одесским округом произвел большие аресты. Тогда к нему была послана депутация с „Потемкина", которая потребовала освободить всех политических заключенных, доставить на „Потемкин" продовольствие и уголь, разрешить свободу собраний, установить 8-мичасовой рабочий день и проч. Командующий, вместо ответа, арестовывает депутацию. Тогда началась бомбардировка города, в результате чего политические были освобождены, а отцы города доставили на „Потемкин" уголь, воду и продовольствие. О предъявленных требованиях в несколько иной редакции говорит также и Фельдман.

Можно прийти к заключению, что не вопрос о присоединении Одесского гарнизона был главной причиной, побудившей „потемкинцев" начать обстрел Одессы. Это слишком расходилось бы с их общей линией и отношением к вопросу о координировании действий с революционным движением на берегу. На этот шаг могли их толкнуть более узкие и близкие им интересы, как, например: вопрос об аресте их депутации и продовольствии. Это, конечно, не исключает того, что у некоторых из главарей „Потемкина" могла появиться надежда, что бомбардировка Одессы вызовет присоединение гарнизона.

Бомбардировка города произвела на его обитателей, командование и войска потрясающее впечатление. „Крымский Вестник" от 26-го июня в ст. „К событиям в Одессе" пишет об этом в следующих словах:

„Тревожное настроение в городе дошло до апогея к вечеру 16-го июня, когда стало известно, что из 12 матросов „Потемкина", возвращавшихся из города после похорон их товарища Омельчука[1]), в порт попало только семь. Срок, к которому матросы должны были по назначению команды вернуться на броненосец, прошел. Пробило половину 8-го часа. И вдруг с „Потемкина" в город полетел с оглушительным треском первый снаряд. Все в испуге бросились к своим квартирам. Магазины моментально были закрыты. Снаряд, выпущенный броненосцем, с ужасной силой ударился о карниз дома Фельдмана, № 71, на углу Нежинской и Спиридоновской улиц. Дом словно застонал от удара и, вздрогнув всем своим корпусом, скрылся в облаках дыма и пыли. То была бомба из 6-тидюймового орудия. На Нежинской, Спиридоновской и Гулевой улицах послышались крики прохожих, оглушенных падением бомбы. Громадный кусок карниза, шириною почти в сажень, вместе с частью крыши рухнул на тротуар. Когда пыль улеглась, глазам опомнившихся прохожих представилась большая брешь,

[1]) Вакулинчука (В. К.).

образовавшаяся в фасаде здания. Камни полетели на черепичную крышу противоположного одноэтажного дома Таранова, а также пронеслись над корнизом второго этажа дома Сливинской, который слегка поврежден... Невозможно представить себе тот панический страх, который овладел всеми жильцами этого дома. Выбежав во двор и оглашая воздух криками и рыданиями, они ломали в отчаянии руки. Такая же паника царила и в смежных домах, где жильцы спешили укрыться в подвальных помещениях. Осколками раздробившейся в куски бомбы ранена в ногу М. Спектор, проходившая на расстоянии одного квартала от дома Фельдмана. Лошади дрожек, проезжавших в момент падения снаряда, испугавшись понесли и вышибли извозчиков из козел. Кругом люди бегали, не сознавая куда и зачем. Не обошлось и без курьеза. Домовладелец Померанц, услыхав треск, до того растерялся, что выбежал на улицу и помчался по направлению к Тираспольской улице. Вбежав в кондитерскую, он осведомился у продавщицы, не знает ли она, где он живет. Громадная толпа тем временем валом валила со всех сторон города к дому Фельдмана. Благодаря бреши, глубоко вдающейся в крышу, дом как бы разделен на две части. Торчащие латы вызывают удивление толпы, горячо обсуждавшей вопрос, почему именно обнажившиеся деревянные части не загорелись от взрыва. Один из военных объясняет, что бомба, повидимому, выпущена не начиненная взрывчатыми веществами, а так называемая учебная. Многие бросаются к загроможденному камнями тротуару разыскивать осколки бомбы. Их нашли во множестве. Из-за них многие вступали в пререкания и в... торг. Осколки, доставшиеся мальчикам, продавались желающим сохранить по рублю за штуку, и торг шел успешно. Под сломленным деревом нашли тяжелый винт от бомбы, за который нашедшему его предлагали 10 р., но дворник отнял его и вместе с другими осколками вручил полиции. В некоторых местах телефонная и телеграфная проволоки порваны. Любопытно,

Тихон Мартьянов, б. унтер-офицер, участник Потемкинского восстания. Избран артиллерийским офицером на красном „Потемкине". Расстрелян белыми в 1918-м году.

что оконные стекла, за исключением одного, уцелели, несмотря на сильное сотрясение... Второй выстрел, пущенный с броненосца, мигом очистил улицу от любопытных. К 9 часам вечера на улицах города, погрузившегося во мрак, вследствие прекращения работ на газовом заводе, души не было. Город словно вымер.

Второй выстрел с броненосца раздался через 10 минут. На этот раз снаряд перелетел через крыши домов всего города и ударился о карниз 3-го этажа дома Стрепетова, в предместье по Бугаевской улице, где пробил два просвета и, разрушив стену, понесся дальше. В доме поднялась тревога. Жильцы, охваченные безотчетным страхом, выбежали на улицу и с воплями и криками пустились бежать в открытое поле... Сила полета снаряда вскоре ослабела, он стал опускаться все ниже и, достигнув здания сахарного завода Александровского товарищества, разрушив забор сада, прилегающего к квартире помощника управляющего завода Гольдфарба, упал на землю и зарылся..."

Доблестное войско побежало, бросая винтовки, лошадей и прячась в подвалах...

Однако, какого либо вреда для генералов эти выстрелы не причинили. Прицел был взят неправильно, при чем, как позже выяснилось, это было сделано умышленно сигнальщиком Ведермеером. Он оказался предателем. Ведермеер скрыл также от команды принятый от береговых солдат сигнал: „Продолжайте бомбардировку, утром присоединимся к вам". [1])

Среди мирных жителей человеческих жертв от бомбардировки также не было.

Страх перед восставшим „Потемкиным" был настолько силен, что Одесский Градоначальник Нейдгардт просил разрешения потопить броненосец миной. Точно также начальник Одесского жандармского управления шифрованной телеграммой на имя Департамента полиции просил прислать из Петербурга подводные лодки или миноноски для взрыва „Потемкина".

Встреча с эскадрой

На утро следующего дня на горизонте была замечена эскадра. Немедленно был отдан приказ готовиться к бою. Все стали на свои места; над „Потемкиным" взвилось красное боевое знамя. Эскадра состояла из трех броненосцев: „Двенадцати Апостолов", „Синопа" и „Георгия Победоносца", которых сопровождала минная флотилия. Увидя готового к бою „Потемкина", эскадра повернула обратно и начала уходить в открытое море.

После этого была созвана комиссия, которая обсуждала план действий при новой встрече с эскадрой. В город были направлены товарищи для приобретения всех необходимых припасов к пред-

[1]) „Восстание на броненосце" „Потемкин Таврический" В. Е. Невский, стр. 90.

стоящему бою, как например: угля для прожекторов, серной кислоты и проч.

Около двенадцати часов снова появились броненосцы. Их было пять. Эскадра с „Потемкиным" обменялась беспроволочными телеграммами следующего содержания: „Потемкину присоединиться к флоту"—приказывал командующий, на что последний ответил: „Просим командующего на борт корабля". Эскадра продолжала итти на броненосец „Потемкин". Тогда „Потемкин" пошел ей навстречу и врезался в пространство посреди эскадры. Расстояние между броненосцами было настолько близко, что люди были ясно видны.

Когда матросы „Потемкина" увидели, что четыре линейных корабля окружили его, и что в ближайшее мгновение могла бы начаться со стороны эскадры пушечная стрельба, раздались было голоса, что другого выхода нет, как сдаться на милость Чухнина; но здесь выступили Матюшенко и Мурзак, которые заявили команде, что необходимо вступить в бой с эскадрой; в крайнем же случае можно затопить корабль или взорвать его. Однако, ни одним из этих выходов не пришлось воспользоваться. С броненосцев эскадры послышалось громкое „ура". С „Потемкина" ответили тем же.

После этого эскадра повернула обратно и дала сигнал „идем в Севастополь". С „Потемкина" ответили: „Остаемся здесь".

В это время „Георгий Победоносец" остановился, и с него получен сигнал о желании присоединиться к „Потемкину". С последнего была направлена к „Георгию Победоносцу" миноноска с матросами, которые ознакомили команду „Георгия" со всем, происшедшем на „Потемкине" и арестовала офицеров „Георгия". Однако, и здесь на броненосце были оставлены кондуктора. Было внесено предложение о пересадке половины „Георгиевской" команды на „Потемкин" с тем, чтобы недостающее число было пополнено „Потемкинцами". Однако, это предложение было отвергнуто и только несколько десятков человек „Потемкинцев" перешли на „Георгия".

В настоящее время силы восставших моряков значительно увеличились. Вместо одного, было два броненосца на стороне революции. Настроение матросов было очень приподнятое. Волнения предыдущего дня улеглись, все отдыхали и обсуждали дальнейшие мероприятия. Чувство радости, однако, продолжалось недолго. С „Георгия" поступили сведения о том, что кондуктора ведут агитацию за возвращение в Севастополь и что на их стороне уже половина команды. Было решено послать на „Георгий" депутацию с вооруженным караулом для успокоения матросов и ареста кондукторов. Доктор Голенко также решил ехать вместе с этой депутацией.

В виду того, что все ораторы „Потемкина" были измучены и вследствие хрипоты лишились голоса,—предложение Голенко не

встретило возражения. К тому же надеялись, что он, как офицер, сможет оказать на матросов нужное влияние.

Это было непоправимой ошибкой. Вскоре с „Георгия" был получен сигнал, что он направляется в Севастополь и приглашает „Потемкин" следовать за собой. Вслед за этим он тронулся в путь. Этот изменнический поступок недавнего соратника возмутил матросов „Потемкина", которые немедленно направили против него орудия броненосца. „Георгий" повернул обратно и двинулся на прежнее место. Однако, он не остановился, а ворвался в бухту, где сел на мель.

Впоследствии оказалось, что провокатор доктор Голенко заявил матросам о желании команды „Потемкина" идти в Севастополь и сдаться и что только несколько человек противятся этому всеобщему желанию.

Изменнический поступок „Георгия" создал чрезвычайно опасное положение для „Потемкина", т. к. теперь, кроме орудий города, против „Потемкина" могли быть направлены также орудия „Георгия Победоносца".

Во время наступившего замешательства раздался чей-то голос, предлагавший идти в Румынию. Этот лозунг был подхвачен и завладел мыслью матросов. Даже Матюшенко поддался наступившей панике и также требовал идти в Румынию. Противодействие представителей партии оказалось тщетным. Броненосец тронулся в путь, однако, вскоре начался перелом в настроении матросов, и лучшая их часть начала агитировать против сдачи. В конце-концов, у многих появилась уверенность, что они идут в Румынию не сдаваться, а лишь получить недостающие им припасы.

Между тем, к „Георгию" направились правительственные катера. Команда „Георгия" отправила командующему в Одессе депутацию с заявлением о своей покорности. На броненосец был командирован генерал Карангозов, которому команда прокричала „ура", принесла повинную и заявила просьбу о возвращении на броненосец их офицеров.

„Одесский листок" сообщает об обстоятельствах сдачи следующее: „...броненосец „Георгий Победоносец" сдался после продолжительных переговоров еще в прошлую субботу вечером. Согласно донесения командира этого броненосца, капитана 1-го ранга Грузевича, окончательная сдача этого броненосца произошла во вторник 21-го июня при следующих обстоятельствах. К броненосцу от порта отбыли все офицеры броненосца во главе с капитаном Грузевичем, а также и священник. Этих лиц сопровождали посаженные на баржи роты нижних чинов. Находившиеся на броненосце матросы встретили командира и офицеров молча, с опущенными головами. По его распоряжению матросы выстроились на палубе. Тогда он обратился к ним с подобающим этому случаю словом и потребовал выдачи всех зачинщиков. В ответ на это

матросы сказали, что они сожалеют о случившемся и каются, а также обещают впредь служит верой и правдой и надеются на помилование. Затем матросы выделили всех зачинщиков, которых, по их указаниям, оказалось 67 человек. Все эти люди были затем сняты с броненосца и под усиленным конвоем отправлены в порт..."

Того же числа практическая эскадра Черноморского флота в составе броненосцев: „Ростислав", „Три Святителя", „Синоп" и нескольких контр-миноносцев под командой вице-адмирала Кригера и контр-адмирала Вишневецкого отправилась в Одессу за броненосцем „Георгий". 26-го июня эскадра вместе с ним вернулась обратно в Севастополь. „Зачинщики" были преданы военно-морскому суду. Так бесславно кончилось восстание на „Георгии". Он отдался в руки самодержавия без боя.

26-го августа 1905-го года был объявлен приговор, по которому из 75-ти подсудимых матросов броненосца „Георгий" только 20 оправданы. Приговорено: 3 — к смертной казни через расстреляние, 19 — к каторжным работам на разные сроки и 33 в Исправительные арестантские отделения... [1]

В Румынии

20-го июня „Потемкин" прибыл в румынский порт Констанцу. Был произведен салют из орудий. К броненосцу подошел катер с двумя румынскими офицерами. Команда попросила разрешения запастись в Румынии провизией, углем и водой. Румыны ответили, что должны получить разрешение своего начальства и вместе с тем повели разговор о сдаче „Потемкина". Последнее предложение было отвергнуто.

Румынским офицерам было передано два воззвания: первое — ко всему цивилизованному миру и второе ко всем европейским державам. Документы эти гласили:

1. „Ко всему цивилизованному миру".

„Граждане всех стран и всех народов! Перед Вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди — долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода! — как гром, раскатился по всей необъятной Руси.

[1]) См. „Крымский Вестник" от 28-го августа 1905-го года.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее правительство забыло одно, что темная и забитая армия, это сильное орудие ее кровавых замыслов, есть тот же народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца „Потемкин Таврический", решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас проклятье, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз— смерть или свобода для всего русского народа.

Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем немедленного созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический" и миноносца № 267.

2. „Ко всем европейским державам!"

„Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический" начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический".

Потемкинцы просили передать эти заявления по назначению. Румыны обещали.

Едва шлюпка с офицерами успела отъехать, как с броненосца заметили, что к нему подплывает шлюпка с командиром русского военного судна, находившегося в это время у румынских

берегов. Командир поднялся по трапу и увидя, что на броненосце нет офицеров, чрезвычайно этому удивился. Оказывается, что он до сих пор ничего не знал. Бедный вояка сильно струсил, когда узнал правду. Но матросы, учитывая то, что они находились в иностранном порту, решили этого капитана отпустить с миром.

Всю ночь „Потемкин", ожидая нападения русских миноносок, освещал море прожектором.

На другой день румыны ответили, что дать провизию и уголь они не могут, но что предлагают команде сдаться, обещая рассматривать их, как дезертиров и не выдавать русскому правительству. Тут же было предложено продать броненосец за 10.000.000 франков. Матюшенко ответил, что корабль принадлежит русскому народу, а потому они его продавать не могут. Ответ этот румынам не понравился.

Тем не менее перед командой броненосца снова стал вопрос: что делать? Собралась комиссия. Лица у всех были серьезные, так как все понимали, что положение создалось весьма затруднительное. Котлы за последнее время истрепались, команда получала недостаточное питание, и энергия ее ослабевала.

Было высказано несколько предложений: об отправке в Одессу, в Керчь и в Евпаторию. Наконец, сошлись на том, чтобы итти в Феодосию, где запастись всем необходимым.

В последний момент была получена телеграмма от высших румынских властей с предложением сдаться и обещанием неприкосновенности. Собрали команду, перед которой Матюшенко выступил с горячей речью за продолжение борьбы. Матросы с этим согласились, и эскадра направилась к крымским берегам.

В Феодосии

Утром 22-го июня „Потемкин", разукрашенный флагами, остановился на Феодосийском рейде. Кроме андреевского, на нем развевался также красный революционный флаг. Хотя в Феодосии нет промышленного пролетариата, тем не менее жители города сочувственно встретили команду восставшего броненосца. Агитаторы с „Потемкина" высадились на берег и обратились к населению с горячими речами. Полиция скрылась. По требованию „Потемкина" вскоре к броненосцу подплыл катер с представителями городского самоуправления. Им было заявлено, что броненосец борется против самодержавия и выставил требование о созыве Учредительного Собрания. В заключение им был передан список предметов, необходимых для броненосца. Сюда входила провизия, уголь и вода. Представители гор. обещали все доставить к 4 час.

Они исполнили свое обещание лишь частично: провизия была доставлена, что же касается угля, то члены управы сообщили, что начальник гарнизона запрещает дать уголь.

Начались переговоры, которые тянулись целый день. Так как они не привели к положительным результатам, то вечером в городскую управу был послан ультиматум следующего содержания:

„Если завтра к 6-ти часам утра на корабль не будет доставлен уголь, в 10 часов броненосец открывает огонь по городу. Просим предупредить мирных жителей".

Утром следующего дня началось бегство жителей из города. „Крымский Вестник" от 28-го июня рисует его следующим образом: „Бегство жителей, вызванное паникой, а в особенности предложение городской управы оставить город, сопровождалось буквально ужасами. Извозчики требовали за конец до вокзала 10 руб. Больных переносили на руках, а женщины-родильницы пешком плелись на вокзал. Здесь пассажиров „грузили" в товарные вагоны, перевозили их в Керчь, Джанкой или на ближайшие станции. Съестные продукты продавались, буквально, на вес золота. Несчастные пассажиры отданы были на растерзание маркитантов и платили за все столько, сколько они хотели. В самом же городе, вследствие общей приостановки работы, нельзя было достать даже хлеба.

Особенно значительно было скопление феодосийцев в Старом Крыму. Единственная гостиница Муратова, да 2 — 3 постоялых двора оказались переполненными еще с полудня 22-го июня. Затем, приезжающие стали искать себе убежище в частных домах. Старокрымцы сейчас же смекнули о возможности поживиться на счет несчастья, постигшего ближнего, и требовали за все тройные цены. Камертон этого наглого обирательства оставался все время в руках содержателя местной гостиницы. Люди платили за все бешеные деньги, валяясь везде на голых полах"...

Так великое переплетается с мелким, будничным.

Между тем, по исследованию гавани обнаружилось, что в ней находились три парусных судна с значительным количеством угля. Было решено его захватить. С этой целью на катер посадили 25 человек матросов, которые должны были взять на буксир парусники. Миноноска должна была их охранять. На катере находился также и Фельдман.

Однако, когда матросы взошли на судно с углем и начали поднимать якорь, на берегу появилась рота солдат, которая из-за прикрытия дала залп по матросам. После первых же выстрелов несколько раненных упали в воду. Стрельба продолжалась, при чем расстреливались плывущие. Между тем, катер, благодаря охватившей всех панике, начал уплывать к броненосцу. Точно также поступила и миноноска, не приняв никаких мер для отражения стрельбы с берега.

Фельдман бросился в воду, чтобы спасти упавшего туда раненого матроса. Однако, следующая пуля добила последнего. Тогда Фельдман начал плыть к стоявшему невдалеке судну и схватился руками за якорную цепь. Когда прекратилась стрельба, его

и других матросов вытащили из воды и направили вначале в палату Красного Креста, а оттуда на гауптвахту.

Стреляли в матросов солдаты Виленского полка под командой полковника Герцыка. Эти решительные действия начальства Феодосии объясняются, в значительной степени, тем, что с „Потемкина" бежал матрос Кабарда, который на допросе показал, что команда лишена припасов, угля, что машинная часть износилась, что настроение у значительной части матросов подавленное и т. д. Кроме того, жандармерией было захвачено в Феодосии до 50-ти матросских писем, в которых они писали родным о своих лишениях и прочем.

В надежде, именно, на этот упадок революционной энергии и на дезорганизацию, которая должна была наступить после открытия огня, военные власти Феодосии и решились на обстрел.

Когда на „Потемкине" увидели тела убитых товарищей, командой овладело негодование. Раздались голоса, что нужно разнести Феодосию.

„Но и тут благоразумие и нежелание причинить вред невинным взяли верх над естественным гневом,—пишет Матюшенко.—Мы рассудили, что наказать офицеров, которые всему кровопролитию причиной, трудно, потому что они стоят за спиной у солдат, а солдата бить без крайней надобности,—т. е. когда это не неизбежно для добывания свободы,—не следует, потому что он не нынче-завтра поймет, что убивать рабочего или матроса, восставшего за правду—значит убивать своего же брата и скреплять собственные кандалы".

Благодаря такого рода рассуждениям, а также отсутствию угля и продовольствия, было решено не открывать огня по Феодосии, уйти в Румынию и сдаться румынским властям.

Мощная крепость, броненосец „Потемкин", похоронив в море боевой красный флаг, отправился к иноземным берегам.

Уход „Потемкина" тяжелой болью отразился в сердцах всех тех, кто возлагал на него столько надежд, и особенно в сердцах пленников самодержавия, которые были оставлены в Феодосии.

В поисках „Потемкина"

Могучая крепость—мятежный „Потемкин", плавающий свободно по Черному морю, представлял собою страшную угрозу для самодержавия и его слуг. Чувство ненависти, испытываемое ими, смешивалось со страхом за незыблемость существующего строя и свои вековые привилегии. Неудивительно поэтому появившееся у разных начальствующих лиц стремление уничтожить этот броненосец вместе с его революционной командой.

Когда выяснилась неудача адмиралов Вишневецкого и Кригера, посланных с эскадрой для усмирения „Потемкина", группа

офицеров решила снарядить миноносец с целью взорвать „Потемкин".

В „Крымском Вестнике" от 21-го июля 1905-го года помещена перепечатка из „Одесского Листка", в которой один из участников этой экспедиции дает ее описание. Свою фамилию автор скрыл под буквой Б. Статья его полна выражением верноподданнических чувств. За освобождением от этой шелухи, она дает следующий фактический материал:

„... Офицеры учебного отряда подали адмиралу Кригеру заявление, в котором просили его разрешения снарядить миноносец и разрешить им взорвать „Потемкин". 19-го числа разрешение было получено; назначен эскадренный миноносец „Стремительный", и горсточка храбрецов, обреченная на верную гибель, того же числа начала небывалую кампанию. Курс был взят на Одессу. Маленькое суденышко, имея несколько полевых снарядов и четыре мины, отважно бросилось в погоню за громадной пловучей крепостью. 21 офицер, 5 чел. Добровольн. флота, 16 матросов машинной команды, вот все против 700 бунтарей, связанных пролитой кровью неповинных страдальцев и против 15000 снарядов броненосца.

„Стремительный" шел полным ходом. Настала темная ночь и только иногда зарница освещала водную площадь.

Прошло некоторое время и невдалеке обрисовался силуэт корабля. „Стремительный" приготовил мины и подошел к борту незнакомца, который оказался „Прутом". Только случай спас учебное судно от верной гибели. Лейтенант Янович, командир „Стремительного", не зная, что „Прут" с командой до 400 человек примкнул к изменникам, только спросил его относительно „Потемкина" и, сказав, что идет взрывать мятежников, дал полный ход в Одессу.

В 2 часа дня 20-го числа „Стремительный" был в Одессе и начал погрузку угля. Гуляя в 4 часа дня по гавани, я заинтересовался необычайной командой миноносца и, узнав, что вся команда состоит из офицеров флота, переодетых матросами, обратился к лейтенанту Яновичу (он единственный был в форме) с просьбой взять меня добровольцем. Разрешение было получено, и я через несколько минут стоял уже матросом на крохотной палубе „Стремительного".

Таким образом, став случайным спутником морской семьи, далее уже буду писать „мы". Погрузка угля и исправление минного аппарата окончились около 8-ми часов вечера и, хотя два каких-то миноносца, видимо, стерегли нас, дважды ясно показавшись на внешнем рейде, мы решили взять курс на Сулин, где предполагали настигнуть „Потемкина".

Около 9 часов „Стремительный" снялся с якоря и начал выходить на рейд, но в это время была получена телеграмма, что „Потемкин" в Кюстенджи, и потому, изменив курс, мы направились в Румынию.

21-го числа, около 11 часов утра, мы были в Кюстенджи, где нас посетил командир „Псезуапе" Банов и наш военный агент в Бухаресте.

Эти лица сообщили, что „Потемкин" был в порту, что среди команды броненосца видимый разлад и, что, получив отказ в снабжении углем и продуктами, броненосец вышел в море.

Подробность: когда мы входили в порт, на румынском корабле „Елизавета" пробили боевую тревогу и хотели стрелять в миноносец, но вмешательство капитана Банова предупредило печальное недоразумение.

Предполагая, что „Потемкин" ушел к западу, мы оставили Кюстенджи и направились в Варну, куда и пришли к вечеру. Здесь нас встретила маленькая яхта; в ней сидели два офицера, несколько девушек и молодых людей, один из которых, вставши, сказал: „Приветствуем вас, если вы из тех, которые восстали". Дав должный ответ оратору, мы отбили у него всякую охоту продолжать с нами разговор.[1]

Запас угля истощился и потому начали погрузку. Ночью пришла болгарская „Надежда" и передала, что видела „Потемкина" в 2-х часах от Севастополя, а полученная телеграмма объяснила, что „Потемкина" видели у Ай-Тодора. Сообразив показания, рано утром 22-го числа „Стремительный" понесся к Сарычу и 23-го числа, около 9 часов утра был в Ялте.

Узнав, что „Потемкин" стоит в феодосийском рейде, мы решили итти в Феодосию и, чем бы ни кончилось, взорвать „Потемкин" на рейде. Внезапность атаки, разлад в команде бунтовщиков, два прикрывающих феодосийских мыса, дающие возможность незаметно близко подойти миноносцу к выходу на рейд, все делало успех атаки вероятным и окрыляло нас надеждой успешно закончить дело мщения. Около 6 часов вечера мы все взволнованные подходили к цели. На собранном совете все единогласно решили пытать судьбу... Но, исследовав рейд, мы „Потемкина" не нашли и грустные причалили к пристани.

Не обошлось и без курьезов: феодосийские взволнованные власти, подозревая в нас бунтовщиков, хотели сначала арестовать нас, но потом, опознав в переодетых матросах офицеров, дали нам уголь и провизии; и то, и другое у нас истощилось, как и истощились силы. Но до отдыха ли было? Нужно было гнаться дальше и мы, пополнив запасы, в 5 часов утра 24-го июня взяли курс на Новороссийск—Батум. Не долго пришлось плыть: плохого качества уголь дал себя знать, и у нас в двух котлах загорелись трубы. Бедные машинисты еле-еле выскочили в люки. Одно мгновение растерянности—и 10 трупов легли бы в машинном отделении. К этому времени подошел „Память Меркурия". Он хотел

[1]) Случай этот указывает на сочувствие, которое встречал восставший „Потемкин" даже за границей (В. К.).

нам помочь, но помощь была излишней: дело было проиграно, и приходилось возвращаться в Севастополь. Гнаться на испорченном миноносце было немыслимо, и мы повернули на запад. Через час выключили еще один негодный котел и 25-го числа в 2 часа ночи стали на якорь в Севастопольской бухте, имея только один полугодный катер. Усталые, мокрые, голодные—все мы нуждались в отдыхе, но какой отдых, когда дело не сделано, когда стальная громада продолжает терроризировать родные берега... Вперед, вперед! И вот решено просить другой миноносец и опять в даль. В 8 часов утра лейтенант Янович был уже у главного командира, и нам решили дать „Заветный". Опять волнения, опять приподнятые нервы и томительное выжидание обещанного миноносца. В 10 часов решение было изменено, офицеров разместили по судам, а в 11½ часов эскадра из двух броненосцев: „Чесма" и „Синоп" и 4-х миноносцев: 261, 262, 264 и 265, под общей командой адмирала Писаревского, вышла в Кюстенджи, куда, как было официально известно, вторично явился „Потемкин". Все офицеры артиллерийского отряда, а с ними и я... благодаря любезному разрешению адмирала, были назначены на „Чесму"... 26-го числа, в 11 часов утра, эскадра подошла к Кюстенджи, и с мостика в бухте ясно различили громаду „Потемкина" с румынским флагом на корме. Прошло некоторое время и на мачтах взвился сигнал: „не пытайтесь войти в гавань или стать на рейде". Румыны, видимо всполошились и приняли нас за бунтарей, но все же, „радушный" прием соседей нас обозлил, и адмирал велел немедленно 4-м миноносцам полным ходом войти в гавань. Прошло не больше 2-х часов, и на „Потемкине" опять взвился Андреевский флаг и его приняла команда „Чесмы"...

Дальше идут проклятия на головы бунтарей и приседания перед „обожаемым монархом", из которых видно, что автор статьи принадлежит к числу махровых черносотенцев.

Статья его, тем не менее, представляет интерес, как показатель того переполоха, который был вызван в рядах власть имущих восставшим „Потемкиным".

Афанасий Матюшенко

Сведения наши о нем очень скудны. Из материалов жандармского управления мы узнаем, что он родился 2-го мая 1879 г. в селе Дергачи, Харьковской губернии и уезда. Отец его занимался хлебопашеством. Матюшенко окончил церковно-приходскую школу.

Фельдман в следующих словах описывает его наружность. „Небольшого роста, он своими резкими, энергичными чертами лица, выдающимися скулами и маленькими глазами производил впечатление вылитой бронзовой статуи".

Он был наиболее крупной фигурой Потемкинского восстания. С программой социал-дамократической партии и, вообще, с учением социал-демократии он был знаком слабо. Тем не менее, в этот период тяготел к соц.-дем. Матюшенко обладал большой сообразительностью, смелостью и решительностью. Начальство отметило его положительные качества и произвело его в фельдфебели. В верности его устоям самодержавия правительство, однако, ошиблось.

Будучи тесно связан с матросской массой, он прекрасно понимал ее настроение. Во время подъема он бывал в первых рядах, когда же волна спадала, Матюшенко также становился кротким, терялся и энергия его потухала. Вместо прежней силы и одушевления в нем замечалась апатия и безволие.

„Мысль его шла впереди массы,—говорит Фельдман,—но не выходила из круга предрассудков, окружавших его".

Будучи во главе восстания, он тем не менее не был вождем и не мог в нужные минуты заставить массу итти за собой, хотя среди матросов пользовался большим влиянием и любовью.

Настроение его, как уже было выше сказано, менялось в зависимости от переходящих внешних обстоятельств. Так, например, после неудачи с „Георгием Победоносцем", когда среди матросов распространилась паника и раздался клич: „В Румынию", Матюшенко потерял голову и всецело присоединился к тем, кто вместо продолжения борьбы решил скрыться у берегов чужого государства.

Однако, по приезде в Румынию настроение у всех изменилось, и Матюшенко снова воспрянул духом. При обсуждении вопроса, что делать дальше: сдаваться ли или продолжать борьбу,— Матюшенко высказался против сдачи. Он произнес горячую речь, в которой убеждал своих товарищей продолжать борьбу.

„В каждой стране,—говорил он,—есть свои законы и обычаи. Но одно есть чувство, которое свято чтится всеми народами: это чувство гражданской ответственности перед родиной. Теперь же, братцы, подумайте, как будет относиться к вам румынский народ, когда узнает, что вы изменники родины и, имея возможность спасти ее от тиранов, сдались, подло спасая свою шкуру... И какая тут будет жизнь у вас, когда каждый румын будет встречать вас с презрением, когда дети будут указывать на вас, как на изменников своей родине, и всеобщая ненависть будет окружать вас".

Слова эти оказали сильное влияние на матросов, и вопрос о продолжении борьбы был решен в положительном смысле.

Матюшенко не лишен был остроумия, и в ответ на предложение румынских властей продать броненосец „Потемкин", он спросил за сколько румыны продадут свой броненосец „Елизавету".

Интересно, что о сдаче румынам он говорит в следующих словах: „Мы решили пойти и сдаться румынам, братьям своим по вере и отчасти по крови". Эти два обстоятельства: одинаковые

вера и кровь—являются в его глазах обстоятельствами как бы смягчающими вину за сдачу „Потемкина". Так, конечно, не мог бы рассуждать человек, прошедший с.-д. школу.

Находясь за границей, Матюшенко обратился с письмом к „господам офицерам". В нем он предлагает офицерам русской армии и флота собраться „вокруг красного величественного и свободного флага верных сынов отечества". Предлагает опомниться, пока не поздно и восстать против общего врага—самодержавия и т. д...

Будучи арестован 3-го июля 1907 года в городе Николаеве, он показал жандармам, что после сдачи „Потемкина" прожил в Румынии с 24-го июня 1905 года до июня 1906 года. После этого отправился в Америку, где прожил восемь месяцев. Здесь он работал на фабрике „Зингер", зарабатывая пять рублей 50 коп. в день. Затем отправился в Париж, где прожил несколько месяцев, после чего приехал в Одессу, а оттуда в Николаев. Через несколько дней он был арестован. Проживал он в Николаеве под именем крестьянина Федоренко. Жандармы приписали ему прикосновенность к одесской группе анархистов-синдикалистов.

Военно-морской суд в Севастополе приговорил его к смертной казни через повешение. Суд состоялся 17-го октября 1907 года, а 20-го октября на рассвете Матюшенко был повешен.

Поссэ в своих воспоминаниях так описывает смерть Матюшенко: [1])

„Видел я, как вешали пресловутого красного адмирала Матюшенко. Смотреть на казнь во дворе военной тюрьмы собралось много матросов. В нашем экипаже вызывали желающих присутствовать при казни. Пожелали пойти. И офицеры пошли. Знаменитость, как-никак. Казнь назначена была ранним утром. Еще не рассветало. Тюремный двор слабо освещал электрический фонарь. В конце двора маячила виселица. Палач, широкоплечий, коренастый, в черной маске, ходил громадной тенью по освещенной стене тюрьмы. Преступника долго не приводили, а офицеры заинтересовались палачами. Окружили и стали расспрашивать. Оказались очень разговорчивыми... „Ну, а как держался Матюшенко?"—перебил я рассказ офицера о палаче.—„Удивительно спокойно. Приговор ему читали долго, больше часу. Перечисляли все его преступления чуть ли не против всех статей уголовного и военного кодекса. А он стоит, не дрогнет. Только по временам сплюнет в сторону. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что еле палач поспевал... Потом видно было, как большая тень повешенного качнулась к стене".

Все это говорит о большом мужестве и презрении его к смерти.

После его казни в газете „Русь" появилась статья, в которой было указано, что согласно манифеста всем преступникам

[1]) Невский „Восстание на броненосце „Потемкин Таврический", стр. 31, 32.

без ограничения смертная казнь должна быть заменена пятнадцатилетней каторгой, если преступления были ими совершены до 17-го Октября 1905 года. Между тем, к Матюшенко этот манифест не был применен, и он был казнен за деяние, совершонное до 17-го Октября 1905 года.

„Как это могло случиться?"—спрашивает автор статьи.

По этому поводу пришлось отписываться директору департамента полиции и главному командиру Черноморского флота Вирену.

По объяснениям первого, Матюшенко виновен не только в преступлениях государственных, но также и в обще-уголовных (убийство офицера), а потому манифест к нему применен быть не может. Это, конечно, полнейшая чепуха, так как рассматривать Матюшенко, как уголовного преступника не приходится.

Более крючкотворными являются объяснения контр-адмирала Вирена, который рассуждал таким образом: за преступления, совершонные Матюшенко до 17-го Октября 1905 года (восстание на „Потемкине") смертная казнь была ему заменена каторгой. Но Матюшенко после Октября 1905 года совершил новое преступление: написал письмо офицерам с призывом их к открытому восстанию, за которое он подлежит смертной казни.

Логики и здравого смысла здесь, конечно, очень мало, но зато ярко сквозит желание каким бы то ни было способом разделаться со своим классовым врагом.

Хотя Матюшенко и не был вождем, тем не менее влияние его на развитие „Потемкинского" восстания было огромно.

Филипп Мурзак

Из послужного списка видно, что Филипп Мурзак происходил из мещан Таврической губернии, Днепровского уезда, г. Алешки. Родился 11-го октября 1867 года. На службу во флот он вступил в 1888 году, при чем в мае 1898 года был произведен в старшие боцманы. Два раза он был в заграничном плавании.

Несмотря на то, что Мурзак остался на сверхсрочной службе, тем не менее он резко отличался от, так называемых, сверхсрочных „шкур", которые делали свою карьеру на притеснении солдат или матросов и хождении на задних лапках перед начальством.

Роль его на восставшем „Потемкине" была довольно велика, так как он был фактическим командиром броненосца. Когда при встрече с эскадрой часть матросов начала колебаться и раздались было голоса о необходимости сдаться на милость Чухнина,—Мурзак был одним из тех, кто предложил вступить в бой, и своей решимостью содействовал поднятию революционной энергии команды.

После сдачи „Потемкина" в Румынии, Мурзак возвратился в Севастополь, но был арестован и заключен в пловучую тюрьму

транспорт „Прут". Он был предан военно-морскому суду, как активный участник мятежа. В заключении пробыл несколько месяцев вплоть до ноябрьского восстания 1905-го года, когда он на

Старшин боцман Филипп Мурзак, участник Потемкинского восстания. Избран „потемкинцами" старшим офицером.
Принимал участие в гражданской войне.
В 1919 г. расстрелян белыми.

ряду с другими арестованными по делу о „Потемкине" матросами, был освобожден красным адмиралом Шмидтом. Однако, немедленно за подавлением восстания Мурзак снова попадает в тюрьму и предается суду.

Обвинительный акт ставит ему в вину, что он „по предложению мятежников принял на себя исполнение обязанностей старшего офицера броненосца и выполнял их в продолжение всего мятежа, самостоятельно распоряжаясь всеми судовыми делами. Так: 16-го июня наряжал команду на похороны Вакулинчука; во время бомбардировки Одессы находился в боевой рубке и передавал приказания в машину, посылал частный пароход „Смелый" на Тендру наблюдать за пришедшей туда Черноморской эскадрой, ездил в Одесский порт, сопровождаемый вооруженной

командой и силой принудил стоявший там частный пароход „Петр Регир" снабдить углем броненосец „Потемкин".

Военно-морской суд приговорил его к исключению со службы с лишением чинов. Этот приговор по тем временам нужно считать сравнительно мягким, так как самодержавие в других случаях расправлялось смертной казнью и каторгой.

Однако, последствия приговора еще в течение долгого времени давали себя знать. Так, например, летом 1907-го года Мурзак желал поступить на службу в качестве объезчика по казенным землям, с каковой целью заручился ходатайством заведывающего лесом. Однако, бдительное начальство „по некоторым соображениям" в просьбе Мурзака отказало, и на указанную службу он не попал.

В 1917-м году после Октябрьской революции, бывшие „потемкинцы" в числе 46 человек выразили Мурзаку свою признательность за постоянную о них заботу и самоотверженную революционную деятельность в 1905-м году.

В 1919-м году Мурзак занимал должность военного коменданта г. Симферополя. При занятии города белыми он был ими расстрелян. Прошлая и настоящая революционная деятельность Мурзака слишком красноречиво говорила за себя и контр-разведка белых решила уничтожить с лица земли своего классового врага.

В марте месяце 1921 года тело его было привезено в Севастополь и похоронено в братской могиле.

Так прошла жизнь одного из участников революционной борьбы 1905 года.

Попытка восстания на „Пруте".

Находясь в Николаеве, команда учебного судна „Прут" узнала о восстании на „Потемкине" и решила к нему присоединиться. Немедленно арестовали офицеров. На судне был поднят красный флаг, и оно отправилось в Тендровский залив. Однако, „Потемкина" здесь не оказалось, и „Прут" направился в Одессу. „Потемкина" и здесь не было, так как он в это время находился уже в районе Феодосии. „Прут" решил выйти в открытое море на розыски „Потемкина". Вследствие отсутствия руководителей и сплоченного партийного ядра, революционное настроение восставших матросов начало понемногу спадать.

Инициатор восстания соц.-дем. матрос Петров, предложил матросам собраться на бак и обсудить, что делать дальше.

Во время обсуждения голоса разделились. Сам Петров и еще несколько человек предлагали не спускать красного флага и бороться до конца. Другие предлагали отправиться к берегам Румынии или Болгарии и там сдаться, наконец, третие решили отправиться в Севастополь и отдаться на милость адмирала Чухнина.

Таких оказалось большинство, и этому решению пришлось подчиниться. Был спущен красный флаг и освобождены все арестованные офицеры. Командир „Прута" капитан Барановский, обрадованный таким благополучным концом „восстания", обещал матросам принять все меры к тому, чтобы никто из них не пострадал. Такие же уверения были получены со стороны всех остальных офицеров „Прута", которые заявили, что они будут просить главного командира флота не возбуждать против матросов никакого дела. Когда „Прут" пришел на Севастопольский рейд, туда, вскоре приехал главный командир Чухнин, который стал успокаивать матросов, так что многим из них казалось, что дело предано забвению.

Однако, прошло всего несколько дней и, согласно приказа военного министра, над матросами „Прута" началось следствие. В результате, на скамью подсудимых было посажено 42 человека.

Суд начался 21-го июля 1905-го года и продолжался 9 дней. Заседания происходили в громадных помещениях Воздухоплавательного сарая[1]). Над головой висели воздушные шары. Вход открывался двумя громадными занавесами из парусины, а в глубине за особым столом, заседал суд. Все судьи были в мундирах и в полном вооружении. Обстановка напоминала судилище средних веков.

Место это находилось за городом в самой глухой части Севастополя, в Киленской бухте. Сюда можно было проникнуть только морем. С берега вся местность на расстоянии почти версты от бухты охранялась батальоном солдат, так как матросам охрану не доверяли. У входа в бухту стояли два дозорных миноносца. Без особого разрешения председателя суда, полковника Девиссона, сюда никто не допускался. Каждое утро в 8 ч. состав суда совместно с защитниками направлялся на катере к судилищу.

Подсудимые, как нижние чины, должны были в течение всего процесса стоять. Их окружал лес штыков. На подсудимых и защитников вся эта обстановка производила подавляющее впечатление. Последним казалось, что вот-вот запахнет человеческой кровью[2]).

Хотя подсудимые привлекались по „смертным" статьям, однако, защитникам их: Купернику и Резникову, как-то не верилось, что их подзащитным грозит смертная казнь. Обещание начальства: самого Чухнина, командира „Прута" и офицеров говорило о прощении...

Приговор должен был быть объявлен вечером 30-го июля. Однако, еще накануне объявления защитники из слов прокурора Кетрица узнали о тяжелой участи подсудимых. Кетриц предложил защитникам спросить у подсудимых не пожелают ли они составить духовные завещания. Эти слова не предвещали ничего хорошего.

---

[1]) Теперь он самый левый от воды, в нем помещение для гидропланов.

[2]) См. брошюру Л. Я. Резникова: „Лейтенант Шмидт".

Тогда, без ведома и желания обвиняемых, защита послала на имя царя телеграмму следующего содержания:

„Защитники матросов судна „Прут" в день рождения наследника вашего умоляют даровать осужденным матросам жизнь".

Ответа на эту телеграмму не последовало.

В виде протеста против суда в Севастополе забастовали портовые рабочие. Забастовка продолжалась около четырех дней. На второй или третий день к ним примкнули и некоторые цехи местных железнодорожных мастерских. В первый и во второй день суда (21-го и 22-го июля) не работали все извозчики. Были закрыты почти все магазины города, но по требованию полиции на третий день к вечеру их пришлось открыть. Все это в достаточной степени определяет настроение трудящихся Севастополя.

Приговор суда ожидался защитниками и, особенно, подсудимыми целый день. Лишь в 2 часа ночи катер, в котором находился полный состав суда, прибыл на Графскую пристань. Судьи с веселыми лицами начали поздравлять защитников со снисходительным приговором. Эта „снисходительность" видна из следующего: четверо подсудимых: Петров, Титов, Черный и Бондаренко были приговорены к смертной казни, а остальные отделались каторжными работами на разные сроки.

Однако, на следующий день положение изменилось. Председатель суда, полковник Девиссон, был вызван к адмиралу Чухнину для доклада. Разгневанный адмирал начал метать гром и молнии по поводу „мягкого" приговора. Он тут же приказал прокурору Кетрицу немедленно подать кассационный протест против неприменения ко всем остальным 38-ми подсудимым смертной казни. Под влиянием нажима, прокурор опротестовал постановление суда. Прошло много томительных дней, в течение которых несколько десятков человек ожидало решения своей судьбы. Особенно тяжело было положение четырех, осужденных к смертной казни.

Вот их краткая характеристика:

Петров бывший мастеровой одного из заводов на севере. На своей родине, в Саратовской губернии, он получил низшее образование, и здесь протекала его молодость. Будучи убежденным соц.-дем., он полагал, что спасти человечество может только социализм и что для осуществления его необходимо, прежде всего, уничтожить самодержавие царя. Во время ожидания смертной казни мысли его были сосредоточены на том, что делается в России и какое впечатление произвело восстание „Потемкина" на рабочих и матросов.

Черный—матрос машинной команды, бывший мастеровой Николаевского завода. Он был взят из запаса и по возрасту был человек немолодой. По словам его он и ранее участвовал в забастовках. Человек с большим практическим умом и смекалкой.

Титов—матрос палубной команды. Он не был способен над чем-либо задумываться серьезно и глубоко. Обладая пылкой и необузданной натурой, он беспредельно верил своим двум товарищам—Петрову и Черному и по их указанию готов был положить свою голову на плаху за революцию. После речи Петрова на „Пруте", в которой он призывал присоединиться к „Потемкину", Титов первый бросился к винтовкам и с криком: „Наверх, братцы, наверх! Ура!",—принялся сам арестовывать офицеров и повел за собой всю команду.

Наконец, Бондаренко—машинный унтер-офицер, бунтарь по натуре, судился за то, что во время восстания ударил по лицу сопротивлявшегося командира „Прута".

Около 20-го августа 1905-го года защитник Карабчевский сообщил Купернику и Резникову, что дело „Прута" в главном военно-морском суде рассматриваться не будет. Все производство отсылается к Чухнину на его полное усмотрение.

Действительно, впоследствии, по словам защитника Резникова, на постановлении Севастопольского суда по этому делу была найдена резолюция Николая II следующего содержания: „Принятие или непринятие жалобы и протеста, а также конфирмацию приговора предоставляю адмиралу Чухнину".

Утром 24-го августа дело „Прута" было получено в Севастополе, а вечером того же дня наскоро доложено Чухнину. Последний твердым почерком начертал следующие слова: „Жалобу и протест отвергаю, приговор конфирмирую. Казнь привести в исполнение немедленно. Чухнин".

На следующее утро состоялась казнь.

Это гнусное дело постарались выполнить тайком и с необычайной быстротой. К Петрову накануне приехала сестра, которой начальник штаба дал пропуск на судно „Бомборы", где содержались приговоренные. Явившись на свидание 25-го августа в 10 часов утра, она уже не застала своего брата в живых. Труп его валялся в яме, на Северной стороне.

Перед рассветом всех четырех смертников подняли с постели. Не предупреждая их о том, что они могут распорядиться перед казнью, их связали по рукам и ногам, спустили по трапу на катер и потащили на буксирном миноносце в Констатиновскую батарею.

Матросы-очевидцы, которые плакали при этом, рассказывали:

„Особенно боролся Бондаренко, обладая большой физической силой и гигантским ростом, он, чувствуя, что наступил последний час, не давался в руки невольным палачам-солдатам, отбиваясь от них с яростью льва. Чтобы взять, пришлось его сильно „помять". Побитый и истерзанный, он чуть было не выбросился за борт".

В последний момент, связанный Бондаренко, приведенный на место казни, ударом головы сшиб с ног двух солдат, и только револьверная пуля одного из офицеров успокоила его навеки.

Расстрел состоялся перед фронтом солдат. Так как все делалось быстро и небрежно, то начальство не позаботилось даже о могилах и гробах. Тела казненных в каких то полуоткрытых ящиках были на дрогах отвезены на кладбище почти через всю Северную сторону и похоронены за Михайловской батареей. Кровь расстрелянных матросов „Прута" текла из полуоткрытых ящиков, оставляя следы по дороге.

В конце августа остальные 38 осужденных матросов были отправлены на каторгу. Они заполнили казематы Зерентуя и Акатуя. Бунтарей с „Прута" можно было встретить также на Амурской колесной и железной дорогах...

Потемкинское восстание и Ленин

Когда весть о восстании на „Потемкине" проникла за границу, она вызвала необычайное возбуждение среди русской эмиграции.

Особенно большое значение придавал этому восстанию Владимир Ильич. Это видно из следующего: он немедленно розыскал т. Южина[1]) и предложил ему ехать в Россию. На вопрос: какие задания? — Ленин атветил:

„Задания очень серьезные. Есть опасение, что одесские товарищи не сумеют, как следует, использовать восстание на броненосце „Потемкин". Вам необходимо добиться, чтоб немедленно был сделан десант. Постарайтесь, во что бы то ни стало, попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. Предложите им захватывать помещичьи земли и соединиться для общей борьбы с рабочими. Крестьянам уделите возможно больше внимания.

Союзу рабочих и крестьян и начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение".

Южин передает, что Ильич очень волновался и увлекался. Советовал действовать решительно и быстро и сделать все, чтобы захватить в свои руки остальной флот.

На другой день Южин выехал, но, к сожалению, опоздал. „Потемкин" в это время уже покинул Одессу и ушел в неизвестном направлении. Предполагая, что он отправился к Кавказским берегам, Южин узнал в Одесской организации пароль и выехал на Кавказ.

Однако, уже в Новороссийске стало известно, что „Потемкин" повернул к Румынии.

Так, благодаря опозданию не удался план Ленина завязать сношения с матросами красного „Потемкина".

[1]) См. „Молодую Гвардию", 1924 г., февраль—март, стр. 53—57.

Интересно отметить, что охранка пронюхала кое-что о приезде из Женевы Южина. Так, напр., начальник Одесского жандармского управления, полковник Кузубов шифрованной телеграммой на имя департамента полиции от 21 июня 1905 г. сообщает: „По идущим с броненосца „Георгий" слухам, проверить которые поручил подполковнику Боброву, приехали будто из Женевы какие-то важные революционеры Маслов и Волжин, которые и приехали сюда только потому, что здесь было уже все готово, по тем же слухам, лица эти находятся на „Потемкине". Собачьим нюхом жандармы почувствовали красного зверя.

Сдача „Потемкина"

В Констанцу „Потемкин" прибыл 24-го июня в 11 часов ночи. Тотчас же была спущена шлюпка с депутатами для переговоров с румынскими властями. Румынский генерал обещал неприкосновенность всего экипажа.

На другой день утром к броненосцу приблизилась шлюпка, в которой сидел человек с красным цветком в петлице. Это был доктор Раковский. Узнав, что он социал-демократ, матросы обратились к нему за советом. Раковский осведомился, какое количество угля имеется на броненосце, какие имеются запасы провизии, сколько они смогут продержаться и проч. Матросы ответили, что что все запасы на исходе.

Увидя, что Матюшенко и другие советуются с Раковским, кондуктора и другие „шкуры" запротестовали, заявляя, что никаких секретов быть не может. Этим, мол, „только команду мутят" и пр. Положение было явно безнадежное. Команда решила сдаться.

Когда матросы сходили на берег, у пристани собралось большое количество публики, которая приветствовала их криками „ура". Румынские барышни и даже офицеры подбегали к матросам и просили подарить им ленточку или кокарду от фуражки на память. Такая теплая встреча несколько приободрила моряков, которые с тяжелым чувством расставались с „Потемкиным". Многие из них по несколько раз оборачивались, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ черноморского гиганта, впервые восставшего против твердыни самодержавия.

На броненосец взошли румыны, которые подняли румынский флаг. После этого они начали производить хищение всего того, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Забирали запасные части машин, морские приборы, различные инструменты и проч.

Интересно отметить, что некоторые матросы и, особенно, один из них—Федор Видермиллер, в разгаре всех этих событий все время думали о сохранности сигнальных книг, которые они и передали вскоре после сдачи командиру русского транспорта „Псезуапе", находившемуся в это время в Румынии. Они возвратились

в Севастополь вместе с броненосцем „Потемкин". Само собой разумеется, что такие матросы представляли собой мало пригодный материал для восстания.

Команда миноносца № 267 не пожелала сдаваться румынам и возвратилась в Севастополь.

Находившиеся в кассе броненосца 24.000 рублей комиссия передала румынам с обязательством раздачи их команде. Каждый из матросов получил по 82 франка.

Политкаторжанин тов. Захаров
Активный участник революционной борьбы в Севастополе.
Осужден на вечную каторгу, которую отбывал в Николаевской тюрьме.
После провозглашения амнистии вернулся в Севастополь.

Румынское правительство, опасаясь сосредоточения в одном месте около 700 человек матросов, немедленно постаралось рассеять их по разным городам и направило их: в Браилов, Калараси, Журжево, Зимницу, Магуреле, Калафт и Турн-Северин. Префектам этих городов предписано было, по возможности, облегчить им доступ к границе.

Между русским и румынским правительством по поводу этого события возникла оживленная переписка, в результате которой „Потемкин" был возвращен русскому правительству. Последнее выразило благодарность румынскому кабинету за его образ действий в отношении восставших матросов.

Самодержцы двух монархических династий друг друга хорошо поняли и учли взаимные интересы.

Положение матросов в Румынии было довольно тяжелое, благодаря чему у них возникла тяга к возвращению на родину. Русская жандармерия это предвидела, а потому установила на границе особое наблюдение за проникновением в Россию „потемкинцев". С этой целью пограничные пункты были даже снабжены фотографиями матросов.

На скамью подсудимых было посажено 68 человек, из которых 43 были приговорены к различным наказаниям, а остальные оправданы.

Лишь после Февральской революции 1917 года „потемкинцы", совместно с матросами, осужденными за Очаковское восстание, были амнистированы.

Потемкинское восстание нанесло сильную рану самодержавию и оставило глубокий след в революционной среде. Всем стало ясно, что революция приближается, и что ее огненное дыхание касается уже наиболее защищенных твердынь царизма—войска.

Между самодержавием и революционным народом должна была разгореться борьба за войско, и эта борьба началась.

Побег Фельдмана

Велика была радость слуг самодержавия, когда один из наиболее видных руководителей Потемкинского восстания очутился в их руках. Какое значение придавалось факту его ареста видно из оживленной переписки, завязавшейся между различными инстанциями по его делу. Сомнений в его дальнейшей судьбе быть не могло. Самодержавие готовило для него виселицу.

Ясно, что как у самого Фельдмана, так и у его товарищей „с воли" должна была возникнуть мысль об устройстве побега.

После того, как Фельдман был вытащен в бесчувственном состоянии из воды, он был отправлен в палату Красного Креста, откуда вскоре переведен на военную гауптвахту и посажен в темную, сырую одиночку.

Через несколько дней к нему подошел неизвестный солдат-еврей, который назвал себя барабанщиком Мочидловером и, разговорившись, предложил Фельдману бежать. Побег должен был состояться в ту же ночь. Но через несколько часов Мочидловер стрелял в командира Герцыка, был арестован, и это обстоятельство расстроило побег. Надзор усилился.

Фельдман скрывал свое имя и подвергался оскорблениям со стороны феодосийских офицеров.

Вскоре Фельдмана перевели в пересыльную тюрьму, и здесь, при посредстве уголовных, он начал готовиться к побегу.

План был следующий: вечером, по окончании прогулок, Фельдман и другие арестованные матросы должны были, при посредстве переданного лома проломить стену и выйти в опустевший двор и отсюда при помощи кошки[1]) подняться на улицу.

Однако, этот план не удалось выполнить по вине самих арестованных. В этот день они выступили с протестом по поводу лишения их прогулок и обещали перебить все, если прогулки не будут разрешены. В результате, они были вызваны на прогулку в часы предполагаемого побега, благодаря чему он сорвался. По окончании же прогулки, арестованных под усиленным конвоем отправили в Севастополь.

Здесь они были заключены в пловучую тюрьму „Прут", о которой ходила молва, что из нее убежать никуда невозможно.

В виду переполнения всех помещений Фельдмана и его товарищей поместили в темный трюм. Камера его напоминала клетку. Невероятное зловоние отравляло дыхание так, что трудно было дышать. К этому присоединилось еще огромное количество клопов и других насекомых. Когда измученный бессонными ночами, он лег на койку и уснул, то вскоре проснулся от страшного зуда. Тело его было все в крови. Рука ощутила сотни насекомых, ползавших по телу. Он решил спать стоя. Несметное количество крыс довершали картину его заточения.

Здесь приходил опознавать его какой-то фельдфебель с „Потемкина" и, к удивлению Фельдмана, также командир „Потемкина" Алексеев. Последний счел необходимым засвидетельствовать свою верность самодержавию и помочь последнему вывести на чистую воду „внутренних врагов".

Когда открылось, что Фельдман не матрос, а „штатский" его свезли с „Прута" и поместили вначале в больничном отделении Севастопольской тюрьмы. Здесь он разговорился с надзирателем-поляком и, увидя, что он настроен оппозиционно, предложил ему ночью бежать вместе. Поляк согласился, однако, передал разговор по начальству, в результате чего Фельдман был переведен в тюремный корпус.

Через неделю ему удалось завязать сношение со своими друзьями, которые приехали с целью организовать побег. Он получил записку с шифром.

При помощи этого шифра установилась переписка, из которой Фельдман узнал, что для устройства его побега приехали товарищи из следующих организаций: одесского комитета социал-демократов; Одесского комитета „Бунда"; киевского комитета меньшевиков; участие принимал также севастопольский комитет. В тюрьме также организовался комитет из нескольких человек для устройства побега, через который проходила почта с внешим миром.

Начертили план тюрьмы, который был послан на волю.

[1]) Кошка, это—железный якорь с прикрепленной в конце веревкой.

Были намечены два плана побега; первый из них отличался большим риском; второй же план был менее рискованный, но на осуществление его потребовалось бы не менее двух недель. Ждать, однако, было очень опасно, т. к. Фельдмана могли снова перевести в пловучую тюрьму, а потому он сам предпочитал остановиться на первом плане. Когда же выяснилось, что при проведении его могли пострадать многие другие товарищи, то окончательно остановились на втором плане.

Фельдман решил не привлекать к себе внимания администрации и, совершенно подчинившись тюремному режиму, ждать конца приготовлений к побегу. Однако, и здесь всех постигло разочарование: начальник тюрьмы сообщил, что Фельдмана должны из этой тюрьмы перевести, благодаря чему все приготовления к побегу оказались неосуществимыми.

Наскоро Фельдман составил новый проект побега, который должен был совершиться в ту же ночь, и передал его на волю. Но было уже поздно, и товарищи могли его получить только утром, а на другой день Фельдмана перевели на военную гауптвахту.

Этим он был обязан вице-адмиралу Чухнину, который проявил особую заботливость, а потому поместил его в этом здании, откуда побег, по его мнению, был невозможен.

Здание гауптвахты усиленно охранялось, стены его были очень толстые, окна с крепкими решетками, у всех выходов стояли часовые. Налаженные сношения с волей, казалось, должны были прекратиться.

Вскоре, однако, к волчку его двери подошел человек, который назвал себя сторожем при гауптвахте и предложил снести в город записку. Фельдман согласился и в тот же день получил ответ. Услужливый сторож предложил и в дальнейшем свои услуги. Это был ефрейтор Бурцев, который произвел на Фельдмана впечатление человека умного, хитрого и беспечно-веселого.

Переписка продолжалась... Но вот, однажды, Бурцев обратился к Фельдману со словами:

— Ну, что же, господин студент, бежать надо?!

Таким образом, сам ефрейтор Бурцев первый пошел навстречу Фельдману в организации побега.

Причины, побудившие Бурцева пойти на этот шаг, не были вполне бескорыстными. Его, очевидно, привлекала та мзда, которую он получал за свои услуги революционерам. Однако, впоследствии он подвергся известной пропагандистской обработке как самого Фельдмана, так и его товарищей с воли, благодаря чему Бурцев вполне искренно проникся мыслью о необходимости устройства побега. Желание спасти товарища в нем начало преобладать перед какими либо другими корыстными соображениями.

„На воле“ приготовления шли следующим образом:

Прежде всего, нужны были, конечно, средства.

Несмотря на то, что в Одессе все были терроризованы пожаром в порту, разгромом и стрельбой войск, тем не менее некоторую сумму удалось здесь собрать.

Кроме того, один товарищ выехал в Берлин и здесь достал у одного немецкого либерала еще 1.000 марок для побега.

После того, как в Феодосии план сорвался, приступили к делу в Севастополе, но на первых порах никак не удавалось установить связи с тюрьмой.

Помог им сам Фельдман, который послал Бурцева со своей запиской.

Свидания с ним происходили в одной и той же квартире, при чем организация для наблюдения за квартирой выставила своего дозорного—женщину.

Однажды на этой почве произошло недоразумение.

Об организации побега никто, кроме узкого круга лиц, не знал. Ничего, конечно, не знали и о квартире, где происходили свидания с Бурцевым.

Между тем, в этой же квартире устроили массовку. Увидя на посту женщину-дозорного, ее приняли за правительственного шпиона, и по всему городу разнеслась весть о появлении женщин в роли агентов охранки.

Массовка расстроилась, но затем все разъяснилось...

Положение съехавшихся для устройства побега товарищей было довольно трудное. Особенно плохо обстояло дело с квартирами. Ночевку приходилось часто менять. Нервы были у всех чрезвычайно напряжены.

Когда же дело коснулось предоставления квартиры для самого Фельдмана, то здесь уже совершенно ничего нельзя было сделать.

Первый, к которому обратились с такой просьбой, покраснел от испуга и сумел только пролепетать нечто невнятное.

Пришлось ретироваться.

Наконец, решили оставить откровенность и просить помещение для „гимназиста". Согласие было получено...

Один из наиболее приемлемых планов побега был следующий: предполагалось устроить проветривание тюремных постелей. Для этого тюремные сторожа должны были их вынести во двор гауптвахты. Чтобы попасть в этот двор, нужно было пройти караульную и затем выйти на улицу, повернуть за угол стены и лишь оттуда можно было попасть во двор гауптвахты.

Фельдман должен был войти в цейхгауз, быстро переодеться в платье тюремного надзирателя, накинуть на голову тюфяк и, изображая сторожа, проникнуть на улицу и скрыться. Бурцев предполагал в это время отвлекать внимание часовых порнографическими открытками.

Проект этот, вполне выполнимый, сорвался благодаря простой случайности: Бурцев забыл сообщить Фельдману пароль.

Второй проект, несколько напоминавший первый, заключался в том, что Фельдман, под видом сторожа, должен был выйти на улицу тушить фонари. Эта операция производилась между 3—4 часами утра.

Осуществление этого плана затруднялось тем, что Фельдману необходимо было для этого пройти через караульное помещение, где находились унтер-офицеры, которые его могли знать. Другой помехой было отсутствие ключа, посредством которого можно было открыть камеру Фельдмана. Вовлекать же в дело дежурного унтер-офицера, у которого находились ключи, было рисковано.

Затруднения эти, однако, были обойдены очень просто. Бурцев заявил, что караульная нуждается в ремонте, а потому унтер-офицеров перевели в другое помещение, что же касается ключа, то Бурцев напоил однажды дежурного унтер-офицера и снял мерку ключа, который и был заказан.

Остановка теперь заключалась в том, чтобы привлечь к делу часового, без которого обойтись было невозможно. Бурцев возлагал свои надежды па „еврейство" и предлагал Фельдману дождаться того дня, когда в караул будет назначен часовой еврей. Такой случай долго не представлялся, благодаря чему возникла мысль усыпить часового посредством специально приготовленных папирос. Такие папиросы были изготовлены и испробованы на воле. Действие их оказалось чрезвычайно сильным и уснувшего товарища пришлось приводить в чувство искусственными мерами.

Но, вот, однажды утром, Бурцев сообщил Фельдману, что сегодня в третьей смене будет часовой еврей и предложил действовать.

Фельдман разговорился с этим часовым, по фамилии Штрик. После некоторого колебания Штрик согласился. Теперь все уже было готово, остановка была за мелочами, как то: платьем, машинкой для бритья, необходимостью своевременно известить товарищей и проч. В своей постели Фельдман соорудил чучело, которое прикрыл во всю длину одеялом. Товарищи должны были ожидать недалеко от тюрьмы, под горой. Был заготовлен пароль. Согласно условию вначале должен был выйти Фельдман вместе с Бурцевым, а вслед за ними часовой Штрик. По просьбе последнего, Фельдман дал ему адрес конспиративной квартиры, куда он мог бы скрыться. Для Фельдмана наступили минуты томительного ожидания того момента, когда раздастся условный стук в дверь.

Однако, все эти приготовления чуть было не сорвались благодаря некоторой неосторожности Фельдмана. На гауптвахте сидел под арестом унтер-офицер Шио Схиртладзе, которому некоторое время тому назад Фельдман сообщил о предложении Бурцева бежать и спросил его мнения о побеге. Схиртладзе ответил, что это пустяки. Вместе с тем он решил заявить о предполагавшемся побеге

начальству, с каковой целью велел посетившей его сожительнице сходить в комендантское управление и передать капитану Оллонгрену, чтобы он вызвал Схиртладзе для допроса по важному делу. Но капитан на это не обратил внимания.

После этого Схиртладзе предложил Фельдману передать через свою сожительницу письмо на волю. Фельдман согласился и написал следующее письмо:

„Давно уже собирался вам написать через эту женщину. Прежде всего о деле: вы говорили, что он робок и надо сделать его смелей,— я это не могу, так как не имею возможности говорить с ним, хотя бы несколько минут, но вы постарайтесь сами с ним поговорить, скажите ему, что без смелости нельзя сделать дела и тогда он лишается... При этом давайте и побольше, обещайте, рисуйте ему заманчивыми красками жизнь за границей, тамошних красивых девушек, которые любят русских красавцев и т. д., словом старайтесь действовать на самые низменные стороны пьющего и распутного парня. Теперь мы, без сомнения, пропустили самое удобное время, когда стоял один часовой и все было можно легко устроить. Тот план, о котором вы писали мне сегодня, не дурен (я уже писал вам, сегодня об этом получили записку). Но только в том случае, если мне откроют дверь. Он говорил о том, чтобы я положил с вечера что-нибудь под дверь, тогда меня не закроют на ночь (замок не будет запираться), но это конечно абсурд. Пусть он старается достать ключ, он может ночью сильно напоить унтер-офицера и снять на воск мерку с ключа, если это нельзя сделать, то нет ли таких инструментов, с помощью которых он мог бы открыть замок, я впрочем думаю, что он может достать ключ, но трусит сам открыть дверь. Воодушевляя его, можно будет также попытаться с тюфяком, если будет хорошая смена, лучше всего это можно бы удрать вот как: вероятно здесь скоро пойдут в баню; идут огромной толпой, он должен устроить, чтобы и я пошел, когда же мы все вернемся, то можно будет найти момент забежать в цейхгауз и т. д. Вот все, что пока есть. Пусть он старается узнать, надолго ли поставили II-го часового" и т. д. [1]).

Письмо это Схиртладзе должен был вручить своей сожительнице для передачи на волю в дом Лам в квартиру Конторовича.

Однако, ознакомившись с его содержанием, Схиртладзе снял с него копию и направил ее через караульного начальника капитану Оллонгрену вместе со своим письмом следующего содержания:

„Его Высокоблагородию И. Д. Комендант. отд.

Ваше Высокоблагородие, приезжайте на главную гауптвахту и начинайте на меня кричать, как будто я имею переговоры с Фельдманом и он у меня передает записки и как будто эти

[1]) Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический" под редакцией Невского, стр. 344.

записки я даю женщине, чтобы отнесла в дом Лам в квартире Конторовича. Вы мне скажите, что вы отберете ее пропуск и никогда не пустите ее ко мне, вы прикажите, чтобы меня заперли в темную и когда уедете вызовете меня на допрос и я вам покажу, какие записки пишет Фельдман и кто ему помогает. Один человек старается как-нибудь его выпустить. Отсуда и у них есть такие планы, что очень просто что и выпустит. Только прошу Вашему Высокоблагородию чтоб из арестованных никто незнал что это я сказал вам. Вы сами знаете, что тогда здесь произойдется, а после допроса мало я боюсь, что у меня обвинили по этому делу. Фельдман каждый день получает через этого человека письмо и также сам пишет. Этот человек два дня тому назад получил сто рублей задаток и обещают большую награду. Фельдман сам сказал и по записке могу доказать, которую писал Фельдман. Только вы Ваше Высокоблагородие не трогайте этого человека до моего допроса, который назначен пачтальоном. Запасный ст. унтер офицер Шио Схиртладзе".

Это провокационное письмо было послано капитану 12-го августа, а прибыл он на гауптвахту лишь 13-го, когда уже было поздно...

Между тем, на гауптвахте события развертывались следующим образом.

Наступила половина 3-го ночи. В распоряжении оставалось всего полчаса времени. Фельдман побрился и, таким образом, изменил свою наружность. Вдруг, обнаружилось, что ключ не подходит к замку. Его удалось быстро исправить.

Бурцев открывает дверь камеры, и Фельдман быстро направляется в цейхгауз, где надевает на себя солдатское платье. Вдвоем они направляются в офицерскую, откуда Фельдман с лестницей в руках выходит на улицу, якобы для тушения фонарей. Вслед за ним выбегает Бурцев, который схватывает его под руку и увлекает вперед. Спокойный до сих пор Бурцев потерял самообладание и пробежал значительно дальше того места, где их ожидали товарищи. При возвращении назад товарищей уже не было. Тогда они взяли извозчика и поехали на конспиративную квартиру, куда через некоторое время прибежал взволнованный и перепуганный часовой Штрик.

Таким образом, все оказались на свободе. Побег произвел большой переполох в городе. Весь порт и вокзал были оцеплены войсками. Чухнин выходил из себя от негодования и грозил всех отдать под суд.

Оставалось, однако, весьма трудное предприятие — вывести всех из Севастополя. Выехать железной дорогой или пароходом было опасно, так как вся охрана была поставлена на ноги. Первым отправили солдата, которому подыскали жену с ребенком. Штрик взял ребенка на руки и в таком виде благополучно скрылся. Фельдман вместе с Бурцевым в сопровождении одного высоко-

поставленного в Севастополе лица и роскошно одетой девицы выехали в блестящем ландо, запряженном четверкой лошадей. Внешность Фельдмана и Бурцева была настолько изменена и вся картина поездки производила такое впечатление, что трудно было заметить что-либо подозрительное. Несмотря на встречу с караульным начальником и с капитаном гауптвахты, они не были узнаны и проехали без задержки через самые опасные места. Расстались только в Симферополе. Через месяц Фельдман был за границей.

Только спустя четыре года, именно в марте 1909-го года, Бурцев был задержан в Ростове н/Д и предан суду за освобождение арестанта и побег со службы. Он был приговорен к десяти годам каторжных работ.

Побег Фельдмана из военной гауптвахты послужил лишним доказательством того, что не все благополучно в царстве Чухнина и что ржа крамолы начинает проедать даже наиболее хорошо защищенные цитадели самодержавия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ ДНИ „СВОБОДЫ“

Расстрел демонстрантов у тюрьмы

Новые правила о публичных собраниях были опубликованы в Севастопольской газете 14-го октября. Они были вырваны у самодержавия и должны были легализовать то, что и без этих правил вошло в жизнь в 1905-м году, так как собрания, хотя и нелегальные, все равно происходили. Для нелегальных партий, как, например, соц.-дем. и других они облегчали возможность ведения агитации на более широких началах. Что же касается до либералов, то для них новые правила явились целым откровением.

Группа местных либералов, среди которых был и лейтенант Шмидт, обратилась к градоначальнику с заявлением о предстоящем 18-го октября собрании, на котором предполагалось обсудить постановление съездов городских и земских деятелей. Начальство разрешило устроить собрание на частной квартире, с чем им пришлось примириться.

Однако, 18-го октября был получен манифест о „свободах“. Как и всюду, он произвел огромное впечатление. По инициативе социал-демократической организации и в частности Инны Смидович, Конторовича и других было созвано большое собрание на Екатерининской улице против музея Севастопольской обороны. Это происходило в 12 часов утра. Собрание протекало мирно. На нем выступали представители как революционных организаций, так и либералы. Они объясняли многолюдной толпе значение царского манифеста. Чувствовался необычайный подъем. Между прочим, на этом собрании выступил также П. П. Шмидт.

В самый разгар собрания на толпу вдруг налетел полицеймейстер Попов во главе вооруженной роты солдат. Усердие этого царского служаки было очень велико и он скомандовал солдатам:

— В штыки их, бунтовщиков!

К счастью, в толпе находился воинский начальник Де-Роберти, который был настроен иначе. Он приказал роте немедленно разойтись по казармам, при чем объяснил, что в настоящее время граждане имеют право собираться где угодно. За этот

либеральный порыв Де-Роберти впоследствии поплатился: он был уволен со службы.

Собрание продолжалось. К 3-м часам удалось достать оркестр музыки, который обходил город и под звуки марсельезы собирал народ на Приморский бульвар. Всеобщее ликование продолжалось.

Наступил вечер. Настроение подымалось. На общем митинге, на котором преобладали рабочие порта, было решено итти освобождать из тюрьмы политических заключенных. При некотором такте со стороны администрации все могло бы кончиться благополучно. Однако, этого такта у местного жандармского полковника и полицеймейстера Попова не оказалось. Когда толпа начала напирать на ворота тюрьмы, по приказанию этих помпадуров раздался залп из тюремного двора. Рота солдат Брестского полка, стоявшая на улице около тюрьмы, также открыла пальбу. В результате—8 человек убитых, 15 тяжело раненных, поступивших в больницу, и около 20 легко раненных. После этого жандармский полковник, полицеймейстер и начальник тюрьмы, повидимому, испугавшись, скрылись немедленно из Севастополя, предварительно, однако, выпустив политических. Таким образом, после расстрела, они сделали то, с чего надо было начинать.

„Крымский Вестник" за 1905 г. от 23 октября дает следующее изображение этих событий:

Печальные происшествия в Севастополе.

Вчера мы не имели возможности дать подробное описание прискорбных событий, имевших место в Севастополе 18-го Октября, в день объявления Высочайшего манифеста.

Около полудня в городе стал распространяться слух, что по телеграфу получен Высочайший манифест о даровании русскому народу так долго ожидаемой политической свободы. К 4 часам дня слух этот оправдался и отныне знаменательный в истории России манифест от 17-го Октября был выпущен в виде телеграмм. Толпы народа, радостно настроенного, моментально расхватали выпущенные телеграммы. Радость народа не поддается описанию и весьма естественно, что у взволнованных людей явилась потребность в обмене впечатлений, и вот толпа стала собираться у адмиралтейской башни и музея севастопольской обороны. Явились красные флаги, как символ свободы, стали говориться мирные, восторженные речи, попеременно с пением патриотических песен. (Последнее является сомнительным. *В. К.*). Толпа вела себя в высшей степени корректно, но тут произошел первый печальный инцидент: явился местный полицеймейстер Попов и помощник пристава Пашура со взводами матросов и казаков. По приказанию полицеймейстера Попова матросы бросились на толпу

с ружьями, а казаки обнажили шашки. В толпе ранено штыками двое. К счастью, в дело вмешался воинский начальник Де-Роберти, который остановил матросов и казаков, приказал им удалиться и, войдя на крыльцо музея, речью успокоил толпу, которая затем с пением и флагами пошла на Приморский бульвар, где опять говорились речи и пелись песни. Тут было решено итти к тюрьме и потребовать освобождения лиц, заключенных за свои политические убеждения. Об этом решении было сообщено полицеймейстеру Попову и жандармскому полковнику Бельскому. С Приморского бульвара толпа в несколько тысяч человек с военной (флотской) музыкой отправилась по Нахимовскому проспекту, Б. Морской и Херсонесской улицам к зданию тюрьмы. Перед тюрьмой толпа остановилась перед запертыми воротами, ведущими на первый (административный, а не тюремный двор) и с музыкой стала требовать освобождения политических заключенных. Из местных военных и гражданских властей тут были помощник полицеймейстера Битнер и адъютант штаба крепости—капитан Оллонгрен. Толпе было сказано, что через 10—15 минут прибудет жандармский полковник Бельский и полицеймейстер Попов, которые сделают надлежащее распоряжение. Толпа ожидала прибытия этих лиц более часа, но не дождалась... Настроение толпы вначале радостное, мирное, стало переходить в более повышенное, раздраженное... Дальше произошло следующее: в девятом часу вечера — по одной версии — толпа стала ломать ворота, ведущие во двор, на котором расположены квартиры тюремной администрации, а по другой версии — ворота были отворены изнутри, во дворе оказались войска, которые без предупреждения дали залп в безоружную толпу и продолжали стрелять некоторое время в бегущих. Результатом этой стрельбы было 3 убитых и доставлено в городскую больницу тяжело раненных — 16 и легко — 20 — 25 человек.

В тот же день из числа тяжело раненных умерло 3 человека и на другой ден — 2 человека".

Между тем, во время расправы у стен тюрьмы, в квартире доктора Веймарна происходило назначенное в этот день собрание, на котором, кроме приглашенных лиц, присутствовали и многие другие. Вдруг с криками вбежало несколько человек, которые сообщили о расстреле у стен тюрьмы. Заседание было немедленно закрыто. В ту же ночь было созвано экстренное заседание гласных городской думы, которое, по словам Шмидта, продолжалось 18 часов. На нем, между прочим, редактировались телеграммы с протестом от разных слоев населения.

Вот содержание двух из этих телеграмм:

Телеграмма № 4503 Срочная
18/X—1905.

Петербург. Графу Витте.

Жители города Севастополя, возмущенные происшедшими сейчас убийствами, совершонными войсками в день мирного празднования народом дарованной Государем неприкосновенности личности, протестуют против убийств мирных жителей. Настоятельно просят от Вас немедленно доложить Государю, что его воля не выполняется местными властями.

Сейчас убито 3, раненных в больнице — тяжело 15 и легко — около 20 человек.

Подписи: Инженер Федор Баталин, Генерал-Майор Лескевич, Подполковник Кетриц, С. Спиро, Фалеев.

Такие выражения, как „дарованной Государем неприкосновенности личности" и прочее не удивительны, если мы примем во внимание, что она подписана такими лицами, как генерал-майор, подполковник и т. д. Расхождение цифр убитых и раненных с числом, указанным выше, объясняется, очевидно, тем, что в это время количество жертв еще не было точно установлено.

Текст второй телеграммы гласит:

Телеграмма № 4504. Срочная
18/X—1905 г.

Петербург. Графу Витте.

Жители города Севастополя, возмущенные происшедшими бессмысленными зверскими убиствами, совершонными войсками в день мирного празднования народом дарованной Государем неприкосновенности личности, протестуют против продолжающихся убийств мирных жителей, просят Вас немедленно доложить Государю, что его воля не выполняется местными властями и что мы требуем немедленного возмездия и удаления из пределов градоначальства убийц, для успокоения возмущенного населения и для предотвращения повторения подобных событий. Свидетельствуем, что поводов к насилию толпа никаких не подавала, производя мирную манифестацию у здания тюрьмы в честь пострадавших за политические убеждения и словесно требуя их освобождения.

Имеются 80 подписей.

Телеграмма эта была послана не от имени думы, как это будет видно из дальнейшего, а, очевидно, также от какой либо группы граждан.

Возмутительный расстрел у тюрьмы, происшедший ночью 18-го октября, вызвал в массах страшное возбуждение.

На следующий день с утра на Приморском бульваре стихийно создался митинг, на котором обсуждались вчерашние события, и где был избран совет народных депутатов в количестве 40 человек. В числе избранных оказались: Инна Смидович (с.-д.), Конторович (с.-д.), Вороницын (с.-д.), Усов (с.-р.), Берлин (с.-д.), Мельников (народоволец), Емельянов (народоволец), д-р Никонов (бывш. народоволец, потом с.-р.), Резников (нар. соц.), Ласкевич (гласн. гор. думы и генерал в отставке) и другие.

Председателем был избран с.-д. Конторович [1]).

Таким образом, на этом митинге организовался не совет рабочих депутатов, а совет народных депутатов. Впрочем, большинство на митинге принадлежало рабочим портового завода.

По окончании митинга почти все присутствующие на нем во главе с избранными депутатами, отправились на заседание городской думы. Шествие заняло почти всю улицу от угла Нахимовского проспекта и Большой Морской до здания городской управы. Пришедшие потребовали, чтобы избранным от народа депутатам, не исключая и женщин, было предоставлено право решающего голоса.

На этом чрезвычайном заседании рассматривались следующие вопросы: [2])

1) Протест правительству против избиения 18 октября.

2) Снятие военного положения и усиленной охраны.

3) Удаление казаков из города, войск и полиции с улиц.

4) Об организации милиции...

5) Похороны погибших на общественный счет.

6) Предание суду всех виновников избиения 18 октября: Попова, Бельского, Пашуры, Оллонгрена, Васильева и смотрителя тюрьмы, удалив их от должности...

7) Освобождение всех политических заключенных и общая амнистия, в том числе и матросам с „Потемкина" и других судов, привлеченных по политическим делам.

8) Протест против смертной казни.

9) Содержание семейств убитых и раненных на общественный счет.

10) Предоставление летнего городского собрания для народных митингов.

11) Предоставление места в заседаниях думы избранным депутатам от народа.

---

[1]) По словам Усова председателем был избран Емельянов.

[2]) Из дела Севаст. городской управы за 1905-й год № 39 л. л. 96 и 97. Хотя здесь и не указано, что эти вопросы относятся к заседанию городской думы от 19 октября, но целый ряд соображений говорит за это.

12) Возвращение доктора Никонова на место старшего врача.

Большинство из указанных пунктов было принято целиком, а некоторые с оговоркой.

Так, по п. 7 принята оговорка: „настаивать на производстве гласного суда с присяжными над матросами с „Потемкина" и с других военных судов, обвиняемых в убийстве".

По п. 11 принята оговорка: „что места предоставляются с правом совещательного голоса".

Дневное заседание думы было прервано и вечером снова возобновлено, при чем на вечернем заседании приняты следующие постановления:

1) Просить о закрытии на-завтра питейных заведений.

2) Просить на-завтра прекратить работы в порту.

3) Просить директора Реального училища и инспектора Городского училища выслать на-завтра оркестры музыки для участия в похоронной процессии и прекратить в училищах занятия до понедельника.

4) Просить о прекращении на-завтра движения по городу и его слободкам трамвая.

5) Выразить городскому голове А. А. Максимову благодарность за благотворное участие его в умиротворении народа и

6) Просить главного командира Черноморского флота и начальника дивизии разрешить войскам принять участие без оружия в похоронах 20-го октября.

Кроме того, в заседании 19-го октября дума приняла предложенную Шмидтом телеграмму с протестом против расстрела. Текст ее следующий:

„Петербург. Графу Витте.

Севастопольская городская дума в чрезвычайном заседании, совместно с депутатами, выбранными от народа, заслушав доклад городского головы о совершонных в ночь с 18 на 19 октября убийствах, единогласно постановила: выразить свой протест правительству, администрацией коего убиты были граждане Севастополя, мирно праздновавшие осуществление свободы и совершавшие мирную манифестацию у здания тюрьмы в честь заключенных за политические убеждения и требовать немедленного удаления виновных до предания суду; немедленно снять военное положение с устранением войск с улиц города и казаков из пределов градоначальства с заменой их временной народной охраной; требовать освобождения всех политических заключенных и общей амнистии, не исключая матросов Черноморского флота; уничтожить смертную казнь, как позорище отечества. Только выпол-

нением этих народных потребностей возможно успокоение населения и возвращение к нормальному течению жизни"[1]).

Телеграмма эта, как видно, составлена в более радикальных выражениях, нежели прежние. Здесь нет кислосладких слов о том, что воля государя не выполняется, и прочем.

На вечернем заседании думы обсуждалось также заявление лейтенанта Шмидта „о вооруженной силе, призванной директором Севастопольской классической гимназии Ветнеком для защиты вверенной ему гимназии от нашествия реалистов". Дума по этому вопросу постановила ходатайствовать об удалении Ветнека от занимаемой должности.

Кроме того, было принято предложение Шмидта,—навеки заклеймить виновников вчерашнего расстрела. С этой целью написать на пергаменте о зверском избиении невооруженной толпы, вписать туда имена убийц и этот памятник навсегда вывесить на стене в зале городской думы.

Наконец, по вопросу о военном положении вынесено следующее постановление:

„Граждане города Севастополя, собравшись вместе с представителями Городского Самоуправления, в чрезвычайное заседание Городской Думы, постановили:

Признавая, что существующее военное положение угнетающее совершенно незаслуженно все население более четырех месяцев—совсем не совместимо с Манифестом от 17 Октября 1905 года и с достоинством свободных граждан, что оно угрожает жизни, здоровью и имуществу населения, которое, под влиянием последнего кровопролития, учиненного в городе ночью 18 октября, во время мирного празднования всенародно объявленной свободы,—может вызвать опасные междоусобицы — настоятельно (просить? *В. К.*) о немедленном снятии военного положения и освобождения арестованных по политическим делам".

Для выявления настроения тогдашних умов интересно подчеркнуть тот характерный факт, что постановления думы были направлены коменданту крепости генералу Неплюеву на утверждение.

Было бы, конечно, наивно думать, что местные власти утвердили эти постановления или хотя бы оставили их без протеста. Уже 20-го октября адмирал Чухнин обратился к городскому голове со следующим солдафонским отношением:

---

[1]) „Лейтенант П. П. Шмидт"—воспоминания сестры.

Главный Командир
Черноморского Флота
и
Портов Черного моря
ПО ШТАБУ
20 октября 1905 г.
№ 516.

Экстренно

Господину Севастопольскому
Городскому Голове.

В ответ на отношение от 19-го сего октября за № 3493 прошу Севастопольского Городского Голову и думу не вмешиваться не в свои дела.

Вице-Адмирал Чухнин.

Нужно полагать, что этот классический ответ был дан Чухниным на ходатайство думы о снятии военного положения. Таким образом, расшалившиеся дети—думцы получили от его превосходительства урок политической мудрости.

Более „мотивированное" решение с попыткой опереться на соображения закона было получено от Севастопольского Градоначальника. Оно гласит:

М. В. Д.
Севаст. Градоначальник
ПО КАНЦЕЛЯРИИ
Делопр. . . . I.
22 октября 1905 года.
№ 5816
г. Севастополь.

Экстренно

Севастопольскому Городскому Голове.

Главный Командир Черноморского Флота Вице-Адмирал Чухнин уведомил меня, что, ознакомившись с журналом чрезвычайного Думского постановления 19-го октября, он находит это заседание, а следовательно и постановление Думы незаконными, так как на этом заседании участвовали кроме гласных еще выбранные депутаты, которым было предоставлено право голоса, при этом предложил мне прекратить подобные заседания в Городской Думе и объявить, что постановления Думы, изложенные в вышеупомянутом журнале 19-го октября считаются совершенно незаконными и не должны быть обращены к исполнению ни под каким видом, а потому и не подлежат напечатанию в газетах.

Об изложенном уведомляю Вас, Милостивый Государь, для точного исполнения.

Градоначальник Контр-Адмирал Спицын.

Правитель Канцелярии Викторов.

Делопроизводитель (подпись неразборчива).

Попечительное начальство не только боялось исполнения этих постановлений, но даже напечатания их в газете! Однако, на этом

дело не остановилось. Забегая несколько вперед, необходимо сказать, что 30-го ноября 1905 года состоялось заседание особого по городским делам присутствия, на котором вопрос о злополучном заседании думы 19-го октября вновь подвергался обсуждению, при чем вынесено следующее постановление:

„Рассмотрев протокол заседания Севастопольской Городской Думы от 19-го октября с/г. и принимая во внимание, что постановление Думы, изложенное в этом протоколе противоречит (63 ст.) Городовому Положению, Особое Присутствие, руководствуясь 84 и 148 ст. ст. того же Положения постановило: 1) Означенные постановления признать неправильными. 9-й пункт отменить [1]); а относительно остальных пунктов, как уже исполненных, никаких дальнейших мер не предпринимать; 2) признать, что действия Городского Головы Максимова были вызваны чрезвычайными обстоятельствами".

На этом администрация успокоилась.

Похороны жертв расстрела. Выступление Шмидта. Борьба за народную милицию

На другой день, 20-го октября, должны были состояться похороны жертв расстрела. Возбуждение, охватившее всех, было очень велико. Лед, сковывавший общественную жизнь, тронулся.

Со всех сторон начали стекаться для участия в похоронах огромные толпы народа. Между тем, полиция не дремала и, верная своим исконным заветам, начала исподволь вести контрреволюционную агитацию с призывом к учинению еврейского погрома.

В связи с этим, 20-го октября состоялось заседание народных депутатов, на котором по этому вопросу была принята следующая резолюция:

1) Просить думу доставить 300 револьверов для вооружения народной охраны. В случае же признания думы невозможности для нее выполнить это, депутаты находят, что ответственность по охране личной безопасности, имущественной и политической свободы граждан, лежащая на народной охране, должна быть сложена с нее и возложена на самую думу; вместе с этим безусловно необходимо, чтобы дума вошла с немедленным ходатайством в подлежащие инстанции о передаче полиции в ведение и подчинение городскому самоуправлению. В виду открыто ведущейся антиеврейской агитации среди хулиганов разными темными личностями

---

[1]) Здесь, очевидно, имеется отмена пункта 11 о предоставлении мест на заседаниях думы избранным депутатам от народа.

и переодетыми и непереодетыми полицейскими, необходимо принять самые энергичные меры для прекращения этой агитации, могущей вызвать столкновение между различными группами населения.

2) Для предотвращения указанных подстрекательств, одной из необходимых мер является удаление лиц, виновных в подстрекательстве.

Уполномоченные от депутации: **Смидович.**
д-р Г. С. Берлин.
С. Усов.

Насколько реальна была эта угроза видно из того, что городовые, не стесняясь, даже не переодевшись, вели такую агитацию, в результате чего двое из них были задержаны, доставлены в городскую управу и действия их запротоколированы документом:

АКТ

1905-го года, октября 21 дня, в городскую Думу в Севастополе были доставлены два городовых: №№ 19 и 14. При чем один из них, № 19, был выпивши. Доставили их: Александр Мечь,—матрос 28-го экипажа 6-й роты, Гладких, того же полка, Петров 29-го экипажа, реалист Экк (4-я Продольная, № 26), Борис Акопов (Б.-Морская, дом Смирнова), Дранков (фотография). Представившие городовых заявили, что названные городовые №№ 14 и 19 возбуждали толпу к беспорядкам против городской народной милиции.

Городовые, указанные выше, в помещении городской управы были освобождены. Но об этом случае—поведении городовых, по просьбе граждан и составлен настоящий акт, который должен храниться в городской Думе для объяснения по поводу городовых с их начальством.

Подписали: **Борис Акопов,**
М. Экк,
Сергей Гладких,
Константин Петров,
Александр Мечь
и присутствовавший здесь гр. **Николай Федосенко.**

Все это, однако, администрацию нисколько не смутило. Мало того, категорические действия народной охраны и совета народных депутатов, направленные к прекращению черносотенных выступлений, не понравились властям и, особенно, Чухнину. В связи с двумя задержанными городовыми, севастопольский градоначальник направил городскому голове такую бумагу:

М. В. Д.
Севастопольский
Градоначальник
по
канцелярии.
Делопр.—1-е
24 октября 1905 года
№ 5829
г. Севастополь.

Севастопольскому городскому голове.

Главный командир Черноморского флота и портов Черного моря 23 сего октября за № 541 дал мне знать, что им обращено внимание на то обстоятельство, что посланные для освобождения содержателя конторы Витмана городовые были задержаны несколькими лицами из народной охраны и доставлены в городскую управу, где о действиях городовых, якобы возбуждавших толпу против народной охраны, составлен был акт.

Его превосходительство находит такое явление ненормальным и предлагает Управе воздержаться в будущем от повторения подобных незаконных дел.

О чем даю знать Вам, Милостивый Государь, для надлежащего распоряжения.

Градоначальник
контр-адмирал **Спицын.**
Правитель канцелярии **Викторов.**

Таким образом, двое городовых, уличенных в погромной агитации, были взяты под защиту и под теплое крылышко адмирала Чухнина и градоначальника...

... В этот же день, 20-го октября, состоялись похороны товарищей, расстрелянных у тюрьмы.

„Крымский Вестник" от 22-го октября дает следующее описание

Похорон жертв 18 октября

„Как на митингах, так и в совещании врачей городской больницы была выработана до мельчайших подробностей организация похорон. Из городского врачебного персонала были организованы летучие отряды скорой медицинской помощи, такие же отряды организовали и больничные врачи. Благодаря этим мерам и народной милиции все время царил образцовый порядок.

Всех погибших 8, двое были убиты наповал, а 6 скончались в больнице, одни под операцией и другие после...

С самого раннего утра со всех улиц тянулся народ, стремясь к больничной церкви, откуда траурная процессия должна была тронуться на кладбище.

Нахимовский проспект, Б. Морская и Херсонесская улицы были запружены народом, особенно последняя. Но толпа все росла и росла, приняв неописуемые размеры. Вся Херсонесская улица не

могла вместить всего собравшегося народа, и хвост толпы тянулся до Большой Морской.

Провожать тела убитых явились люди всевозможных классов и сословий. Здесь были представители всего населения, морские и пехотные офицеры, солдаты и матросы, рабочий и крестьянский люд и учащаяся молодежь. При дружном содействии публики удалось образовать живую цепь от больницы до кладбища. Только стараниями каждого и всех удалось поддерживать в 20-тыс. толпе такой образцовый порядок.

Впереди процессии несли разные флаги разных партий, огромное количество венков из живых и искусственных цветов от различных общественных учреждений, партий и лиц. Далее шло многочисленное городское духовенство, хор музыки и оркестр учебных заведений и взводы от флота и пехоты для отдания воинской чести убитым нижним чинам.

Вид этой грандиозной, траурной процессии, растянувшейся на громадное пространство, был поражающий. То тут, то там раздавались плач и стоны из толпы родственников и знакомых погибших. Летучие отряды беспрерывно действовали, подавая скорую помощь то упавшим в обморок женщинам, то успокаивая впадавших в истерику.

Когда процессия достигла кладбища, подавленное настроение стало для многих невыносимым, плач и истерика стояли в воздухе. Над открытыми могилами было произнесено много речей..."

Первым говорил городской голова Максимов, вторым—лейтенант Шмидт. Речь Шмидта произвела потрясающее впечатление на всех слушателей, которые стояли, как загипнотизированные. Впоследствии она облетела все газеты России. Шмидт говорил:

„У гроба подобает творить одни молитвы; но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь, вместе с вами. Когда радость переполнила души умерших, то первым их движением было итти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь—в минуту общего великого ликования—лишен этого высшего блага. Они, неся собой весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их и за это были убиты. Они хотели передать другим высшее благо жизни—свободу и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление! Великое, непоправимое горе! Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: „Что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда? Как вы воспользуетесь свободой? Можете ли вы обещать нам, что мы—последние жертвы произвола?" И мы должны успокоить смятенные души усопших, мы должны поклясться им в этом... Клянемся им в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав! Клянусь!... Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за

сохранение нашей свободы! Клянусь!... Клянемся им в том, что свою общественную работу мы отдадим на благо рабочего, неимущего люда! Клянусь!... Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные, свободные братья Великой Свободной России! Клянусь!... Клянемся им в том, что мы доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного права! Клянусь!..."

Из тысячи грудей вслед за Шмидтом вырывалось, как вздох: „клянусь!..." Многие рыдали...

Здесь, на кладбище, чуть было не произошла катастрофа. Многие из толпы, чтобы лучше слышать, взобрались на кладбищенские стены, которые от тяжести рухнули. Началась давка, благодаря которой передние ряды едва не были втиснуты в открытые могилы. Но Шмидт скомандовал оркестру играть марш, что остановило натиск толпы.

Вторично паника овладела толпой вследствие того, что кто-то бросил возглас: „Казаки!" Испуганные люди бросились бежать через ограды назад к выходу, теряя на ходу зонтики, галоши, шляпы и прочее.

Но, в общем, похороны прошли благополучно. Полиция отсутствовала. За порядком наблюдала „народная охрана", которая была организована советом народных депутатов по настоянию социал-демократов. Охрана эта родилась почти стихийно, и властям пришлось с ее существованием примириться.

Городской голова, который являлся вначале по этому вопросу как-бы посредником между народными депутатами и градоначальником, отправил последнему 19-го октября следующее извещение:

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА
№ 3492
19 октября 1905 г.

Г. Градоначальнику.

Из личных переговоров с депутатами от народа выяснилось, что сегодня, 19-го октября, ночью будет послана народная охрана в следующие пункты: к городской больнице, почтовой конторе, к конторам Российского и Русского Общества и к винному складу, а также будут организованы отдельные народные патрули на улицах: Б. Морской, Екатерининской, на Нахимовском проспекте и на городском базаре.

О чем Вашему Превосходительству честь имею доложить.

Подписал Городской голова.

Из этого документа видно, что народная охрана организовалась явочным порядком, так как даже городской голова обратился

к градоначальнику не за разрешением посылать патрули и прочее, а лишь с уведомлением.

Однако, вскоре администрация образумилась и обратила внимание на то, что народная охрана представляет собою в сущности инородное тело в системе бюрократически-самодержавного строя и что существование ее чревато большими опасностями. Администрация делает нажим на городскую думу. У нее происходит объяснение с народными депутатами, в результате чего последние заявляют следующее:

„Депутация, приняв к сведению ответ думы, слагает с себя ответственность за сохранение порядка в городе с сегодняшнего вечера, 21-го октября. Вместе с этим депутация имеет честь заявить думе, что она не может принять участия в организуемой думой охране города совместно с полицией".

Из этого можно сделать заключение, что народная охрана, просуществовавшая 3 дня: 19, 20 и 21 октября была, во-первых, организована не думой и, во-вторых, из элементов исключительно революционных.

Адмирал Чухнин в своем воззвании к гражданам Севастополя, [1] между прочим пишет:

„Охранение свободы и имущества каждого гражданина от всякого насилия попрежнему лежит на обязанности государственной полиции, которая при ее осуществлении располагает во всякое время военной силой. Те граждане, которые в эти тревожные дни взяли на себя тяжелый труд охранения в городе спокойствия и столь успешно исполняли свой добровольный долг перед обществом, приглашаются уступить свое место чинам полиции..."

В конце этого воззвания он продолжает:

„Тот образцовый порядок, который происходил вчера при небывалом скоплении народа на похоронах жертв прискорбного события 18-го октября..." и т. д.

Таким образом, это воззвание подчеркивает, что охрана города вновь передаетс в руки полиции, а также и то обстоятельство, что добровольная охрана „успешно исполняла свой добровольный долг перед обществом" и что в дни ее существования царил „образцовый порядок".

Последнее обстоятельство дало повод некоторым центральным газетам заявить, что адмирал Чухнин выразил благодарность крамольной народной охране за ее успешные действия. Это поставило адмирала в очень неловкое положение, так как выставляло его в либеральном освещении. Впоследствии Чухнин старался своими разъяснениями выпутаться из этого столь нелепого для него положения.

[1]) См. „Крымский Вестник" от 23 октября 1905 года, за № 250. В деле городской думы 1905 г. за № 39 имеется указание, что это воззвание было опубликовано (очевидно путем афиш) еще 21-го октября.

Вопрос о народной охране является чрезвычайно важным, так как представляет собою первую попытку освободившегося народа и, главным образом, его революционной части опереться на реальную силу. Вокруг этого вопроса шла борьба, а потому дальнейшую его судьбу интересно будет проследить.

Молва об организованной в Севастополе народной охране обошла города и веси обширной матушки-России и, естественно, должна была многих заинтересовать.

21-го октября севастопольский городской голова получает по этому поводу запрос из Симферополя. В своем ответе от того же числа севастопольский городской голова пишет, что благодаря бестактности полицеймейстера Попова и других произошел расстрел толпы, вследствие чего „несколько вполне благонадежных лиц взяли на себя организацию народных патрулей из известных им честных рабочих. Эти патрули без оружия охраняли город в дни 19, 20 и 21-го октября и нигде порядок нарушен не был". В дальнейшем он сообщает, что с вечера 21-го октября народная охрана снята и что действия ее достойно оценены адмиралом Чухниным.

Точно также роменский городской голова шлет аналогичный запрос в Севастополь, в котором пишет: „В виду того, что в городе Севастополе функционирует уже городская милиция, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в высылке мне, по возможности, в скором времени, материалов, по которым организована милиция в Севастополе". Голове приходится давать пространный ответ по этому вопросу, из которого явствует, что милиции-то, собственно, нет, но что попытки к ее учреждению все время делаются.

Наконец, депутация от парижских студентов доставила в севастопольскую городскую управу адрес следующего содержания: „Французские студенты и их учителя, узнав, что севастопольская дума, образовав милицию, воспрепятствовала гнусным убийствам, которые обесчестили другие русские города, посылают ей свои поздравления и надеются, что в будущем она будет продолжать находиться на высоте своей тяжелой задачи, служа примером другим думам русских городов". На адресе имеется до 1.200 подписей профессоров и студентов, в числе первых адрес подписан проф. Карно (сыном бывшего президента). [1]

Весть о народной охране доходит до высших властей. Граф Витте шлет севастопольскому градоначальнику запрос: „Насколько верны совершенно удивительные сведения о какой-то новой организации полиции в Севастополе?" Градоначальник Спицын, делая непонимающее лицо, запрашивает у городского головы „по сему делу разъяснений и сведений".

[1] См. „Крымский Вестник", от 17 декабря 1905 г.

Городской голова в своем ответе от 22-го октября указывает: „о всем, происходившем в Севастополе в дни 19—21 октября я, вместе с составом Думы, докладывал Вам лично, Начальнику гарнизона крепости и вчера, в Вашем присутствии, Г-ну Главному Командиру Черноморского флота, а потому сведений о „какой-то новой организации полиции в Севастополе" сообщить не могу." В дальнейшем он снова указывает, что деятельность народной охрана была оценена в воззвании Чухнина.

4-го ноября была получена телеграмма от министра внутренних дел Дурново, в которой он категорически предлагает: „кроме невооруженных ночных и уличных сторожей, для охраны порядка городских милиций, охранных дружин и других организаций отнюдь не допускать". В случае же надобности „усиливать состав полицейских команд".

В связи с этой телеграммой тон администрации сделался более твердым. 15-го ноября комендант Севастопольской крепости, генерал-лейтенант Неплюев, сообщает думе, что при осадном положении крепости он не признает возможным организацию городской охраны. В дальнейшем он разрешает усилить полицию на 100 человек с тем, чтобы плата на их содержание вносилась городской управой.

Само собой разумеется, что это мудрое решение не могло удовлетворить не только революционеров, но даже либеральную думу, которая вновь возвращается к этому вопросу и возбуждает соответствующее ходатайство.

Севастопольский градоначальник в своем ответе от 19-го ноября, ссылаясь на телеграмму министра Дурново, предлагает: „раз навсегда вопрос этот не возбуждать. Если же городское управление находит, что штат полицейских чинов не достаточен для поддержания в городе порядка, то может усилить таковой наймом надежных лиц за счет города с непременной передачей их в полное распоряжение местной администрации".

На это предложение городской голова 24-го ноября ответил обширным посланием на имя градоначальника, в котором среди мотивов обращает на себя внимание следующее:

„Лично я обращаю Ваше внимание,—пишет городской голова,—на следующий характер воспрещения возбуждать вопросы об организации охраны: воспрещение имеет в виду городское управление, состоящее из лиц с умеренным образом мыслей, заинтересованных в выполнении порядка и спокойствия в городе, желающих организовать охрану из граждан, имеющих оседлость в городе, такую охрану, которая действовала бы в согласии с полицией в деле охранения порядка и спокойствия в городе; но воспрещение это не может касаться революционных организаций, которые могут устроить свои дружины, не спрашивая Вашего разрешения".

Городской голова указывает на ненормальность этого положения, которое может привести к тому, что в случае общего движения в городе власть может оказаться в руках революционеров.

Для оценки этого заявления необходимо принять во внимание, что оно было написано после подавления Ноябрьского восстания в Севастополе, размах которого ясно показал либеральной буржуазии ту опасность, которая против нее надвигается слева со стороны революционно настроенных рабочих и матросов. Прежнее прекраснодушие, когда городская дума примирилась с народной охраной, состоящей из революционных элементов, прошло. Теперь либеральная буржуазия желает организовать охрану из элементов, лойяльных, не внушающих ей опасения.

Однако, даже эти доводы оказались для администрации неубедительными. Самодержавие не желает сдавать своих позиций либеральной буржуазии, и градоначальник в своем ответе от 25-го ноября сообщает, что он не возражает против разработки „проекта охраны порядка и спокойствия", но категорически возражает против организации самой охраны.

В таких формах развертывалась эта эпопея по вопросу об охране спокойствия в городе и об организации народной милиции. Упорство, которое проявили обе стороны, показывает какое огромное значение имеет вопрос о том, на чьей стороне будет находиться реальная вооруженная сила.

„Свобода собраний"

Говоря о „свободах", провозглашенных манифестом 17-го октября, любопытно будет проследить, как они осуществлялись в том же Севастополе.

26-го октября 1905-го года городской голова извещает инженера службы пути о том, что им возбуждено ходатайство перед градоначальником о предоставлении для народных собраний железнодорожного сарая вблизи вокзала, предназначенного для стоянки императорских вагонов. Это ходатайство было возбуждено, согласно заявления железнодорожных рабочих и служащих о предоставлении им помещения для собраний.

На запрос градоначальника за подписью управляющего Курско-Харьковско-Севастопольской железной дорогой Кригера получена следующая телеграмма:

„Предоставление зданий в пределах станции для народных собраний министерством признается недопустимым".

Железнодорожники не унимаются и 4-го ноября просят управу предоставить им для собраний один из пустых магазинов, находящийся на Пересыпи. Городская управа отвечает, что с ее стороны не встречается препятствий к этому, но что собрания должны производиться с „соблюдением существующих на сей предмет

правил". Правила же эти заключаются в том, что администрация должна выдать разрешение. Однако, 8-го ноября севастопольский градоначальник извещает городского голову, что главный командир Черноморского флота не находит возможным допустить собрания железнодорожников в магазинах на Пересыпи, как „находящихся в районе железнодорожной станции".

Вопрос на этом не закончился. 15-го марта 1906-го года севастопольский градоначальник извещает городского голову о том, что устройство собраний в сарае для вагонов царских поездов „признано г. министром путей сообщения не подлежащим удовлетворению".

Однако, при плохой игре градоначальник пожелал сделать веселое лицо, а потому, отказав в сарае, он предлагает городскому голове „озаботиться приисканием и приспособлением для указанной надобности (т. е. для собраний. *В. К.*) соответствующего помещения и о последующем распоряжении уведомить".

В ответ на это городской голова сообщает, что подходящих помещений в распоряжении города не имеется, что городской театр, в котором устраивались митинги, отдан в аренду по контракту и что для постройки специального помещения городская управа средств не имеет.

Здесь градоначальник счел необходимым удариться в раж и стать якобы на защиту свободы собраний. Поэтому, 10-го апреля 1906-го года он извещает городского голову, „что на обязанности городского управления лежит приискать и приспособить соответствующее помещение для устройства народных собраний и митингов, если же подходящего не имеется, то построить таковое".

Городская дума 28-го апреля ответила градоначальнику, что, в виду финансовых затруднений, она не может строить специальное помещение для митингов, а потому его предложение она не имеет возможности исполнить.

Таким образом, в течение нескольких месяцев велась усиленная переписка по вопросу о помещении для собраний, а воз оставался на том же месте, т. е. рабочим и служащим собираться было негде. Так обстояло дело с формальным правом „свободы собраний".

В делах управы имеется заявление народных депутатов Резникова и Конторовича с просьбой о предоставлении два раза в неделю для депутатов помещения в Летнем собрании. Заявление это было передано управой в совет старшин городского собрания при чем, к сожалению, не указано, была ли удовлетворена эта просьба, или в ней было отказано. Но самый характер заявления: „покорнейше просим" свидетельствует о том, что Совет народных депутатов чувствовал себя не особенно прочно.

Арест Шмидта

Возвращаясь к хронологическому изложению событий, необходимо указать на то, что первые дни „свободы" ознаменовались арестом лейтенанта Шмидта. Это произошло непосредственно после похорон, в ночь с 20-го на 21-е октября. Сам Шмидт об этом аресте говорит, что он „арестован, схвачен, заманен обманом в Штаб флота, без допроса, без следствия, без объявления, за что его арестуют, заманен невинной бумагой, по которой его приглашают немедленно явиться, затем уловлен под конвой и под конвоем, как вор или мошенник, отправлен для содержания под стражей на броненосец „Три Святителя"[1]).

Это была месть адмирала Чухнина, который никак не мог допустить и примириться с тем, чтобы под офицерским мундиром билось сердце революционера.

В свою пловучую тюрьму Шмидт вызвал защитника Резникова, которому он передал для помещения в печати свою речь на кладбище и обращение „К народу" за подписью: „Социалист вне партий".

Таким образом, первые дни „свободы" ознаменовались: расстрелом невооруженной толпы, пришедшей затем, чтобы открыть двери тюрьмы для пленников самодержавия, борьбой (увы, только бумажной!) за организацию народной милиции, отказом в предоставлении помещений для собраний и митингов рабочим и, наконец, арестом Шмидта. Так проводился в жизнь манифест 17-го октября!

---

[1]) „Лейтенант П. П. Шмидт"—под редакцией В. Л. Максакова, стр. 173.

ЛЕЙТЕНАНТ П. П. ШМИДТ

Юность

О юношеских годах Шмидта известно следующее: в конце 70-х и начале 80-х годов в городе Бердянске был градоначальником контр-адмирал Шмидт, отец лейтенанта П. П. Шмидта. В это время директором Бердянской гимназии был Ф. Я. Вороной, личность незаурядная.

Будучи вначале директором Кишеневской губернской гимназии, он за нелады с начальством и „свободный образ мыслей" был смещен с должности и направлен директором в Бердянск. Здесь гимназия во время Вороного представляла своеобразную „вольницу", как бы своего рода „Запорожскую сечь". Ученики старших классов чувствовали себя совершенно свободно. Они сорганизовались в кружки для изучения литературы и в этих кружках знакомились с нелегальными журналами и проч., которые доставали из Одессы, Харькова и других городов.

Петя Шмидт был в то время кадетом морского корпуса и в каникулярное время приезжал в Бердянск. Здесь он завел знакомство с гимназистами и попал в один из этих кружков, который, без сомнения, положил начало его дальнейшей революционной деятельности. Дух, царивший в этих кружках, привел на революционный путь не только одного Шмидта. Из учеников Вороного выделились такие лица, как, например: Панкратов и ряд других революционеров, павших в борьбе с царизмом. Хотя П. Шмидт и не был учеником Вороного, тем не менее косвенное влияние этого человека на развитие Шмидта несомненно сказалось [1]).

Основные черты характера и взгляды Шмидта

В октябрьско-ноябрьские дни 1905 года имя лейтенанта Шмидта прогремело на всю Россию. Красный лейтенант стал властителем дум. Его речами зачитывались. Все, казалось, находились под обаянием этой удивительной личности, которую волна революции высоко подняла на своем гребне. Либерально-буржуазная печать создала вокруг его головы сверкающий ореол.

[1]) По воспоминаниям т. Штеринголя.

А между тем, не подлежит сомнению, что Шмидт—случайное лицо в революции. Где же причина этого успеха, причина того, что беспартийный лейтенант оказался „героем", „вождем" восставшего Черноморского флота?

Разгадку этого необходимо искать в тех же условиях, которые 9-го января выдвинули фигуру священника Гапона и в октябрьские

Лейтенант П. П. Шмидт
(Снимок сделан в ноябре м-це 1905 года)

дни в Петербургском Совете рабочих депутатов поставили на переднем плане совершенно случайное лицо—Хрусталева-Носаря.

Эта общая причина заключается в самом характере революционного движения в 1905 г., в том, что массы только начали пробуждаться от векового сна...

В отношении Шмидта к этому надо прибавить, что, как либеральной буржуазии, так и матросско-солдатской массе

чрезвычайно импонировали офицерские погоны, которые носил мятежный лейтенант.

О степени преклонения перед Шмидтом можно судить из следующего.

Когда Шмидт был арестован, к его тетке-старушке подошел на улице рабочий и спрашивает:

— Мне сказали, что лейтенант Шмидт—ваш племянник, правдали это?[1]). Старушка подтвердила. Тогда этот рабочий сказал, кланяясь в землю:

— До земли кланяюсь вам, если он ваш племянник; он наш почетный гражданин.

Такое отношение к Шмидту не было исключением...

В июле месяце 1905 года в г. Киеве Шмидт случайно встретился с З. И. Р. После беседы с ней в течение нескольких минут между ними завязывается переписка, продолжавшаяся до его суда. Из этой переписки Шмидта с З. И. Р. можно почерпнуть некоторый материал, характеризующий его, как человека и политического деятеля.

Характер у Шмидта был чрезвычайно экспансивный, и настроение менялось быстро. От переживаний восторга, счастья он мог переходить в полосу самой черной тоски и отчаянья. В эти периоды он очень страдал, нервничал и доводил себя до такого состояния, что не мог удержаться от слез.

Нервность у него замечалась еще в раннем возрасте, так, нанапример, в 16 лет, когда он занимался спиритизмом.

На ряду с этим он любит жизнь. „Любовь к жизни, пишет он,— напряженная, „неприличная", как говорит Иван Карамазов[2]), такая любовь, это—основная черта моей натуры".

Шмидт испытывал „душевный голод". Виденная им на выставке картина, под названием „Осень", вполне совпадает с его настроением. Вот эта картина:

„Серый, холодный свет осеннего дня уныло освещает комнату. У окна, почти упершись лбом в тусклое стекло, стоит мужчина. Легкая седина серебрит его виски, уныло устремлен его взор сквозь стекло в серую даль... Около сидит на задних лапах большая кроткая собака и сочувственно смотрит в глаза своему одинокому хозяину. Осень на дворе, осень в душе, страшная холодная осень жизни".

Он все время жалуется на одинокую жизнь.

Шмидт отдает всю свою нежность сыну.

„Он мой друг, сын, брат, и мне кажется, что я заменяю ему

---

[1]) Эта цитата и все последующие из этой главы, помещенные без оговорок, взяты из книги: „Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы" под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.

[2]) Один из героев Достоевского.

даже мать. Я горжусь нашими отношениями. Он — моя бесспорная цель и смысл жизни".

Память об умершей матери уподобляется для него „молитве".

Однако, это не может вполне удовлетворить душевного голода, и у него является потребность жить для других. „Не говорите, что он (Шмидт. *В. К.*) живет для себя и любит только себя".

И в его отношении к революции преобладало „чувство".

Сам Шмидт по вопросу о том, что у него преобладает: рассудок или чувство, пишет:

„Это страховое общество „рассудка" налагает на меня такие суровые правила, так стесняет мою жизнь, я говорю о моей частной, личной жизни, что я предпочитаю остаться при риске прогореть, но с ним вечного контракта не заключаю".

В дальнейшем он пишет о невозможности для него соблюдать правило „не жить на 10-м этаже, а никак не выше 5-го". Он желает жить не только на 10-м, а в 100-м этаже и спускаться вниз не обязательно по каменной лестнице, а ему может быть любо с 100-го этажа выкинуться вниз головой на мостовую".

„А летевши вниз головою, или, что то же, вверх тормашками,— пишет он в другом письме,— я ведь задохнусь от быстроты полета и приму смерть, может быть, после дикого, но недоступного людям полета, а вы, вместе со своим страховым обществом, будете суетиться между землей и 7-м благоразумным этажем".

Такими словами определяет он свое отношение к рассудку и чувству в письмах от 16 и 27 сентября 1905 года, т. е. за $1^1/_2$—2 месяца до своего взлета на „100-й этаж" крейсера „Очаков" и за $5^1/_2$ месяцев до принятия смерти на острове Березани.

На вопрос о том, силен ли он,— Шмидт отвечает, что здесь надо отличать два момента:

1) силу убеждения и чувства (нравственная сила) и 2) выносливость.

Силы убеждения и чувства, по его словам, у него много, он может „охватить ими толпу и вести ее за собой". Но выносливости у него нет. „Все, что я делаю, это — не глухая, упорная, тяжелая борьба, а это фейерверк, может быть, способный осветить другим дорогу на время, но потухающий сам". Сознание это приносит ему много страданий.

В этом самоанализе Шмидта нет преувеличений. Мы знаем, что, ставши на путь революции, он мужественно прошел его до конца, не дрогнув и тогда, когда перед ним начали вырисовываться очертания виселицы.

У Шмидта не было долгой „глухой, упорной, тяжелой борьбы", не было обычного тернистого пути революционера. Вместо этого мы видим вспышку, „фейерверк", в котором на глазах изумленной и восхищенной толпы сгорела жизнь лейтенанта Шмидта.

Говоря о том, что может повести за собой толпу, Шмидт также нисколько не преувеличивал. Он, действительно, обладал необычайной силой влияния, психологического внушения как на отдельных людей, так и на массу.

Об этом особом обаянии, исходившем от личности Шмидта, свидетельствует один из участников Потемкинского восстания, Константин Фельдман. Это было летом 1905 г.

„Я на „Пруте"[1]...— пишет Фельдман.— Он уже не революционный корабль, а пловучая тюрьма...

Кто-то большой — они все здесь большие,— подходит к моей камере. Заслоняет узкую дверь, ищет меня в темноте... сверкает белизной белый офицерский китель... Знаю, зачем пришел... Жду молча издевательств...

— Товарищ!— мягкий раздается голос...

Так непривычно ласково звучит он...

Верить?... И уже какая-то властная сила заставляет меня отозваться...

— Товарищ, очень вам худо?... Дайте же вашу лапу, протяните через решетку, да скорей, пока никого нет... Ну, вот так... Позвольте же представиться, лейтенант Шмидт... Да не смотрите же волком... Поверьте, и среди нас есть ваши друзья... Верите? Ну, так скажите, кто вы такой?

„Провокация",— мелькнула мысль.

Жандармы уже три недели добивались раскрытия моего имени. Не мытьем, так катаньем... Угрозы не помогли, лаской берут...

Но в следующую минуту я уже назвал себя...

Было что-то обаятельное в этом рослом незнакомом мне человеке. Пять минут разговаривал я с ним; я не знал, откуда он, но я уже чувствовал в нем моего друга, и внутренний голос говорил мне, что я не ошибаюсь... Этот не предаст..."

Беседа эта характерна, во-первых, тем, что она подтверждает исключительную способность Шмидта убеждать, внушать доверие, благодаря чему даже арестованный, затравленный революционер Фельдман, после пятиминутного разговора открывает ему, незнакомому офицеру, свое имя. Во-вторых, она свидетельствует о том, что уже летом 1905 года взгляды Шмидта не могли быть одобрены правительством Николая.

Другим доказательством этой способности гипнотизировать может служить его речь, произнесенная 20-го октября на кладбище во время похорон жертв расстрела.

Речь эта, по отзывам присутствовавших, произвела огромное впечатление. Многие рыдали. Все были наэлектризованы и по первому его знаку готовы были пойти за ним на смерть. Он „взял многотысячную толпу словом",—его обнимали и целовали совершенно незнакомые люди. Тысячная толпа увидела в нем своего трибуна.

[1]) Цитирую по „Пролетарской революции" — 1923 г. № 1/13.

Начавшееся революционное движение в России, движение в Черноморском флоте, в котором он под конец принимал непосредственное участие, действовало возбуждающим образом на впечатлительную натуру Шмидта, усиливая его нервозное состояние. К этому присоединились его странные необычные отношения с З.И.Р., его ярко вспыхнувшее чувство, сознание шаткости этих отношений, отсюда резкие переходы от ощущения полноты счастья до самых мрачных глубин отчаянья.

Нервность его в этот период проявляется особенно сильно.

В письме от 15-го сентября он пишет: „О, как бы я хотел передать вам всю силу этого внутренного, где-то глубоко таящегося, трепетного счастья. Счастья чувства, мысли, счастья бытия".

Но, спустя несколько дней, настроение меняется и он пишет:

„Знаете, Зинаида Ивановна, нервы мои совсем разгулялись... я, Зинаида Ивановна, очень близок к полной потере самообладания".

В письме от 2-го октября он снова пишет:

„И в эти дни ожидания (письма, *В. К.*) нервы мои (Господи, как они надоели мне, если бы вы знали) дошли до высокого напряжения, спать я почти совсем перестал".

7-го октября у него в кабинете становится „весело и светло", 11-го октября он проснулся и его „толкнула" радость жизни, „затрепетало где-то глубоко, глубоко в душе счастье", а 7-го ноября с ним приключился истерический припадок и пришлось посылать за бромом.

Точно также и 10 ноября, чтоб заснуть он собирается принять бром.

15-го ноября, после неудачи с присоединением эскадры, с ним сделался припадок, лишивший его всякой энергии.

Таково было душевное состояние Шмидта в период созревания ноябрьского восстания в Севастополе.

Состояние это отчасти определило его отношения к З.И.Р., отчасти само определялось болезненной романтикой этих отношений. Он сам понимал эту необычайность и писал ей:

„Согласитесь, что нормальный человек неспособен к таким несообразностям, но я и не желаю быть нормальным, потому что в своем психопатизме я чувствую больше истины и правды, чем во всех логических выкладках, и вполне нормальные люди мне чужды".

Необходимо, впрочем, отметить, что был один случай, когда Шмидт сугубо настаивал на своей нормальности. Это произошло после предания суду, когда сестра, чтобы спасти его, начала доказывать, что он ненормален. Была послана комиссия врачей, которой Шмидт заявил:

„Если считать меня ненормальным, то надо признать, что все 130 миллионов русских людей, т. е. вся революционная Россия

сошла с ума" и, что, если бы он „был выпущен на свободу теперь, спустя 37 дней после случившегося, то при тех же обстоятельствах, которые были, поступил бы точно так же".

Но этот элемент личного мужества, который был свойствен Шмидту, не может затушевывать тех черт расплывчатой революционной романтики, истерии и душевного надрыва, которыми он в большой дозе был наделен.

Отвечая на вопрос З.И.Р., каков характер их отношений, он для объяснения приводит гипотезу Фламариона о „материальной душе". И дальше продолжает:

„Я не мистик, нет, я самый положительный реалист, но признаю, что наши отношения и наша связь на расстоянии могут быть причислены к явлениям исключительным, а пока для науки непонятным".

Назвать Шмидта положительным реалистом без натяжки довольно трудно, наоборот, мистический характер его воззрений сказывается весьма осязательно.

Предлагая свою поддержку З.И.Р., он в то же время пишет: „Бог ведает — не придется ли мне искать в вас большей нравственной поддержки, чем вы найдете ее во мне..."

Письма его пересыпаны такими выражениями, как: „Господи, Боже мой" „ну, слава тебе, Господи", „прости же меня, Господи", „Господи, да кому это нужно?" и т. д. И для него это не только пустые слова без всякого содержания. Шмидт — верующий.

К богу он возвращается неоднократно. „Не в силе Бог, а в правде" говорит он в одном из писем.

На вопрос: верующий ли он, сам Шмидт дает такой ответ: „Да, да, я верующий, и религия моя дороже мне всего на свете".

В дальнейшем он доказывает, что верит не в того бога, который троичен в лицах, потому что этот бог находится по ту сторону знания.

Но отрицать церковные догматы, это еще не значит остаться без веры. „Без религии и веры жить нельзя",— говорит Шмидт.

Он стремится построить религию, основанную на знаниях. „Вера в то, чего нет на земле, но что может и должно быть и есть религия в самом обширном значении этого слова".

Религия эта, выработанная при свете знания, „является завершением известного мировоззрения", а потому она отличается от „богословских религий" тем, что не стоит в стороне от жизни.

Построение, как видно, очень путаное и безнадежное. Это, впрочем, всегда бывало с церковными реформаторами, старавшимися, благодаря успехам естествознания, примирить одряхлевшее религиозное мировоззрение человечества, сложившееся в условиях авторитарного строя, с современными достижениями науки. На этом пути не посчастливилось людям со специальным богословским

образованием и обладавшим бо́льшими казуистическими талантами, нежели они были у Шмидта.

О молитве он говорит в письмах от 27 сентября и 2-го октября. Тема эта для Шмидта не является редкостью.

Интересно, что знаменитая речь Шмидта, произнесенная им на кладбище при похоронах жертв расстрела, построена в духе заклинающих проповедей древних библейских пророков. Хотя в ней нет ни одного слова о боге, тем не менее она насыщена чувством почти религизного экстаза.

Начинается она словами:

„У гроба подобает творить одни *молитвы*; но да *уподобятся молитве слова любви и святой клятвы*, которую я хочу произнести здесь вместе с вами". (Курсив мой. *В. К.*).

Молитва... Слова любви... Святая клятва... Да уподобятся... Все это напоминает что-то знакомое, пахнет ладаном... Да ведь это взято из церковного арсенала! Если к этому прибавить, что после каждой почти фразы он прибавлял слово: „клянусь", а многотысячная толпа повторяла за ним клятву, то картина получится еще более разительная. Совершенно инстинктивно, каким-то верхним чутьем, Шмидт нашел ту форму для своей речи, которой говорят с амвона священнослужители всех религиозных культов, когда они выступают, как профессионалы в деле массового религиозного гипноза. Но за ними многолетняя тренировка, передающиеся наследственно кастовые жреческие навыки и проч., а Шмидт по какому-то наитию с первого почти раза взял такой же священнический тон.

Это сочетание офицерского мундира, гражданской скорби, религиозного экстаза и церковной формы его речи в защиту „Великой Свободной России" делали ее неотразимой в обстановке 1905 года.

Характерно, что Гапон действовал на массу священническим саном, рясой, длинными волосами. Шмидту тоже потребовались церковные атрибуты в его речи для воздействия на толпу. Отсюда мы можем сделать некоторые выводы о характере тех настроений и чувств, которые переживали еще массы в 1905-м году...

Когда З. И. Р. посоветывала ему за ночь подготовиться к речи на суде, Шмидт ответил:

— А ты помнишь слова из евангелия: „Когда же будут предавать вас, не заботьтесь как или что сказать..."

Взгляды на женщину и семью связаны у Шмидта с мыслями о социалистическом государстве, которое представлялось ему в виде какой-то туманности. В новых условиях должна явиться женщина „полноправная, свободная, с сильной душой и ясным умом". Брак это—„единение двух духовно развитых людей, двух свободных и солидарных работников, не посягающих на жизнь друг друга, а соединяющих жизни свои для общей работы и общей радости и отдыха".

Он с интересом останавливается на той мысли своей корреспондентки, что влияние в семье женщины: жены, матери и сестры, преломляется соответствующим образом в мозгу мужчины и оказывает то или иное влияние на общественные силы и их развитие. Влияние это может быть и положительным и отрицательным. Таким образом, семья становится „лабораторией общественных сил". Он благодарит З. И. Р. за эту мысль, просит нашептывать ему еще, „делать умным и талантливым" и, таким образом, ставит женщину, как бы в особом центре, от которого протягиваются нити, управляющие ходом развития общественных сил.

Точка зрения, далекая от истины...

В сентябре он был занят разработкой 3-х лекций на темы: 1) влияние женщин в жизни и развитии общества, 2) семья, ее формы, история, 3) Крейцерова Соната. Он рассчитывает собрать рублей 600, выйти в отставку и уехать на голодовку для устройства столовых.

При разработке первой лекции его подавляет обилие материала, которое открывает перед ним картину „страшной мировой женской скорби, поруганных прав, разбитых жизней и оттуда возрастающего числа психических заболеваний, преступности, проституции". Он боится, что тема эта разрастется до размеров целой книги, потребует массу времени и оторвет от злободневной, неотложной работы. За письменным столом он просиживает не менее 16 часов в сутки.

Все эти темы вращаются исключительно вокруг семьи и женщины, что же касается рабочего вопроса, то, несмотря на заявление, что это его текущая работа, главное свое внимание он уделяет другому.

Отношение к молодежи

У Шмидта установились товарищеские, теплые отношения с учащейся молодежью, что указывает на нежность и чуткость его натуры.

Еще год тому назад он вел „войну с педагогами", благодаря чему пользовался среди учащихся популярностью. Тогда происходила забастовка в 7-м классе. Родители 7-го класса были приглашены на заседание в думу. И вот, несмотря на то, что сын Шмидта находился в 5-м классе, тем не менее, ученики 7-го класса потребовали, чтобы он был на этом заседании родителей с правом решающего голоса. И Шмидт не только присутствовал, но и председательствовал на собрании чужого класса.

„Я дождался величайшей на мой взгляд чести",—говорит по поводу этого приглашения Шмидт.

В описываемое время, когда революционные события втянули в свой водоворот и школу, Шмидт, конечно, не мог быть в стороне.

В сущности он был против участия в революционном движении учеников средней школы, но считал, что раз события их захватили, он не имеет права отказываться от руководства.

Его небольшой флигелек сделался излюбленным местом для их собраний. Здесь, в комнате сына Шмидта — Жени, разгорались оживленные споры, после чего, возбужденные, они врывались в комнату Шмидта, заставляли его высказываться по волнующим их вопросам и резюмировать их прения.

Он натолкнул учащихся на мысль устроить кружок самообразования, при чем сделал это с таким тактом, что у них была уверенность, что это их собственная мысль. Советывал читать Спенсера „Прогресс, его закон и причины", чтобы потом перейти к изучению Михайловского.

Во второй половине октября и в начале ноября к нему ходят соединенные депутации всех учебных заведений „для подачи петиций". По его настоянию удаляется директор мужской гимназии Ветнек, который прославился своим жестоким отношением к учащимся и провокаторской деятельностью.

Он собирается выступить с докладом в родительском кружке для того, чтобы „забрать родителей в свои руки и из смирных граждан выжать протест".

К ученикам старших классов севастопольских средних учебных заведений Шмидт обращается с письмом. Письмо это является чрезвычайно умеренным, что связано со взглядом Шмидта о нецелесообразности и нежелательности участия молодежи в революционном движении.

Он советует им не вовлекать в свои дела детей, так как это нечестно. Обращает внимание на то, что мы боремся за „порядок и законность", а потому насилие ни над кем не должно употребляться, так как „насилие это — оружие наших врагов и оттого мы презираем их".

Взгляд — чисто толстовский.

Перед грубой силой рекомендует расходиться. Не требовать чрезмерного. При внезапном нападении обороняться, „но почти всегда можно избегнуть этого, если во-время отойти от силы".

В то же время он советует в раз принятом решении быть твердым и отстаивать его до конца. „Твердость и решимость побудят робких присоединиться к вам".

Обещанию расширить права учащихся через министерство просвещения предлагает не верить. Так как забастовка — это крайнее средство, которое может привести к цели лишь при хорошей организации, то он рекомендует не злоупотреблять им, не торопиться и беречь его до всеобщей забастовки в России. Пока же организовываться.

Таковы основные положения этого письма.

Само собой разумеется, что судить исключительно по этому письму о степени революционной окраски самого Шмидта, о его политических взглядах было бы ошибочно, так как надо принять во внимание, что оно было адресовано к учащимся, подросткам, а потому рассматривать его, вообще, как политическое credo[1]) не приходится.

Политические убеждения

О духовных интересах Шмидта, его занятиях и проч. мы узнаем из тех же писем к З. И. Р.

Он пишет, что занят изучением рабочего вопроса.

Верными своими друзьями, хранящимися в библиотеке, он называет: Михайловского, Белинского, Добролюбова, Герцена, Шелгунова, Успенского, Милюкова, Карышева, Кареева, Маркса.

Интересно то, что Маркс и Милюков — оба являются верными друзьями Шмидта!

О прошлом своем отношении к революционному движению Шмидт глухо сообщает в письме к З. И. Р. от 9 октября:

„Я принимал до войны самое активное участие в подготовительных работах к тому положению, которое должно разразиться революцией". [2])

С нарастанием событий он постепенно втягивается в них и под конец уходит с головой.

В письме к З. И. Р. от 28-го сентября он пишет:

„Вчера же поздно вечером приходили матросы... об этом когда-нибудь расскажу".

Дней, приблизительно, через 10 Шмидт высказывается таким образом: „Она (революция, *В. К.*), конечно, поглотит меня всего целиком, и, кто ведает, буду ли я к лету среди уцелевших или лягу со многими другими". И дальше:

„Вы не имеете права не посмотреть мне вслед, когда я пойду на большое светлое дело, с которого многие не вернутся".

Его участие в развитии октябрьской забастовки выражается в том, что, благодаря влиянию на матросов торгового Черноморского флота, ему удается вызвать среди них забастовку.

„С 15-го числа (октября, *В. К.*)... я остановил пароходное движение только силой несчетного количества писем, которые отправлял в Одессу. Весь ум, весь талант, вся сила слова, порожденная важностью минуты, ушли на эти письма к матросам, и они забастовали. Это увеличило страшный паралич охватившей Россию революции-забастовки".

Если даже исходить из того, что волна забастовок все равно и без Шмидта захлестнула бы матросов, тем не менее известная лепта его в этом деле, несомненно, была.

---

[1]) Символ веры.

[2]) Каких-либо материалов, подтверждающих это, не имеется.

Накануне манифеста 17 Октября он устроил первый в Севастополе легальный митинг, на котором выступал перед местной интеллигенцией с докладом о значении „Великой Российской Забастовки".

В день получения телеграммы о „свободе" он выступает на митингах два раза и ночь проводит вместе с остальными у здания тюрьмы, где происходит расстрел радостно настроенной толпы, пришедшей освободить политических заключенных.

В ту же ночь он собирает экстренное заседание гласных, редактирует телеграммы с протестом против расстрела и заседает в думе на правах гласного.

Роль Шмидта становится все более важной и влиятельной. Поднимается вопрос об избрании его временным представителем города, но он отказывается и просит прежнего городского голову работать совместно с ним.

Он избирается депутатом в Севастопольский Совет и, в конце-концов, становится тем фокусом, в котором сосредоточиваются огненные лучи восстания.

Здесь мы подходим к наиболее существенному вопросу: каковы же были политические взгляды Шмидта? Что он нес на своем знамени?

Мнение самого Шмидта, что он „выше толпы", выше обывателей, скажем мы, не подлежит никакому сомнению. Он стоял значительно выше той среды морских офицеров, к которой принадлежал.

Он довольно критически относится к происходящим событиям. Получив, напр., поздравление по поводу манифеста 17-го октября, он отвечает:

—„Ликовать еще рано".

К „герою" своего времени Витте и к его детищу — государственной думе — Шмидт питает далеко не восторженные чувства. Речь Витте он считает ординарной, повторявшей зады того, о чем твердило все русское общество. Единственной ценностью ее является то, что она произнесена во вражеском лагере. Она — „симптом победы" революционного движения. Витте это — умеренный умный бюрократ, делец. Своим управлением министерством финансов он подвел материальную базу под ненавистный стране самодержавный строй. Капитализму нужны дешевые рабочие руки и он оказал ему эту услугу, создав безземельный пролетариат. В результате этой деятельности Витте стало возможно появление реакционнейшего министерства Плеве. Не будь Витте, не было бы и Плеве.

Политика Витте была искусной игрой на два лагеря. Так, например: его записка о земстве, которая в свое время послужила мотивировкой к подавлению выборного начала, теперь толкуется им, как доказательство того, что он всегда был сторонником этого начала. Дума „была нужна правительству для кредита, как бывает нужна подпись поручителя на векселе купца, потерявшего доверие".

Письмо это написано 12-го октября, а 10-го ноября в связи с разгулом реакции Шмидт отзывается еще резче.

Свободы Витте он называет „надувательством" и удивляется, как Витте при своем уме думает отделаться заигрыванием и расшаркиванием перед народом. Последний требует „дела, а не галантности". Шмидт никогда не верил в его искренность. Со слезливыми просьбами успокоиться ему необходимо обратиться не к народу, а к хулиганам, которые организованы не революцией, а Треповым.

Похождения хулиганов беспокоят его и во время ареста. „Боюсь, —пишет он в другом письме,— что в городе без меня начнутся погромы евреев. Наша полиция употребляет к тому все усилия, чтоб доказать, что город не может существовать без войск ни минуты. Они теперь выписали босяков из Симферополя, но сильна партия сознательных рабочих у нас в городе, и громить не дадут" и т. д.

Интересно, однако, что его отрицание насилия, отмеченное в письме к молодежи, относится в равной мере и к революции вообще.

„Революционеры показали ясно всему миру, что они не насильники, что насилье искусственно создается реакцией".

Последнее обстоятельство тревожит Шмидта. „Куда же они нас ведут"?—спрашивает он и сам же отвечает: „К страшной небывалой в истории народов кровавой революции". Она представляется ему в виде какой-то страшной силы, которая все сметает на своем пути. Реакция перешла грань, и теперь эту силу ничего не остановит, даже учредительное собрание.

„Порвалась струна в мужицкой душе,—с горечью говорит он,- не остановить, кажется, уже ничем страшной темной массы крестьянства, вся тьма и дикость которого так бережно охранялись сотни лет от луча света. Эта темнота обрушится на всех, на правых и виноватых и похоронит тех, кто случайно попадется на пути".

Шмидт подобно многим другим прекраснодушным либералам представлял себе революцию бескровной, такой, которая должна победить лишь величием присущей ей идеи.

Формальные свободы не имеют для него самодовлеющего значения. Это лишь средства для успешного движения вперед. При их наличии легче организоваться, и тогда события потекут с необычайной быстротой.

„Не пройдет и года, как мы провозгласим Демократическую Республику".

Сам Шмидт, отвечая на вопрос о своих политических убеждениях, говорит:

„...я не монархист, а принадлежу с юных лет к крайней левой нашего грядущего парламента, так как я социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма. Вслед-

ствие этого я, выйдя в офицеры, не оставался на военной службе, а перешел по вольному найму в торговый флот, войдя, таким образом, в ряды рабочего пролетариата, жил и живу интересами рабочего сословия".

Однако, считая себя социал-демократом, Шмидт через несколько дней заявляет:

„Между прочим, я вырос под влиянием Михайловского, и этот апостол правды всю жизнь был для меня глубоко чтимым руководителем". С Михайловским он даже находился в переписке по вопросу „субъективного метода в социологии".

Из этого можно сделать вывод, что Шмидту совершенно не была известна та пропасть, которая лежит между марксизмом и материализмом, с одной стороны, и идеалистическим направлением— с другой. Не известна ему, очевидно, и та идейная борьба, которая велась между марксистами и Михайловским, а также соратниками последнего.

Считая себя социал-демократом, он, тем не менее, пишет: „В новой программе П. С. Р. (партии социалистов-революционеров. *В. К.*) произошли значительные изменения, я получил ее только вчера. В настоящем ее виде, я, оставаясь несогласным в частностях, могу принять ее в общем"...

Точно так же в речи, произнесенной на суде, он говорит о своем требовании социализации земли.

Несогласия его с партией с.-р. касались, главным образом опроса о терроре, так как Шмидт был его противником.

Таким образом, он социал-демократ, считал для себя приемлемой, за исключением некоторых частностей, и программу соц.-революционеров!

В своих письмах к З. И. Р. Шмидт неоднократно заявляет, что он социалист, хотя и беспартийный. Так, например, в письме от 5-го октября он пишет:

„Я всю жизнь, оставаясь социалистом, не мог присоединиться ни к одной партии" и т. д.

В этом же письме, касаясь смерти известного в свое время земского и городского деятеля Трубецкого, он говорит, что пути социалистов и земской партии скоро разойдутся, так как „социалисты скоро встретят в земской партии одну из самых сильных преград".

В письме от 9-го ноября он снова пишет:

„Я социалист раньше всего..."

Заявления вполне определенные. Вместе с тем Шмидт сотрудничает в „Освобождении" [1]), мечтает съездить в Москву поговорить с лидером кадетов Милюковым. Мысль о свидании с Милюковым крепко засела в его голове, т. к. он возвращается к ней вторично в одном из последующих писем.

[1]) Заграничный орган либеральной буржуазии, выходивший под редакцией Струве.

„В Москве мне надо быть дозарезу,— пишет он.— Мне надо быть и в „союзе союзов" и в конституционно-демократической партии".

Он надеется договориться с этой партией по аграрному вопросу и тогда присоединиться к ней с той частью социал-демократов и социалистов-революционеров, которых он „имеет". В дальнейшем он поведет агитацию за создание одной „Великой Российской Партии социалистов-работников".

Эту мысль — впречь в одну телегу Ленина, Милюкова и Чернова не могли, конечно, разделять представители тогдашних левых партий. Она представляется нам особенно дикой в настоящее время после опыта гражданской войны. Но Шмидту казалось, что такая партия с одной общей программой, куда войдут „все разрозненные партии как рабочие, так и крестьянские", вполне осуществима. Создание ее он считает основной задачей своей жизни, после чего может спокойно умереть.

Мечты Шмидта о создании единой, всеобщей партии свидетельствуют о том, что классового подхода к совершающимся событиям у него совершенно не было. Правда, он говорит о временном обобщении этого пути, но даже и в такой постановке идея его была совершенно утопична.

При таких взглядах обособленная деятельность социал-демократии, которая была далека от его объединительных стремлений, особенно, в своем большевистском крыле,— казалась Шмидту узкой, ограниченной, ошибочной.

Из доклада Вороницына на конференции военных и боевых организаций РСДРП мы узнаем, что вечером 13-го ноября во флотских экипажах Шмидт произнес обширную речь против соц.-демократов. Он не верил в успех движения матросов и предлагал им ликвидировать забастовку. Скоро должно быть восстание в Москве в „союзе союзов", и он, Шмидт, уже обещал поднять флот к тому времени. Успеха, однако, эта речь не имела[1]).

Относясь отрицательно к с.-д. он не особенно миловал и партию социалистов-революционеров, так как считал, что при правильной программе она ведет агитацию преступно неправильно.

---

[1]) Сам Шмидт, однако, в письме к З. И. Р. от 24-го декабря рисует эту речь в несколько иных тонах. Вот отрывок из нее:

„... пусть преступная власть уничтожит пол нашего поколения, это только упрочит то счастье России, которое будет завоевано. Чем тяжелее народу достаются его священные права, тем лучше он сумеет сохранить их навсегда и не позволит преступной власти посягать на них. Да здравствует же грядущая молодая, свободная, счастливая социалистическая Россия! Да здравствует Учредительное Собрание! Оно одно выльет в свободное русло законодательства те наболевшие нужды, которые имеют святое право на удовлетворение, оно одно, как нежная мать, подойдет к истекающему кровью измученному народу и залечит его вековые раны. Оно одно откроет пути счастья изнемогающему пролетариату всего культурного мира. Да здравствует же тяжелая борьба трудового люда за право на жизнь, свободу и счастье, да здравствует великая русская социалистическая революция!". В то время, как

Лишняя ненужная кровь, которая льется „от идиотских приемов пропаганды" причиняла ему страдание.

При таких условиях неудивительны признания самого Шмидта, что социалистические партии „очень сухо" относились к нему.

Сухость эта, по его мнению, объясняется тем, что он желает оставаться самостоятельным и отказывается „принимать участие в их партийных вздорных распрях".

Считая себя социал-демократом, социалистом, мечтая через год провозгласить демократическую республику, призывая к социалистической революции, Шмидт, тем не менее, после ареста пишет З. И. Р., что „он даже не думал ставить своим требованием ниспровержение верховной власти". На суде он также заявляет, что не принадлежал к республиканским партиям. Чем объясняется это противоречие? Не трусостью ли перед судом и расправой? Не желанием ли этим заявлением подкупить своих судей и выиграть жизнь? — Нет, это соображение должно быть категорически отвергнуто. Как это ни странно, но Шмидт был вполне искренен в обоих случаях. И тогда, когда призывал к социалистической революции и тогда, когда говорил, что не восставал против верховной власти.

Объясняется это необычайной идеологической путаницей его мировоззрения, отсутствием ясной линии в действиях, отсутствием определенной цели движения.

Будучи сторонником мирных путей, он в то же время призывает к тяжелой борьбе, к завоеванию счастья и т. д.

Как уже было указано выше, необычайность появления в революционной среде офицера, его несомненный ораторский талант, искренность, соединенная с редкой способностью внушения, наконец, последний аккорд: мученическая смерть,— все это сделало его личность почти легендарной.

Не ставя своей целью развенчивать Шмидта, мы, тем не менее, можем в настоящее время, спустя двадцать лет, отнестись к нему более объективно.

С легендой о том, что Шмидт был вождем восставших матросов придется распроститься. Для роли вождя у него не доставало многого. Недоставало революционного закала, вырабаты-

---

Вороницын утверждает, что эта речь успеха не имела, Шмидт пишет:

„..... меня чуть не разорвала толпа от восторга, мне кто-то из рабочих целовал руки, и я обнимал их всех".

Только в одном пункте письмо его совпадает с утверждением Вороницына, где Шмидт говорит, что он советывал „соединить свои действия с центральными советами рабочих в столицах и со стачечными комитетами железных дорог".

Сомневаться в том, что речь идет об одном и том-же митинге не приходится, так как у Вороницына сказано, что митинг происходил вечером 13-го ноября. Шмидт же пишет, что это был последний митинг 13-го ноября. Если даже допустить, что Шмидт в этот день выступал и на дневных митингах, то, во всяком случае, последний митинг должен был происходить вечером.

ваемого годами и десятилетиями борьбы, недоставало ясности и определенности политических взглядов, революционной решимости. У него не было никакого плана, и по разбушевавшимся волнам революции он носился без руля и без ветрил.

Какие берега вырисовывались перед ним из-за красной завесы восстания? Только один берег видел он: берег с готовой для него могилой.

Он не верил в успех восстания, предвидел его безнадежность, и собирался уехать. Но в ночь с 13-го на 14-е ноября к нему является депутация и просит его принять руководство восставшим флотом [1]).

Он соглашается только по велению нравственного долга, который не позволяет ему остаться в стороне в то время, как на другой день артиллерийский огонь унесет много неповинных жизней. Он не мог оставить без руководства матросов, которые, благодаря своему неумению ориентироваться в военной обстановке, были бы совершенно беспомощны.

Шмидт дает согласие и идет командовать восставшим флотом, как на казнь. Это жертва с его стороны.

Об его настроении свидетельствует телеграмма, отправленная З. И. Р. 14-го ноября „...Рискуем не увидеться никогда".

„Команда знала от меня,—говорит он на суде,—что первым условием моего участия в деле было—не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови".

Чего же она хотела?

„...пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства"—говорит он на суде.

Приняв командование флотом, Шмидт ограничился тем, что послал царю телеграмму с требованием учредительного собрания.

Это обращение, несмотря на слово „требует", носит, несомненно, монархический характер.

Свою стратегическую защиту от огня батарей Шмидт строит на плане сконцентрировать на „Очакове" как можно больше арестованных офицеров, благодаря чему противник, по его мнению, не будет стрелять.

Позднейшие события показали всю неосновательность этой надежды.

О нападении он не думал. Только по настоянию социал-демократов он отправляется на „Потемкин" и арестовывает офицеров.

На суде он настаивает на мирном характере своих стремлений. „Вся моя прошлая жизнь доказывает, что я стоял только за мирные средства борьбы и был противником мятежных восстаний". И это верно.

---

[1]) По докладу Вороницына Шмидт сам предложил свои услуги, но это находится в противоречии не только с заявлением Шмидта на суде, но и с письмами к З. И. Р., которые были написаны накануне. Поэтому, указанную нами версию следует признать более достоверной.

В письме к З. И. Р. от 23-го декабря Шмидт пишет:

„В руках у меня оказалась стихийная сила, и я оказался не в силах сдержать ее, хотя употреблял к этому все усилия...“.

Таким образом, видно, что Шмидт шел не впереди движения, а плелся за ним в хвосте, и что не он вел массу, а масса тащила его за собой. Он упирался, старался сдерживать, но... движение захлестнуло его самого.

Жертвенное отношение Шмидта к революционным событиям выразилось в готовности умереть, о которой он говорит неоднократно.

Будучи избран пожизненным депутатом севастопольских рабочих, он испытывает гордость и пишет своей корреспондентке:

„О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них“. Об этой готовности умереть он говорит и на суде, и мы ему верим.

Однако, не эта готовность умереть характеризует вождя, а упорное страстное желание бороться и победить, чего у Шмидта мы не замечаем.

Появление Шмидта на революционной арене является случайным в том смысле, что ранее он с революционным движением связан не был.

Но мы знаем, что случайностей не бывает. Внутренний мир Шмидта, туманная, расплывчатая идеология, романтический склад его натуры, мистические струны, звучавшие в его душе,—вполне соответствовали тем либеральным группировкам, той мелкобуржуазной стихии, которые впервые пробудились у нас к политической жизни в 1905-м году. В этом году даже земцы начали розоветь. Шмидт был „героем“ этой среды и в этом отношении появление его закономерно. Что же касается матросской и рабочей массы, то руководство его носило лишь характер видимости.

Отношение к казни

В личном мужестве Шмидту отказать, конечно, нельзя.

В трюме пловучей тюрьмы „Прут“ Шмидт говорил Фельдману:

„...Я знаю, что самое главное: достойно умереть. Я хочу говорить с вами открыто... Все ваше дело будет погублено, если вы проявите малейшую слабость... Ни одного стона, ни одной слезы... Вы не принадлежите уже себе, вы принадлежите революционному делу. Перед ним вы отвечаете“ и т. д.

В своем первом аресте его удивляет лишь то, что раньше, когда каждая личность была прикосновенна, он находился на свободе, теперь же, когда объявлена „действительная неприкосновенность личности“, он арестован. Ему было даже весело после ареста, „точно орден получил“.

В письме к З. И. Р. он пишет, что еслиб случилось невероятное и она предложила ему, ради большей безопасности, превратиться в благонамеренного обывателя, то он даже ради нее не изменил бы твердости своих убеждений.

После восстания, находясь в каземате на Очаковском острове и переживая „строгую предсмертную серьезность своего положения", он пишет:

„Я не даром прожил, я тоже внес свою лепту в народное дело, я дал лишнюю волну протеста..." Он не раскаивается в совершонном и заявляет, что, если бы был выпущен на свободу, то при тех же условиях поступил точно так же.

Отношение к своей казни выражается у него в следующих словах:

„Свою смерть считаю очень плодотворной в смысле революционизирования России. Верю в то, что моя казнь вызовет лишнюю волну народного протеста в его конвульсивной кровавой борьбе с преступной властью".

Это настроение является у него доминирующим, несмотря на все муки, которые должен переживать ожидающий казни человек и несмотря на признание:

„Умереть в борьбе легко: это потребность, умереть на эшафоте—тяжело: это жертва".

Своему сыну—Жене, он оставляет последний завет: „лучше погибнуть, чем изменить долгу". Просит сестру внушить ему эти слова, чтобы он так жил.

Командовал расстрелом Шмидта на острове Березани его школьный товарищ, офицер Ставраки, которого Шмидт попросил:

— Миша, прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце.

Ставраки исполнил просьбу Шмидта...

НОЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Демонстрации.—Стрельба матросов в офицеров.—Арест генералов

В то время, как городская дума мирно переписывалась с властями об организации народной охраны и помещения для собраний, события шли своим чередом. На сцену выступили матросские массы, которые заговорили другим языком. С первых чисел ноября в городе почти ежедневно начали устраиваться митинги, на которых присутствовали матросы, солдаты и рабочие. Попечительное начальство постаралось им это запретить, но было поздно: матросы вышли из повиновения и начали громить ворота своих экипажей и убирать часовых.

На митингах обсуждались как общие политические вопросы, так и вопросы местного характера, касавшиеся улучшения положения матросов. Точно так же и требования, которые были предъявлены матросами начальству, содержали ряд пунктов профессионального характера, а на ряду с этим—требования о немедленном созыве учредительного собрания и 8-мичасовом рабочем дне.

В значительной степени, благодаря давлению масс, Чухнин принужден был 3-го ноября освободить Шмидта.

11-го ноября на площади между зданиями флотских экипажей и казармами Брестского полка был назначен митинг. Собралось несколько тысяч человек матросов, солдат и рабочих. Видя, что распоряжение о недопущении митингов не действует, Чухнин решил применить вооруженную силу. По его приказанию к месту митинга была направлена боевая рота, состоявшая из матросов и солдат Белостокского полка. Командовали ею контр-адмирал Писаревский и капитан Штейн.

Перед тем, как пустить в действие оружие, Писаревский счел необходимым напомнить подчиненным о долге перед царем и отечеством и о необходимости стрелять, если бунтовщики не разойдутся.

Здесь произошло нечто непредвиденное. От роты отделился матрос Петров[1]), который схватил винтовку и, став на одно колено, произвел два выстрела: первым из них он ранил контр-адмирала Писаревского, а вторым убил капитана Штейна.

---

[1]) Брат казненного за восстание на „Пруте" матроса Петрова.

В первый момент все растерялись. По приказанию раненого адмирала Писаревского Петров был арестован и отведен к дежурному офицеру, лейтенанту Сергееву. Однако, скоро матросы пришли в себя и бросились освобождать своего товарища.

Сергеев, осаждаемый со всех сторон вооруженными матросами, хотел найти благоприятный предлог для освобождения.

— За что ты арестован? спросил он у Петрова.

— Я стрелял в адмирала Писаревского,—последовал ответ.

— Ты нечаянно выстрелил?—подсказал ему Сергеев.

— Какое нечаянно! Отделился, зарядил, прицелился—разве это нечаянно?

Несмотря на такое откровенное признание, под давлением матросов, Петрова пришлось освободить... „на поруки", как объяснил Сергеев.

После этого сам Сергеев со всеми офицерами дивизии был немедленно арестован. Матросами овладело необычайное возбуждение. Раздались крики: „Восстание! Восстание!... Смерть драконам!" Они хотели было броситься с оружием в морское собрание, где обыкновенно собирались офицеры, но Наташа Вольская, пользуясь своим влиянием, помешала им это осуществить.

По ее предложению приступили к избранию делегатов в совет депутатов. Дело в том, что первый совет народных депутатов оказался неработоспособным. Кроме того, персональный состав его не соответствовал уже размаху революционного движения этого периода. Председателем совета был избран соц.-дем. Вороницын. Сюда входили наиболее видные работники из местной соц.-дем. организации, а также представители от флотских экипажей, Брестского полка, морского завода и некоторых других воинских частей.

Необходимо отметить, что, когда на митинге узнали об убийстве Штейна и ранении Писаревского, то произносивший в это время речь с.-д. Вороницын „старался ослабить впечатление от выстрела Петрова"[1]. Это объясняется боязнью его, а также и местного комитета с.-д. перед тем, что подобные действия могут придать движению слишком боевой характер.

На состоявшемся в эту ночь совещании было решено арестованных офицеров освободить, предварительно разоружив их.

На следующий день, 12-го ноября, была организована демонстрация с целью привлечения к движению солдат и в первую очередь брестцев. Командиром Брестского полка был полковник Думбадзе, который старался всеми силами помешать матросам и рабочим проникнуть в казармы Брестского полка. Однако, выставленная у ворот дежурная рота была смята и революционно настроенная толпа ворвалась в казармы.

---

[1]) И. Генкин „По тюрьмам и этапам" стр. 9.

Прибывший в казармы начальник крепости, генерал Неплюев, вместе с начальником дивизии, генералом Седельниковым, старался воздействовать на мятежных матросов и солдат и в первую очередь напомнил офицерам о долге присяги перед царем. Последним пришлось признать свое бессилие, что же касается „нижних чинов", то они не только не поддались увещеваниям, но немедленно приступили к обезоруживанию всех „драконов", находившихся в это время в офицерском собрании.

После этого значительная толпа матросов и рабочих, окружив экипаж Неплюева и Седельникова, потребовала немедленно убрать с Исторического бульвара выставленные пулеметы. Назначение этих пулеметов заключалось в том, чтобы обстрелять готовившуюся демонстрацию. Неплюев ответил отказом. После того, как он отказался также дать обещание, что из пулеметов не будет открыта стрельба по демонстрации, он вместе с Седельниковым был арестован и отведен во флотские казармы.

Состоявшаяся демонстрация приняла грандиозный характер. Кроме матросов, солдат и портовых рабочих, в ней приняло участие много ремесленников и частной публики. Над толпою развевались красные знамена с соц.-дем. надписями. Несмотря на революционный характер происходившей демонстрации, тем не менее, оркестр играл „боже, царя храни". Последнее являлось отчасти следствием укоренившейся привычки, а с другой стороны, средством не запугать отсталых солдат. Шествие направлялось на Новосильцевскую площадь, где стояли солдаты Белостокского полка. Последние взяли на караул. Открылся митинг и начались речи. Белостокцы их внимательно выслушивали, но на сторону восставших не переходили. Воспользовавшись этим, командир увел свой полк под Балаклаву, оградив его, таким образом, от влияния революционеров.

Демонстрация прошла мирно. Пулеметы не стреляли. Однако, массы упустили удобный момент, когда можно было захватить пулеметы. Этого не было сделано. Точно так же, когда в связи с демонстрацией 12-го ноября некоторые наиболее сознательные артиллеристы задали вопрос: „Как быть с крепостными орудиями— заклепать их или же арестовывать офицеров и оставаться при пушках?", то на этот чрезвычайно важный вопрос никто не обратил должного внимания и от него отделались общими фразами.

После демонстрации в совет прибежали несколько солдат артиллеристов из породы, так называемых, „шкур" и потребовали освобождения „своих" генералов. Они заявили, что нахождение их под арестом является позором для чести их полка. Несмотря на то, что генералы не дали даже обещания не выступать против восставших, тем не менее, совет депутатов их освободил, а 14-го ноября, т. е. через 2 дня, генерал Неплюев объявил крепость на осадном положении и приступил к подавлению восстания.

Что же касается солдат Брестского полка, которые в первое время как бы поддались агитации и выступили совместно с матросами и рабочими, то в их среде скоро начался перелом. По возвращении в казармы командир их, полковник Думбадзе, совместно с дежурными офицерами приступил к их обработке, в которой указания на долг присяги смешивались с запугиванием и прочим.

Оставшаяся без своих вожаков в такой решительный момент, солдатская масса поддалась увещеваниям своих командиров. Во главе с Думбадзе они оставили ночью казармы, выйдя не через ворота, где стоял караул, а через разобранную стену во дворе и направились в лагери, хотя на дворе стоял ноябрь. Сюда был вызван священник, который произнес соответствующую проповедь. Солдат угостили водкой, бубликами и колбасой и в результате на другой день они вернулись утром в свои казармы в совершенно ином настроении. Спустя 2 дня они первые пошли в атаку против флотских экипажей.

Перед грозой

Когда начались волнения среди матросов, начальство обратило свои взоры на броненосец „Потемкин". По возвращении из Румынии он был переименован в „Пантелеймон". Этот крамольный броненосец служил местом ссылки для матросов, которых начальство подозревало в политической неблагонадежности. Так как „Пантелеймон" представлял собою сильную пловучую крепость и от поведения его команды зависело многое, то адмирал Чухнин решил самолично его посетить для того, чтобы воздействовать на команду. Он произнес патриотическую речь, в которой ругал революционеров и евреев.

Однако, вместо сочувствия, он неожиданно наткнулся на отпор. Из строя выступил матрос Иван Сиротенко, который в смелой речи дал адмиралу надлежащий ответ. Чухнин, по словам Генкина, собирался было возразить Сиротенко, но в средине речи вдруг расчувствовался и заплакал. Этот старый служака увидел крушение всего того, что было для него дорого, и с чем он сжился. Однако, Чухнин скоро пришел в себя и отдал приказание арестовать Сиротенко, но исполнить это приказание было невозможно. Симпатии матросской массы были на стороне матроса. „Не трогать Сиротенко!... Долой драконов!"—закричала команда.

Чухнину пришлось поспешно удалиться. Но, уходя, он все же распорядился убрать с „Пантелеймона" ударники от пушек. Матросы этому не воспротивились и, таким образом, „Пантелеймон" был обезоружен, что в дальнейшем развитии событий имело чрезвычайно большое значение.

Во время демонстрации 12-го ноября Сиротенко с товарищами сделал попытку завладеть „Пантелеймоном". Приехав на судно, он произнес там речь и поднял красный флаг. Однако, вскоре офицерам удалось сорвать последний с мачты.

Сиротенко принимал активное участие во время ноябрьского восстания.

Вороницын характеризует его следующим образом: „Иван Сиротенко выделялся во время восстания, как исключительно смелый и решительный человек. После семилетней службы во флоте он был уволен в запас и всей душой рвался домой к себе в Харьковскую губернию, где его ждала жена с двумя маленькими детьми. Но начавшиеся события удержали его. Я помню, как на одном из предшествовавших восстанию собраний военно-партийной организации он заявил, что, пока в нем будет хоть малейшая необходимость, он останется с нами. Когда в конце октября на „Пантелеймон" прибыл контр-адмирал Чухнин, гроза флота, от имени команды к нему обратился Сиротенко. Он говорил смело и резко. И только боязнь вызвать взрыв среди матросов, у которых Сиротенко пользовался исключительной популярностью, удержала начальство от ареста смельчака. Он погиб во время восстания. Обстановку его смерти точно установить нам не удалось. По официальной версии труп его через несколько дней после подавления восстания всплыл на поверхность бухты. Лица, видевшие его мертвым и опознавшие его, рассказывали, что на теле имелись огнестрельные раны. Матросская же легенда гласит, что он не был расстрелян на воде, когда спасался вплавь с тонущего миноносца, но был подобран катером с „Ростислава", отведен в трюмное помещение броненосца и там замучен ненавидевшими его офицерами..."

Таким образом, настроение матросской массы „Пантелеймона" было явно на стороне революционеров.

В саперной роте у военных властей также случился большой конфуз. Недовольство у саперов возникло задолго до ноябрьских событий и было вызвано антигигиеническими условиями, в которых им приходилось жить, и плохой пищей. Благодаря этому 11-го ноября представитель роты, унтер-офицер Барышев, предъявил начальству ряд требований об улучшении их положения. На следующий день в связи с железнодорожной забастовкой начальство решило заменить бастовавших рабочих саперами. Однако, последние ответили категорическим отказом.

Тогда к саперам приехал начальник инженеров, генерал Колосов. Рота отказалась строиться во дворе. Генерал Колосов решил сам отправиться в помещение роты, но здесь встретили его не совсем дружелюбно: на приветствие ответили молчаньем и подавали реплики такого характера, что генерал должен был делать вид, что он их не слышит.

Увидев в помещении матросов, генерал пришел в неистовство и начал распекать „нижних чинов". Но здесь выступил Барышев и скомандовал: „Рота по взводам разойдись!" Саперы немедленно повернулись спиной к генералу и вышли из помещения.

После этого они схватили винтовки и, переехав бухту, отправились к матросским экипажам. Впереди роты с шашкой наголо шел унтер-офицер Барышев. Матросы встретили саперов восторженно. Появился оркестр музыки, и началось общее ликование.

И. Генкин говорит о Барышеве следующее: „Способный и впечатлительный, все время чего-то искавший, прямо страдавший от массы вопросов и противоречий, шевелившихся в его талантливой голове, Барышев, за отсутствием подходящих людей, долго блуждал в потемках. О социалистах он впервые узнал на военной службе, но не от пропагандистов, а от одного из поручиков, оригинальной и сильной натуры, крайнего реакционера и фанатичного монархиста. Офицер этот сумел внушить темпераментному и страстному Барышеву такую ненависть к социалистам, что попадись ему в то время какой-нибудь „внутренний враг", он растерзал бы его на месте. Зато когда жизнь и люди показали ему, где именно эти внутренние враги народа обретаются, он с пылом новообращенного сделался ревностным социалистом.

Искренний и правдивый человек, чудесный товарищ, к тому же нечто в роде начальства — Барышев пользовался большим влиянием среди саперов".

Кроме Барышева, среди саперов выделялся солдат Назаренко, по профессии агроном.

Конфуз, происшедший у саперов, был для начальства тем более неприятен, что за день до этого царю была послана телеграмма, в которой говорилось, что они остались верными „долгу службы и присяги".

Наконец, в отношении крепостных частей необходимо сказать, что в известный период революционное движение среди них было довольно сильно. Как уже выше было указано, они собирались заклепать орудия или арестовать офицеров. Однако, на это их предложение не обратили внимания. В дальнейшем они держались выжидательно, заявив, что будут стрелять в восставших только в том случае, если те начнут первые. Во время восстания они сидели спокойно за крепостными стенами, пили чай, закусывали и только, благодаря провокации, были втянуты в бой с восставшими. К ним в казармы упал снаряд, который разорвался и ранил двух артиллеристов. Прибежали офицеры и начали уверять, что этот снаряд пущен мятежниками. Это подействовало, и только тогда была открыта стрельба из крепости по „Очакову". Тем не менее, даже в это время 1-й батальон отказался принимать участие в обстреле.

13-го ноября митинги продолжались. Цель их заключалась в том, чтобы присоединить к революционерам более широкие массы матросов, рабочих и солдат. В этот день особенно много пришлось поработать депутатам, которые беспрерывно ездили на суда, в крепость, в пехотные части. Вечером во флотские экипажи прибыл лейтенант Шмидт. Он предлагал ликвидировать забастовку, отложив ее до возникновения восстания в Москве, когда будет дана директива „союза союзов". С этим, однако, не согласились.

Как выше уже было сказано в ночь с 13-го на 14-е ноября к Шмидту явилась депутация от матросов и предложила ему принять на себя руководство восстанием. Несмотря на то, что он не верил в успех его и собирался на следующий день поехать в Одессу для объединения моряков торгового флота, а оттуда в Москву, тем не менее он дал свое согласие и на следующий день переехал на „Очаков".

Действия правительства

После издания манифеста 17-го октября, правительство не пожелало сложить оружие и начало деятельно готовиться к ликвидации всех провозглашенных „свобод". В Севастополе 23-го октября 1905-го года Чухнин издает приказ, в котором заявляет, что в случае, если гражданская власть будет не в состоянии прекратить беспорядки средствами полиции, то для прекращения их призываются войска. К приказу приложена инструкция, которая подробно регламентирует предстоящие боевые действия войск. С этой целью город делится на пять районов, в каждый из них посылается особый начальник и особые части войск. Всякие „сборища" в этом случае воспрещаются. Полиция подчиняется начальникам районов и проч. Заранее был установлен список начальников всех районов г. Севастополя. Точно определены, какие войсковые части должны быть посланы в соответствующие районы и проч.

Когда вспыхнуло ноябрьское восстание, начальство, не надеясь на местные войсковые части, позаботилось о присылке таковых извне. С этой целью в Севастополь направлены 3 роты и учебная команда 51-го пехотного Литовского полка (341 человек) и 10 кавалеристов Крымского дивизиона под начальством барона Меллер-Закомельского. Прибывшие части расположились в казармах оставшегося верным правительству Белостокского полка, где была основана штаб-квартира. Параллельно с этим началась обработка в патриотическом духе солдат Брестского полка.

Ориентировавшись на месте, Меллер-Закомельский счел необходимым затребовать на помощь дополнительные войсковые части. Одновременно с этим он предложил адмиралу Чухнину свезти с судов на берег ударники и бойки из орудий. Начальнику крепостной артиллерии также было предписано убрать с батарей

вытяжные трубки и, таким образом, фактически разоружить крепость. Эти меры были вызваны недоверием к матросам и солдатам-артиллеристам. 14-го ноября крепость Севастополь была объявлена на военном и одновременно на осадном положении со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Лишь после значительных колебаний ударники и бойки были возвращены на броненосец „Ростислав", команда которого была специально подобрана. Войска при орудиях заняли боевые позиции: на Историческом бульваре 4¼ батальона, 16 орудий и 4 пулемета и в казармах Брестского полка — 4¾ батальона, к которым должны были присоединиться 4 батальона и 4 орудия, находившиеся еще в походе. На Северной стороне была выставлена крепостная артиллерия (после выяснения, что на артиллеристов можно надеяться); у батареи № 4 расположены 2 батареи, а всего 10 орудий при 2-х ротах виленцев. После всех этих подготовительных мер были начаты боевые действия против мятежного крейсера „Очаков" и флотских экипажей.

Из всего этого видно, что правительство, решив подавить восстание, действовало без колебаний, решительно и беспощадно, по всем правилам военной науки. Здесь совершенно не было и следа той мягкотелости, которую проявили вожаки восставших моряков во главе с меньшевиками. Победили правительственные войска, хотя численное преимущество на их стороне было не особенно значительно. Победили, благодаря своей лучшей организованности и решимости. Такая победа не могла бы им даться так легко, еслиб противная сторона проявила бы большую волю к победе, если бы она сознательно воспитывала массы в духе вооруженного восстания.

Но местная социал-демократическая организация не сделала почти ничего для подготовки восстания, и за это жестоко поплатилась.

Бой

Волнения во флотских экипажах, убийство капитана Штейна и ранение адмирала Писаревского не могли не повлиять на матросские массы, находившиеся на судах. Особенно сильно происходящие события сказались на команде крейсера „Очаков". В виду этого, начальство, наученное горьким опытом „Потемкина", решило разоружить команду, убрав с крейсера винтовки. Однако, этому воспротивился вначале комендор Антоненко, а за ним и вся команда. Винтовки свезти не удалось. Тогда начальство заявило, что оно покидает мятежный крейсер, и действительно, 12-го ноября все офицеры съехали с „Очакова" на броненосец „Ростислав". После этого команда приступила к избранию депутатов. Дальнейшие переговоры

с начальством ни к чему не привели. Офицеры возвратились на „Очаков" и пытались, было, вновь склонить команду выдать оружие, но, получив категорический отказ, вторично покинули крейсер.

Вернувшиеся с берега депутаты собрали всю команду „Очакова" и огласили им требования, выработанные на общем собрании депутатов. Вот перечень этих требований:

1) Освободить всех политических матросов и солдат на поруки матросов и солдат и предать их гласному суду.

2) Удаление из города всех боевых рот, казаков и снятие военного положения, отмена смертной казни.

3) Неприкосновенность личности депутатов.

4) Полная свобода вне службы. Право посещать все общественные места и собрания.

5) Устройство библиотек и читален за счет казны. Выписка книг и журналов по желанию нижних чинов.

6) Вежливое обращение офицеров с нижними чинами на „вы" и отмена титулов вне службы.

7) Увеличение жалованья от 5-ти до 10-ти рублей в месяц. В плавании жалованье матросам должно быть увеличено еще в два раза больше. Увольняемым в запас должно быть выдано единовременное пособие в 50 руб.

8. Уменьшение срока службы для солдат до 2-х лет, а для матросов — до 4-х лет.

9) Все посторонние работы, как например, погрузка угля и ремонт казарм, должны производиться наемными рабочими.

10) Немедленно освободить всех запасных и окончивших сроки действительной службы, а также увольнение всех сверхсрочно служащих.

11) Ежегодный месячный отпуск с сохранением жалованья и дорога за счет казны.

12) Офицеры не должны иметь никакой военной прислуги для своих домашних надобностей.

13) Ограничить частое служение, т. е. несение служебных обязанностей без пользы: бесполезные судовые работы, например — спускание и поднимание шлюпок, гонка их около судов, безвременное отправление шлюпок на берег. Применить паровые или какие-нибудь двигательные, а не мускульные силы.

14) Оклад на приварочное довольствие: для армии — каждый день 15 коп., а для матросов в море — каждый месяц 13 р. 60 коп., а на суше — 8 р. Право распоряжаться продовольственной суммой принадлежит команде, как во флоте, так и в армии. Не делать никаких вычетов из этой суммы, остатки выдавать каждому на руки.

15) Устроить склады с обмундировочными вещами и выдавать одежду по чекам: для матросов в год на 60 рублей, а для солдат на 40 рублей. Оставшиеся суммы от обмундирования выдавать каждый год как матросам, так и солдатам.

16) Получившим какое-либо увечье на службе должна выдаваться пожизненная пенсия, но не менее 60 рублей в год, при чем в комиссии для назначения пенсии и определения степени должны участвовать представители нижних чинов, выбранные командой.

17) Офицеры должны ежедневно заниматься с нижними чинами по два часа в служебное время.

Сверх этого матросы и солдаты присоединяются к всеобщим российским требованиям: 1) немедленного созыва учредительного собрания, на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, 2) 8-мичасового рабочего дня.

Политические требования были присоединены по предложению Шмидта.

Настроение у матросов было приподнятое и радостное.

14-го ноября праздновалось „тезоименитство" вдовствующей царицы Марии Феодоровны. В связи с этим, по традиции, „Очаков" был украшен разноцветными флагами. Была проделана церемония поднятия и спуска флага. Город был также украшен и, особенно, Приморский бульвар. Все это представляло резкий контраст с назревшими революционными событиями.

Часов около 5-ти вечера, 14-го ноября, Шмидт приказал Мартыненко и Сиротенко захватить миноносец „Свирепый". Так как на нем команды не было, то пришлось взять 50 человек из экипажа „Очакова". Поднявшись на миноносец, команда развела пар, погрузила уголь, и миноносец малым ходом вышел на рейд и стал по траверсу, вправо от „Очакова". Это было исполнено часов около 8-ми вечера. В то же самое время вышли и стали рядом со „Свирепым" номерные миноносцы.

Прибывший с заседания совета депутатов П. П. Шмидт созвал всех красных командиров своей революционной эскадры (куда входили „Свирепый", „Гридень" и три номерных миноносца) и устроил заседание, где был поставлен вопрос о недопущении войсковых подкреплений морским путем. В частности здесь было сообщено, что в море собирается выйти яхта Чухнина „Эреклик" (теперь „Красный Моряк"), на которой может уйти Чухнин. Поэтому „Свирепому" было приказано выйти в море и крейсировать в милях 10—15 около берега, чтобы потопить „Эреклик".

Часов в 10 вечера на „Свирепом" вышел Мартыненко и пробыл в море до 5-ти часов утра. В 7 часов он вернулся в порт и стал около „Очакова".

15-го утром на „Очакове" было созвано вторичное заседание командиров красной эскадры. На повестку дня были поставлены вопросы: 1) о подъеме флагов и сигналов на восставших кораблях и 2) об освобождении бывших „потемкинцев" с „Прута". Подъем флагов было решено произвести следующим образом: на кормах кораблей поднять андреевский, а на стеньгах — революционные красные.

Это было исполнено, и в 8 часов на всех судах красной эскадры, перечисленных выше, были подняты красные флаги. Вместе с тем, на „Очакове" был поднят сигнал: „Командую флотом. Шмидт".

В тот же день царю была отправлена телеграмма следующего содержания:

> „Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, Государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться Вашим министрам.
>
> Командующий флотом Шмидт".

Об этой телеграмме извещение послано городскому голове.

Утром 15-го ноября по городу было расклеено следующее объявление:

> „В случае каких-либо насилий со стороны казаков по отношению к гражданам, я вынужден буду принять решительные меры.
>
> Командующий флотом П. Шмидт".

На палубу была созвана вся команда „Очакова". Шмидт взошел на мостик и обратился к матросам с речью:

„Товарищи! Мы восстали против несправедливости, против рабства. Мы не смогли больше терпеть нашего невыносимого мучения, смерти крестьян от голода, безжалостной расправы с рабочими по всей России. Мы не могли терпеть той угнетенной жизни, которой живет вся Россия, и вот теперь стоим перед всей этой несправедливостью и объявляем ей войну. Довольно, что до сих пор угнетали и грабили нашу родину разбойники, шпионы, опричники. Скорее нужно положить конец их господству и восстановить интересы народа. Те невинные жертвы, которые погибли в несправедливой борьбе, теперь от нас требуют мщения, требуют продолжения ими начатого дела. Товарищи! Мы должны быть счастливыми, что вместо Тихого океана, в борьбе с японцами умрем, на нашей родине, умрем для всего народа, а не для одного или двух грабителей. Итак, товарищи, уже начатое дело, восстание против несправедливости, будем продолжать до конца сплоченнее, энергичнее и плодотворнее... Согласны ли продолжать начатую борьбу и не сворачивать с правдивого пути?"

В ответ на этот вопрос матросы грянули „согласны", потом сняли фуражки и, подымая их вверх, долго кричали „ура"[1]).

В 10 часов утра Шмидт перешел на контр-миноносец „Свирепый". Вместе с боевой ротой он помчался на рейд, где стояли броненосцы. Управлял миноносцем Мартыненко.

Останавливаясь перед каждым судном, Шмидт произносил агитационную речь, в которой повторялись следующие слова:

---

[1]) „Красное знамя над Черноморской эскадрой", рассказ очевидца.

„Товарищи! Мы поднялись за правое дело... С нами Бог, царь и весь русский народ... Армия тоже присоединилась к нам, присоединяйтесь же и вы!..“ [1])

Такой подход был, конечно, агитационным приемом, но вместе с тем он до известной степени характеризует Шмидта. Оркестр в это время играл „Боже, царя храни“.

Отношение к Шмидту со стороны офицеров и команды было различное: в то время, как первые встречали с руганью,— матросы приветствовали его криками „ура“. Однако, дальше этого они не пошли. Загнанные офицерами в трюмы, они позволяли себе лишь оттуда заявить о своем сочувствии восстанию. Офицеры же в это время с револьверами в руках распоряжались на палубах.

После этого „Свирепый“ направился к пловучей тюрьме „Прут“. Взойдя на судно, Шмидт потребовал немедленного освобождения всех арестованных. Получив отказ, он приказал боевой роте арестовать офицеров „Прута“. Это было исполнено. Находившиеся под арестом матросы были освобождены и посажены на баркас. „Свирепый“ направился обратно к „Очакову“.

Все взошли на палубу крейсера. Офицеры были отправлены под арест. Лицо Шмидта было очень грустно. Неудача, постигшая его с присоединением команд остальных судов, сильно на него подействовала. Он взошел на мостик и обратился к матросам со словами:

„Товарищи! Я не ожидал такого поражения, какое пришлось испытать. Я не думал, что кругом нас будут такие жалкие, темные рабы. Я надеялся, что все присоединятся, и совместной силой победим несправедливость, но нас, братьев, приняли за врагов. К какой команде не подъезжали, вместо привета нам посылали проклятья и называли врагами отечества. Вот с какими людьми мы имеем, как оказывается, дело. Дорогие товарищи! Если на нашу участь выпало то, чтоб одним остаться на поле битвы, пусть,— мы будем бороться... Пусть умрем с глубокой верой, что боролись за свободу. Если наши старания здесь будут тщетны, отправимся в другие города: в Одессу, в Феодосию,— там будем способствовать народному восстанию, с народом вместе будем бороться. Удалимся от этого рабского мира, от этого проклятого города, где господствуют одни предатели, шпионы и опричники, где для свободных людей нет места, а есть только проклятие. О — ох! будь проклят ты, рабский город!“ [2]).

Здесь с ним сделался нервный припадок, он зарыдал и упал на грудь к одному матросу.

В это время на „Очакове“ находился депутат от команды броненосца „Пантелеймон“, который пытался говорить и доказать, что сочувствие матросов на стороне восставших, что они присо-

[1]) И. Генкин „По тюрьмам и этапам“, стр. 16.

[2]) „Красное знамя над Черноморской эскадрой“, рассказ очевидца.

единяются и прочее. Но ему не дали говорить. Все требовали немедленного ареста офицеров и поднятия красного знамени на „Пантелеймоне".

Боевая рота с „Очакова" вновь уселась на миноносец и направилась к „Пантелеймону". Пушки „Очакова" также были направлены в его сторону. На этот раз удалось арестовать офицеров „Пантелеймона" и через несколько минут над броненосцем взвилось красное знамя. Появление его с „Очакова" и „Пантелеймона" приветствовалось радостными криками „ура".

Офицеров с „Пантелеймона" привезли на „Очаков" и заключили под арест.

Вслед за этим по городу было расклеено объявление:

„Объявление командующего, избранного восставшими военными силами.

Если мои люди, арестованные властями, не будут освобождены, или с ними учинено будет какое нибудь насилие, то я также поступлю с офицерами, находящимися у меня на борту крейсера: начну по старшинству.

Командующий Черноморским
флотом Шмидт".

Вместе с тем Шмидт обратился к севастопольскому градоначальнику с заявлением:

Командир
крейсера I-го ранга
„Очаков"

Ноября, 15 дня 1905 г.
№ 1

г. Севастополь.

(Печать Шмидта)

Севастопольскому градоначальнику

Сообщаю Вам, что у меня находится значительное число лиц офицерского звания арестованных. Городской патруль сегодня арестовал моих трех граждан-матросов, и пока Вы не вернете этих людей мне, я не дам пищи арестованным мною офицерам.

Командующий флотом
гражданин Шмидт[1]).

Около 12-ти часов дня на некоторых судах офицеры и часть матросов инсценировали патриотическую манифестацию. Появились портреты царя, иконы, началось пение гимна: „Спаси, господи" и прочее. Точно так же на берегу, на Графской пристани, офицеры, духовенство и полиция организовали молебен и направляли на шлюпках к судам „депутатов", которые состояли преимущественно из офицеров и патриотически настроенных солдат. Они призывали к верности царю и отечеству.

[1]) По словам В. Дробота, это заявление, как и письмо на имя городского головы, не было доставлено по адресу, в виду начавшейся бомбардировки.

После этого наступило некоторое затишье.

В начале четвертого дня Шмидт приказал команде катера „Удалец" взять на буксир транспорт „Буг" и подвести его к „Очакову". На транспорте находилось огромное количество пироксилина, взрыв которого мог бы разнести весь город. Еслиб удалось поставить „Буг" рядом с „Очаковым", то можно было бы обезопасить последний от обстрела, так как при таких условиях никто бы не решился в него стрелять. Однако, старший офицер „Терца", Михаил Ставраки, приказал катеру отдать концы, пригрозив в противном случае стрелять. Катер продолжал двигаться дальше. Тогда с „Терца" раздался первый выстрел, который сразу потопил катер и послужил как бы сигналом для начала обстрела „Очакова".

„Буг" во избежание обстрела затопил себя сам.

Шмидт приказал контр-миноносцу „Свирепому" приготовить мины и орудия для атаки. Командовал миноносцем Сиротенко, на борту его также находился Вороницын.

Едва „Свирепый" успел обогнуть Павловский мысок, как по нем был открыт орудийный и ружейный огонь с „Ростислава", „Памяти Меркурия" и минного крейсера „Капитан Сакен". К этому присоединилась еще стрельба из пулеметов, поставленных на Историческом бульваре. Вскоре были разрушены все надстройки его палубы, и миноносец пошел ко дну. Все, уцелевшие на нем, бросились спасаться вплавь.

Одновременно с этим были затоплены шлюпки с ударниками от пантелеймоновских пушек, найденных в последний момент.

Мощный броненосец „Пантелеймон" без ударников был совершенно беззащитен и принужден был с самого начала бомбардировки спустить красный флаг.

Главная сила огня была сосредоточена на „Очакове". Его громила артиллерия с „Ростислава", а также крепостные и полевые батареи. Вначале бомбардировки Шмидт поднял сигнал: „Имею много пленных офицеров, считаю их заложниками". Однако, это не приостановило обстрела, и огонь продолжался.

Тогда „Очаков" начал отвечать стрельбой из своих орудий. Это как бы подлило масла в огонь, и правительственные части забросали его десятками снарядов. Вскоре „Очаков" принужден был замолчать и спустить красный флаг. Тем не менее, стрельба в него продолжалась. Из средней части крейсера начал клубами подниматься дым. Снаряд разорвался в машинном отделении, и на нем вспыхнул пожар.

Команда „Очакова", доходившая до 400 человек, начала бросаться в море, надеясь спастись вплавь. Море в это время было усеяно плавающими матросами, при чем на поверхности волн виднелись одни головы. С горящего корабля раздавались стоны и крики: „Товарищи, помогите!".

Однако, палачам мало было разгрома „Очакова". Они вы-

ставили пулеметы и начали с броненосцев и берега поливать плывущих огнем. Многих из тех, которым удавалось доплыть до берега, солдаты приканчивали штыками.

Когда некоторые смельчаки сели на шлюпки и отправились спасать утопающих, то по ним была открыта стрельба.

Стрельба по „Очакову" продолжалась не менее $2^1/_2$ часов. С горящего „Очакова" раздавались вопли о спасении, но помощь

Палуба крейсера „Очакова" после бомбардировки 15-го ноября 1905 г.

к ним ниоткуда не шла. Многие сгорели живьем. Царские слуги устроили форменную бойню.

А. Куприн, когда он еще не перешел в лагерь белой эмиграции, а был просто либеральным писателем, дал следующую картину гибели „Очакова":

„А гигантский трехтрубный крейсер горит. И опять этот страшный, безвестный, далекий крик:

— Бра-а-тцы!...

И потом вдруг что-то ужасное, нелепое, что не выразишь на человеческом языке, крик внезапной боли, вопль живого горящего тела, короткий, пронзительный, сразу оборвавшийся крик. Это все оттуда. Тогда некоторые из нас кинулись на Графскую пристань к лодкам. И вот теперь то я перехожу к героической жестокости адмирала Чухнина.

На Графской пристани, где обыкновенно сосредоточено несколько сотен частных и общественных яликов, стояли матросы, сборная команда с „Ростислава", „Трех Святителей", „Двенадцать Апостолов"—надежный сброд. На просьбу дать ялики для спасения людей, которым грозили огонь и вода, они отвечали гнусными ругательствами; начали стрелять. Им заранее приказано было прекратить всякую попытку к спасению бунтовщиков. Что бы ни писал потом адмирал Чухнин, падкий на литературу, — эта бессмысленная жестокость остается фактом, подтвердить который не откажутся, вероятно, сотни свидетелей.

Севастополь. Здание морского ведомства со следами выстрелов „Очакова".

А крейсер беззвучно горел, бросая кровавые пятна в черную воду. Больше криков уже не было, хотя мы еще видели людей на носу и на башне. Тут в толпе многое узналось. О том, что в начале пожара предлагали „Очакову" шлюпки, на что матросы отказались. О том, что по катеру с раненными, отвалившему от „Очакова" стреляли картечью. Что бросавшихся вплавь расстреливали пулеметами. Что людей, карабкавшихся на берег, солдаты приканчивали штыками. Последнему не верю: солдаты были слишком потрясены, чтобы сделать и эту подлость.

Опять лопается броневая обшивка. Больше не слышно криков.

Душит бессильная злоба; сознание беспомощности, неудовлетворенная, невозможная месть. Мы уезжаем. Крейсер горит до утра.

По официальным сведениям—две или три жертвы. Хорошо пишет литературный адмирал Чухнин".

...Когда „Очаков" был выведен из строя, Шмидт переоделся в матросское платье и попытался спастись на миноносце № 270. С ним находился и его 16-летний сын. Но выстрел с „Ростислава"

потопил миноносец. Спасательная лодка вытащила Шмидта из воды. Несмотря на матросское платье его узнали и отправили на броненосец „Три Святителя". Здесь Шмидт подвергся злобному издевательству со стороны офицеров. После этого его отправили на броненосец „Ростислав" и заключили под арест.

В тот же день с 4-х часов начался обстрел флотских казарм. В первый момент все страшно растерялись и никто не думал обороняться. Но здесь матрос Крошка выхватил „наган", произвел выстрел в воздух и с руганью выгнал всех матросов во двор, заставив взяться за оружие[1]. Однако, обнаружилось, что оружия было чрезвычайно мало. Такого оборота событий никто не ожидал, так как у всех почти было стремление „мирным путем" добиваться защиты своих интересов. Пулеметы оказались без лент, к револьверам не было пуль. Небольшое количество винтовок не могло, конечно, иметь большого значения для отражения орудийного и пулеметного огня.

Обстрел казарм продолжался почти всю ночь. Огонь особенно усилился к 5-ти часам утра 16-го ноября. На рассвете Брестский полк бросился в атаку. Командир полка Думбадзе заявил солдатам, что так как они были вначале на стороне восставших, то они первые должны ворваться в казармы для искупления своей вины.

Наконец, сопротивление матросов было сломлено и солдаты-усмирители, ворвавшись в казармы, начали производить расправу над матросами.

Здесь было арестовано 1.600 человек и, кроме того, с „Очакова" и других судов взято около 400.

Их ждал военно-морской суд...

После пожара крейсер „Очаков" представлял собою жуткую картину. Один из бывших на нем рабочих пишет следующее: „Числа 18-го нам, рабочим, объявили, что, если кто имеет инструмент на крейсере, тот пусть садится на катер и привезет его в порт. Нас собралось человек 30. Когда мы поднялись по трапу на судно, то увидели на верхней палубе несколько десятков гробов, а санитары, точно муравьи, сносили в гробы останки революционеров. Некоторые из нас не выдержали этой картины и вернулись на катер, но другие, в том числе и я, пошли дальше.

Мы спустились в каюту. Здесь чувствовался запах гари, и видны были обуглившиеся трупы. В тех каютах, куда огонь не проник, валялись бесформенные изуродованные человеческие тела. Стены и потолки были забрызганы кровью. Мы молча обходили каюту за каютой; никто из нас не взял своего инструмента, и мы вернулись на катер".

---

[1] И. Генкин „По тюрьмам и этапам", стр. 18.

Сергей Частник[1])

Сергей Петрович Частник родился в 1887-м году в семье украинца хлебороба в селе Челбасы, Днепровского уезда, Таврической губернии. Отец Частника был крестьянином средняком с крепким хозяйством. По окончании сельской земской школы Частник поступил на службу волостным писарем, исполняя в то же время и обязанности народного учителя. Он пользовался любовью своих односельчан и, когда в 1898-м году отправился на действительную военную службу в Севастополь, ему был передан благодарственный аттестат с 80-ю подписями. В Севастополе Частник был направлен в 29-й флотский экипаж и после прохождения строя— в школу писарей и баталеров.

В 1902 году Частник был писарем при канцелярии 29-го флотского экипажа. Уже в это время он зачастую беседовал на политические темы и приносил с собою нелегальную литературу.

Его открытая и честная натура плохо мирилась с деспотизмом, особенно резко проявлявшимся во флоте. В этот период он много занимался самообразованием, выписывал журналы и имел свою небольшую библиотечку. Канцелярская работа его не удовлетворяла, и он был очень рад, когда при содействии лейтенанта Шмидта получил назначение на стационер „Колхиду", находившийся в распоряжении русского посольства в Константинополе.

Он выехал на новое место службы в 1904 году, но там пробыл недолго. Из-за границы Частник присылал горячие письма, в которых описывал свои впечатления. Горем для него было то, что он не владел иностранными языками, так как это в значительной степени сужало кругозор его наблюдений. В апреле 1905 года он вернулся из-за границы.

Когда вспыхнуло восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический", Частник казался весь наэлектризованным. „Наконец,—говорил он,—дождались мы того, чего так долго ждали". Но радость его была кратковременна: „Потемкин" под красным флагом проплавал всего 11 дней.

Частник с головой ушел в агитационную работу, урывая от нее время только для того, чтобы читать.

Когда был издан манифест 17-го Октября, Частник заявлял, что это только обман, только хитрый подход и с удвоенной энергией принялся за свое дело. Он тесно связался с рабочей массой и вел подготовительную работу на случай восстания. Вскоре он переселился на Татарскую слободку, на квартиру Будякова, где была явочная квартира с.-р.

За несколько дней до восстания Частник был назначен старшим баталером на крейсер „Очаков".

Во время Очаковского восстания он руководил выборами

[1]) По воспоминаниям тов. Кассера.

делегатов и был избран командиром „Очакова". Все время восстания он находился на своем посту, желая остаться с командой до конца. Только в 3 часа ночи, 16-го ноября, он был снят командой миноносца и отвезен под стражу. Своим палачам он заявил:

— Теперь вы нас убиваете и судите. Подождите—через несколько дней, ну через год мы с вами будем делать то же, да еще и похуже. Не я, так другие найдутся, которые отомстят за нас.

Дней через 20, по вызову его друга В. М. Кассера, приехал из села отец Частника. Горе совершенно убило старика. Всю ночь он не смыкал глаз и неоднократно спрашивал:—не пора ли итти к главному командиру.

В 9 часов утра направились во дворец к Чухнину, чтобы попросить разрешение на свидание, но оказалось, что Чухнин отсутствовал. Пришлось прождать несколько часов. Наконец, на улице увидели Чухнина, идущего с адъютантом. Старик Частник, так долго ожидавший его, порывисто подошел к нему. Чухнин резко подался назад и грубо спросил: „что надо?" Увидев протянутую бумагу в дрожащих руках старика и обнаженную голову, он что-то сказал адъютанту, а сам прошел во дворец.

Адъютант взял прошение и велел через час притти за ответом. Наконец, пропуск был разрешен.

На следующий день, к 3 часам, шлюпка доставила старика к транспорту „Прут", служившему пловучей тюрьмой. Около 1 часа продолжалось свидание. Когда старик спускался по трапу и усаживался в шлюпку, то по его расслабленной походке и осунувшемуся лицу было видно, что это свидание было для него слишком тяжело. Руки его дрожали, глаза были полны слез, он не мог произнести ни слова.

Свидание происходило в кают-кампании транспорта в присутствии офицера, который предупредил, чтобы никаких политических разговоров не было. Частник был бодр, как тогда, когда он еще находился на свободе.

Первой фразой отца было:

— Серега, Серега, зачем ты пошел против царя? Ведь ты знаешь, что тебе теперь будет!

Частник отвечал:

— Я знал, на что иду, знаю, что ждет меня теперь. Но моя любовь к народу выше и больше всех моих страданий.

Последней волей Частника было, чтобы все его книги и журналы были переданы в училище села Челбасы, где он учился.

Переписка Частника и его дневник, в котором, главным образом, описывались впечатления от поездки за границу, были его товарищами сожжены. В дневнике описания природы все время прерывались фразами: „Как тяжело живется людям!" и т. п. Книги же, около 4-х мешков, были переданы отцу.

За участие в восстании Частник был предан суду, который вынес ему смертный приговор.

По словам Зинаиды Р. он, по выходе из суда, сохранил полное самообладание. „У Частника,—пишет она,—на лице была написана такая же железная воля, такая же воля духа, как в первый раз, когда я его увидела, лишь мертвенная бледность лица выдавала его состояние". [1])

Частник был казнен на острове Березани вместе со Шмидтом, Антоненко и Гладковым. Последние его слова были: „Товарищи, смерть идет!"

Царская юстиция

Началось следствие по делу о восстании. В виду того, что подсудимых было очень много, следствие неминуемо должно было затянуться. Однако, царю и придворной камарилье не терпелось: им хотелось поскорее покончить с мятежным лейтенантом. В виду этого, министр Бирилев направил на имя Чухнина телеграмму, которая гласила: „Сегодня я был с докладом у Государя, который с недовольным видом спросил меня: почему так долго медлится дело бунтовщика лейтенанта Шмидта и матросов. Поэтому прошу Ваше Превосходительство принять меры к скорейшей ликвидации этого дела."

Прошло около 10 дней и Бирилев шлет Чухнину вторую телеграмму: „Вчера опять после доклада у Государя о состоянии Черноморского флота Его Имп. Вел. спросил меня: „Когда, наконец, будет покончено с этим изменником". Еще раз прошу Вас поэтому скорей закончить дело". [2])

В связи с этим дело о Шмидте, Частнике, Гладкове, Антоненко и нескольких десятках других матросов было выделено в особое производство. С юридической стороны это было, конечно, полнейшим абсурдом, т. к. не было никаких законных оснований для такого выделения. Но так хотел царь и его министры, а потому с законом считаться не приходилось.

Первая группа подсудимых была направлена в крепость Очаков.

В состав суда вошли: в качестве Председателя командир „Синопа"—Александров и членов: командир „Ростислава"—Мореншильд и командир „Память Меркурия"—Константинов; секретарем был Васильев. То обстоятельство, что они командовали флотом во время подавления восстания и не могли при таких условиях сохранить беспристрастия, не остановило военное начальство от назначения их судьями.

---

[1]) „Лейтенант Шмидт"—под редакцией Максакова, стр. 62.

[2]) Л. Я. Резников „Лейтенант Шмидт".

Совет адвокатов назначил для защиты Шмидта и его товарищей следующих лиц: Зарудного, Врублевского, Балавинского, Александрова и Винберга. Обвинял полковник Ронжин. В заседание суда было вызвано огромное количество свидетелей, из которых большинство было на стороне обвинения.

Захар Циония-Циома. Матрос с „Очакова", соц.-демократ.
Во время восстания был выбран командой старшим офицером артиллерии.
После подавления восстания осужден военным судом к смертной казни, которая заменена ему бессрочной каторгой.
Умер в Смоленском централе от туберкулеза в 1910-м году.

Шмидт и некоторые из матросов обвинялись в „стремлении к насильственному ниспровержению существующего государственного строя" (100 и 109 ст.ст. Уголовн. Улож.), за что полагалась смертная казнь.

Суд начался 7-го февраля 1906 года. Судебное следствие и прокурор старались выставить Шмидта виновником всех событий, происшедших в ноябрьские дни в Севастополе, лицом, восставшим против царя. Указание защитников, что он был наиболее мирно настроенный из революционеров, существенного значения не имело. Кроме того, Шмидту старались приписать, что он первый открыл стрельбу с „Очакова", что идея вооруженного восстания принадлежит ему и т. д. На заседание суда никто из посторонних

допущен не был. Крепость Очаков представляла собою во время процесса вооруженный лагерь.

Шмидт произнес на суде следующую речь:

„В настоящем процессе есть одна особенность, которая резко его отличает от всех предшествовавших ему.

Мы привыкли видеть на скамье политических подсудимых или представителей крайних партий, стремящихся, как бы наперекор установившимся в народе взглядам, нарушить существующий уклад государственной жизни и установить иное, новое государственное устройство, или мы видели просто пылких людей, которые посягали на жизнь кого-либо из особенно жестоких представителей полицейской власти. Только то, что представляется в народном сознании преступным, может караться законом, т. к. сам закон вытекает из народной морали и только она одна является единственной причиной его появления.

Представители крайних республиканских партий, являясь в стране резко прогрессивным элементом, как бы расходятся в своих целях со стремлениями многомиллионного населения, которое не занимает их, и только в этом отступлении от массовой народной мудрости можно найти если не оправдание, то хотя объяснение их подсудности. Я, как подсудимый, не принадлежу ни к одной из этих категорий. Я не посягал ни на чью жизнь, не принадлежу к республиканским партиям и все мое мировоззрение согласуется с мировоззрением всего русского стомиллионного населения. Именно в этой то согласованности моих идеалов и стремлений с идеалами и стремлениями всего народа русского и заключается вся особенность настоящего процесса. Как социалист, я ставлю требованием расширение нашего общинного землевладения до полной социализации земли, и требование это совершенно совпадает с требованиями многомиллионного русского крестьянства. Конечно, этим не ограничиваются мои экономические требования, как социалиста, но мы не можем говорить о делах следующих поколений. В настоящем же мои экономические стремления совершенно совпадают с народным идеалом. В политических же убеждениях я также солидарен совершенно со всем народом русским.

Пройдут года, забудутся наши имена, но ту боевую силу, которая присоединилась к „Очакову" и тем осталась верной народу и присяге, имена этих 10 судов флота не забудут, и они всегда останутся в летописях народа. Но точная буква законов, самые статьи сводов против меня, они противоречат высказанному мною. Да они не могут не противоречить, когда утвержденные законами представители власти стали в открыто враждебное отношение к народу и в открыто враждебное отношение к трону. В такое время государственного хаоса, когда все в стране так спуталось, что русские власти пошли войной на Россию, нельзя руководиться статьями закона, нужно искать иных общих, всем народом признан-

ных определений преступного и непреступного. В такое время, чтобы оставаться законным, приходится изменять присяге и, оставаясь верным присяге, приходится нарушать законы. Не преступен я, раз мои стремления разделяются всем народом и не противоречат присяге, а, напротив, опираются на нее. Не преступен я, раз в моих деяниях не видит преступления весь 100-мил. народ русский...

... Но меня судят и мне угрожает смертная казнь. Когда я вступил на палубу „Очакова", то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать 8 узлов ходу, и без артиллерии; там имелось всего две рукоятки от 6-д. орудий, остальные орудия действовать не могли. Я понимал всю беспомощность крейсера, неспособного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, неспособного даже уйти от опасности. Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая и казармам и „Очакову", была разоружена до моего приезда на „Очаков", стало быть и тут нельзя ждать никакой боевой силы, нужной для вооруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали. Но я знал, что не дальше, как завтра, будет открыт артиллерийский огонь по казармам, знал, что это страшное злодеяние уже подготовлено, что беда неминуемо стрясется и унесет с собою много неповинных жизней, и это сознание не позволяло мне покинуть ту горсть безоружных людей, которая была на „Очакове" и которая геройски готова была, хотя бы пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства. Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было — не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови. Что же давало нам убеждение в необходимости, в полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно? Откуда мы почерпнули ту высокую радость, которая охватила всех нас, несмотря на всю грозность надвигавшихся событий? Как мог я, болезненный и слабый человек, лишенный трех предыдущих суток сна, не только оставаться сильным духом и верующим, но поднять и укрепить веру в других? В чем была наша сила, идущая, как казалось, вразрез со здравым смыслом? Сила эта была в глубоком, проникнувшем все мое существо и тогда и теперь сознании, что с нами бог, с нами русский народ. Да, с нами русский народ! Да с нами русский народ, весь всею своею стомиллионною громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубцованный казацкими нагайками, он, этот народ с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал. То были минуты ожидания диктатуры, дни истязаний крестьян в шести губерниях за то, что они обезумели от голода и, смотря на своих пухнувших детей, потеряли сознание неприкосновенности собственности. Часть этого

народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах в казармах экипажей, там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки. Мне говорят о статьях закона, о военном положении и т. д. Я не знаю, не хочу, не могу оценивать все происшедшее статьями закона. Я знаю один закон, закон долга перед родиной, которую вот уже три года заливают русской кровью. Заливает малочисленная преступная группа людей, захватившая власть и отделившая государя от своего народа. Они из-за своих хищных расчетов уложили более 100 т. трупов в войне с Японией, они же теперь из-за тех же расчетов начинают войну с Россией. Где же измена? Кто государственный преступник? Сегодня, в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они. Вчера наместник Алексеев был вице-король, и вся задавленная пресса пела ему, как талантливому государственному мужу, гимны. Сегодня Алексеев жалкий эмигрант, стыдящийся показаться на глаза народу русскому. Где же почва, на которой может утвердиться русский человек, чтобы не быть изменником народу и оставаться законным? Такой почвы нет. В дни тяжелой борьбы народа за право на жизнь, что сегодня в глазах власти преступно, завтра принимается, как заслуга перед родиной. В эти дни испытания есть один закон — закон верности своему народу. Остается в эти дни или умереть в борьбе или наложить на себя руки, так как оставаться безучастным это сверх сил человеческих. Вся моя прошлая жизнь доказывает, что я стоял только за мирные средства борьбы и был противником мятежных восстаний. Еще 13 ноября, накануне приезда моего на „Очаков", я говорил о мирной борьбе на городском митинге перед рабочими, но самый мирный человек, видя неминуемое массовое убийство людей, не может не кинуться в защиту их. Я был вдали от матросского движения, я всеми силами не сочувствовал пропаганде, вызвавшей мятеж в казармах. Я всеми силами рвался переговорить с адмир. Чухниным, чтобы получить от него полномочия, с которыми мог бы успокоить людей. Душа обливалась кровью при ожидании грозящего массового убийства, которого так просто было избежать и водворить порядок. И я бы так и остался в стороне, но люди сами пришли ко мне. Имел ли я право не итти вместе с ними, если предотвратить беду оказалось не в моих средствах, и я знал, что не дальше, как завтра, прольется опять кровь народная?! Если бы я отвернулся от них, когда они нуждались во мне и когда беда была уже неминуемая, я не имел бы права смотреть в глаза народу русскому, как изменник. И я пошел, чтобы сделать все, что мог, чтобы остановить, не допустить убийства, противопоставить силе силу, а если это не поможет, то хоть умереть

с ними, пассивно протестуя поднятием красного флага. Если бы я не пошел к ним, когда они звали меня, то, оставаясь дома при первых звуках канонады, я сам бы наложил на себя руки. Да, это было так. Это был день смерти, я всею силою своего духа искал ее, не было сил жить в этой атмосфере узаконенного истребления народа русского. Зачем не убили меня офицеры, когда я нарочно малым ходом на миноносце, стоя один на мостике, проходил по борту вплотную все броненосцы, подставляя им открытую грудь свою? Зачем не убили меня офицеры на „Пруте", когда я один вошел к ним, предлагал им убить меня, клялся им, что никто из них не пострадает, но что, если они не убьют меня, я освобожу „потемкинцев"? Отчего я не был убит на „Очакове" под этим невиданным в истории войн стальным градом? Не убили меня, когда я был в воде, засыпанный пулеметами. Отчего не убили меня, когда я, теряя сознание и вытащенный кем-то из воды, попал на миноносец под новый град снарядов? Отчего не убили меня на „Ростиславе" офицеры, когда они издевались надо мной, и я совершенно уж терял последние силы, но все же искал смерти? Ко мне подошел адмирал Феодосьев и спросил что-то, я не помню, но я помню, что я ответил ему: что одна смертная казнь остановит меня. И если бы я ответил ему иначе, то весь русский народ имел бы право сказать мне: прочь изменник, ты не видишь, что мы все умираем в страшной борьбе! Не коснулась меня витавшая вокруг смерть, когда я искал ее. Для того я остался в живых, чтобы быть поставленным здесь, у скамьи подсудимых, чтобы могла видеть вся Россия, соучастница дел моих, что судят за то, что я остался верен народу своему. Да, я выполнил долг свой, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я, была бы страшнее самой смерти. Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верными присяге, и не гражданин Шмидт перед вами. Перед вами здесь на скамье подсудимых вся 100-миллионная Россия, ей вы вынесите свой приговор, она ждет вашего решения".[1])

Речь эта, произнесенная с присущим Шмидту подъемом, произвела на всех присутствующих необычайно сильное впечатление. Даже судьи были тронуты. Тем не менее, Молох царизма требовал жертв, и 18-го февраля 1906-го года был оглашен приговор, которым Шмидт присуждался к повешению, а Частник, Гладков и Антоненко к расстрелу. Кроме того, подсудимые Ялинч и Уланский приговорены к бессрочным каторжным работам, Соловьев, Осадчий, Куприков и Карнаухов — к 20-ти годам каторги, Абрамов и Докукин — к 15, Баранов — 12. Пятин, Мойшеев и Симаков — к 10, Сабельфельд, Жигулин и Радионов — к 7 и Туркевич и Фоминов — к 4 годам. 8 человек было присуждено в исправи-

---

[1]) „Лейтенант П. П. Шмидт" под редакц. Максакова, стр. 243.

тельные арестантские отделения и несколько человек оправдано [1]).

Таков был „суд скорый, милостивый и справедливый“, творимый кучкой офицеров-дворян.

26-го февраля адмиралу Чухнину была представлена на усмотрение кассационная жалоба. Сестра Шмидта подала на имя царя прошение о помиловании, но просьба ее была отклонена. 4 марта

Лейтенант Шмидт, сопровождаемый в тюрьму, после приговора к смерти.

Чухнин утвердил приговор, а через два дня, 6-го марта, на уединенном острове Березани Шмидт, Частник, Гладков и Антоненко были расстреляны. Таким образом, вместо повешения „всемилостивейше“ было разрешено Шмидта расстрелять.

Исполняли приговор над осужденными матросы канонерки „Терец“ под командой офицера Михаила Ставраки. Так как на этих матросов не особенно надеялись, то позади их были расположены солдаты Очаковского гарнизона под командой капитана Радецкого.

Необходимо сказать несколько слов о сподвижниках Шмидта Гладкове и Антоненко.

Первый из них, Александр Григорьевич Гладков, родился в 1882-м году в Пензе. Он обучался в ремесленном училище, но, не кончив его, поступил рабочим в депо, где работал в качестве слесаря вплоть до призыва во флот.

С раннего возраста он, благодаря своему отцу, работавшему

---

[1]) „Пролетарская революция“ 1923-й год, № 10, С. В. Дробота „Севастопольское восстание 1905-го года“.

в том же депо, близко познакомился с политическими вопросами и сделался убежденным социалистом.

С этими убеждениями он решил идти в гущу трудящихся и там проповедывать социализм.

В 1903-м году Гладков был призван на военную морскую службу и зачислен в Черноморский флот, в 32-й флотский экипаж. Окончив строевые занятия, он был назначен в машинную школу. Обучаясь здесь, Гладков в то же время принимал участие в практических работах по постройке крейсера „Очаков“, где мастерами Сормовских заводов производилась установка машин.

Общение с этими рабочими было для него очень полезно, так как сделало его еще более убежденным социалистом.

Он горячо принялся за революционную пропаганду среди машинной команды „Очакова“. Его призывы жадно воспринимались слушателями, и через некоторое время команда была вполне подготовлена к революционному выступлению.

Саша-бунтарь, как называли его товарищи, был истинным учителем и вдохновителем этой команды.

Во время восстания на „Очакове“ Гладков был избран революционной командой старшим механиком крейсера.

Никита Петрович Антоненко происходил из крестьян Екатеринославской губернии. Родился он в 1880-м году.

Родившись и выросши в патриархальной семье зажиточного крестьянина, он был тихим и скромным мальчиком и юношей отличался трудолюбием и любознательностью. По окончании церковно-приходского училища, он, по воле своего отца, заявившего, что „більше нам наук не треба“, остался жить „в степу, на хуторі“, помогая отцу в хозяйстве.

В 1902-м году сельский староста постучал длинной палкой в окно дома Антоненко и объявил: „збірай сына у рекруты“.

Никиту увезли с родного хутора и забрили в солдаты.

Антоненко был человеком богатырского сложения, сильным, пропорционально сложенным красавцем. Товарищи называли его красавцем-богатырем, а офицеры — Аполлоном.

Он точно так же, как и Гладков, попал во флот, в 32-й флотский экипаж. Окончив строевые занятия, он получил назначение в школу комендоров и направлен на крейсер „Очаков“, где работал по установке орудий, производимой техниками Путиловского завода.

Сдружившись с путиловцами, он воспринял у них новые для него идеи о революционной борьбе с угнетателями трудящихся.

Затем, в течение 3-х лет Антоненко знакомился с различными революционными течениями, читал запрещенные книги, его знания крепли и своими речами он завоевал себе громадную популярность среди команды.

Он принимал видное участие в Очаковском восстании: участвовал в освобождении политических заключенных на транспорте „Прут", в аресте заложников-офицеров и проч.

Во время восстания команда избрала его помощником командира артиллерии...

Суд над остальными участниками восстания происходил в два срока: над одной группой в июне и над второй — в ноябре 1906-го года.

Подсудимые обеих групп демонстративно заявили о своем нежелании присутствовать на суде и покинули зал заседания. Точно также поступили и защитники. Суд вынес ряд смертных приговоров, которые были потом заменены вечной каторгой.

Из 350-ти обвиняемых по двум процессам было оправдано всего 40 человек. Остальные же получили каторгу, исправительные арестанские роты и тюрьму на разные сроки.

Среди получивших каторгу были: Конторович, Вороницын, Генкин, Циома и многие другие.

Так расправилось самодержавие с теми, кого пощадила пуля во время кровавой бани 15-го Ноября.

ОТГОЛОСКИ ВОССТАНИЯ

Похищение следственного материала

К. Басалыга [1]) в своих воспоминаниях о Севастополе описывает интересный момент, касающийся похищения следственного материала по восстанию черноморских матросов. Это происходило в 1906-м году. Следствие по делу тянулось очень долго, и несколько сот матросов ожидало в тюрьмах его конца. Весь следственный материал, состоявший из 12-ти объемистых томов и вещественных доказательств, в виде красных знамен и пр., хранился в шкапу в здании окружного суда.

С приближением дня процесса настроение матросов становилось все более нервным. Многие высказывались за устройство в день суда восстания.

Комитет с.-д. партии решил в виде демонстрации организовать похищение дел из суда.

За это взялись двое: Басалыга и „Николай", которым помогали четыре выдержанных товарища.

Так как унести на себе все дела было невозможно, то потребовался извозчик. Удалось раздобыть пару лошадей и своего „лихача".

План заключался в том, чтобы ночью под предлогом доставки срочной телеграммы на имя председателя суда заставить сторожа открыть дверь.

В назначенное время, в 11½ часов ночи извозчик подъехал к зданию суда. Сторож, открывший дверь для получения телеграммы, был немедленно связан.

Взломали шкап, и все дела снесли в экипаж. На все это ушло не более 4—5 минут. Затем трое товарищей помчались за город по направлению к ресторану.

Несмотря на расставленные всюду патрули, им удалось отъехать верст за двенадцать от города; здесь они остановились, облили все дела запасенным керосином и подожгли. Двое патрулировали, а третий подкладывал бумагу в огонь.

Яркое пламя костра разорвало ночную мглу и слепило глаза.

Наконец, все было кончено... Последние листы догорающей бумаги, последний плеск керосина...

---

[1]) „Пролетарская революция", 1922-го года № 9, стр. 193.

Все сошлись вдали от костра и разными путями направились в город. Пройдя две версты, они услышали топот верховых, направлявшихся к костру. Но уже было поздно.

Между тем, в городе похищение обнаружилось очень быстро. Второй сторож, о существовании которого товарищи не знали, вернулся в здание суда минут через 10—15 и поднял тревогу.

Охранка терялась в догадках и в ту же ночь принялась за обыски, но безуспешно.

После этого следователи принялись за восстановление похищенного материала на основании тех заметок, которые у них сохранились. Слушание дела было отложено.

Само собой разумеется, что это похищение облегчить участь подсудимых не могло, но, как удар в надменную физиономию самодержавия, оно сыграло свою роль.

Покушение на коменданта крепости генерала Неплюева

По воспоминаниям д-ра Никонова ,покушение на генерала Неплюева рисуется в следующем виде:

9-го мая 1906-го года в день царских имянин, происходил обычный парад войскам у Владимирского собора; принимал парад комендант крепости генерал Неплюев, который в ноябрьские дни 1905-го года был арестован матросами, а затем, по освобождении, принимал активное участие в усмирении восстания.

Когда Неплюев пошел по направлению к шеренгам войск, из толпы зрителей выбежал молодой человек, оказавшийся рабочим Макаровым, и бросил ему под ноги бомбу. Бомба разломилась на две части и из нее посыпался какой-то порошок — взрывчатая смесь; раздалось шипение, но взрыва не последовало. Макарова схватили, но он успел крикнуть, обращаясь к толпе: „Товарищи, бросайте вторую"! Толпа в панике бросилась врассыпную, и в этот момент в гуще толпы раздался сильный взрыв, которым на месте убит неизвестный мужчина в штатском платье и мальчик-реалист. Кроме того, 11 человек было ранено, большею частью легко; лишь одна женщина пролежала в больнице месяц или полтора.

Доставленный в больницу труп убитого мужчины был разорван на две части в области груди: отдельно лежала голова, шея и одна рука, отдельно — туловище и ноги. Покойный оказался бывшим матросом с „Очакова"— Фроловым. Очевидно, он нес бомбу под пальто и в момент паники, когда толпа бросилась бежать, его затолкали, и бомба взорвалась у него на груди.

Макаров, юноша-рабочий, как несовершеннолетний, был приговорен впоследствии к 10-ти годам каторжных работ, но в июне 1907-го года, во время взрыва тюремной стены — бежал с другими

товарищами (всего бежало 22 человека). Однако, в том же 1907-м г. за покушение на кого-то на севере, был повешен в Петербурге.

Бомба была брошена в 11 — 12 часов дня, а в 3 часа стало известно, что в гостинице Ветцеля арестован какой-то приезжий оказавшийся крупным террористом; в то же время на улице были арестованы еще 2 человека: один из них под видом чистильщика сапог, а другой, кажется, в виде разносчика. Вскоре узнали, что в гостинице Ветцеля был арестован Борис Савинков[1]). Другие двое также оказались членами боевой организации. Один из них Калашников, фамилию другого установить не удалось.

Впоследствии выяснилось, что они приехали на разведки для организации покушения на адмирала Чухнина. За ними по пятам поехали сыщики.

Савинкову удалось впоследствии бежать из тюрьмы в Румынию.

Покушение на полковника Думбадзе[2])

Приближался суд над второй группой обвиняемых — участников Очаковского восстания. Они сидели под арестом на пароходе

Н. Литвиченко, матрос, участник покушения на полковника Думбадзе.
В 1907 г. был повешен в Севастопольской тюрьме.

Добровольного флота. Происходила подготовка здания для суда и начальство распорядилось сделать решетки в окнах экипажа, куда

[1]) Савинков,— с.-р., террорист. Личность его всем хорошо известна. После Февральской революции 1917-го года он был членом правительства Керенского, а затем, после Октябрьской революции открыто перешел в лагерь врагов пролетариата, и на деньги французского и польского штаба организовывал контр-революционные восстания против Советской власти. В 1924-м году, по переходе нашей границы, Савинков был задержан и предан суду.

[2]) По материалам тов. Евстафьева.

должны были быть переведены обвиняемые. Работа эта была поручена Евстафьеву, Литвиченко, Василию Яцунову и Снеткову. Все они были членами организации с.-р., за исключением последнего, который в намерение товарищей не был посвящен. Задача же первых заключалась в том, чтобы произвести покушение на Думбадзе, который каждое утро приезжал осматривать ремонтируемое здание будущего суда и помещения для арестованных.

В. С. Яцунов, матрос, участник покушения на полковника Думбадзе.
По другому политич. делу отбыл 6 лет каторги в Херсонской каторжной тюрьме, после чего был отправлен в ссылку в Верхоленск.
Принимал активное участие в гражданской войне в рядах Красной Армии.
В настоящее время находится в Севастополе.

Прошло несколько дней. Начался суд над матросами. Полковник Думбадзе еще более зачастил и начал ездить около окон, где происходила работа.

5-го июня 1906 г. в 11 часов дня, во время обеда, Яцунов увидел, как снизу из-под горы показался Думбадзе. Он ехал на пролетке, окруженный конвоем.

Яцунов тихо сказал Литвиченко, чтобы последний взял из амбразуры, где ставился паровой коллектор, бомбу и приготовился к метанию. Когда Думбадзе поровнялся с окном, Литвиченко со второго этажа бросил в него бомбу, но неудачно: бомба перевернулась в воздухе, детонатор выскочил и упал на мостовую, где разорвался наподобие выстрела из винтовки. Сама же бомба не разорвалась.

После этого Николай Литвиченко убежал в кочегарку парового отопления и переоделся в рабочее платье. Оно его впоследствии и погубило. Яцунов остался с котелком в руках и продолжал обедать.

Евстафьев тоже последовал за Литвиченко и увидел, что последний собирается бежать из здания экипажа.

Пригрозив ему не бежать, а итти, они оба выскочили на улицу, где уже собралась большая толпа народа. Снетков, ничего незнавший, также вышел на парадное и стал смотреть на Думбадзе. Последний, увидев его, начал кричать:

— Это ты, жидовская морда, бросил в меня бомбу?

Снеткова арестовали и увели, а всех присутствовавших стали обыскивать, но ничего не нашли. Через полчаса вызвали Литви-

ченко, который спокойно подошел и начал рассматривать бомбу в руках Думбадзе. Обыскали также Евстафьева, после чего благополучно отпустили. Арестованы были, таким образом Литвиченко и Снетков.

Помещенный в Севастопольскую тюрьму, Литвиченко бежал оттуда во время взрыва стены в 1907-м году. Вторично, в том же году он был арестован па этому делу в Мелитополе и казнен. До службы во флоте Литвиченко был рабочим Севастопольского морского порта.

Покушение на контр-адмирала Чухнина [1])

25 или 26-го января 1906 года по заданию Центральной боевой организации с.-р. прибыла в Севастополь Екатерина Адольфовна Измайлович [2]). Ей было поручено произвести покушение на Чухнина.

27-го утром в часы приема Екатерина Измайлович явилась во дворец [3]) к адмиралу Чухнину. Дежурному адъютанту, лейтенанту Степанову, она назвала себя женой убитого лейтенанта Крупицкого—Марией, при чем заявила, что у нее есть просьба к самому адмиралу. Она была роскошно одета. Просторное длинное манто дало ей возможность лучше скрыть браунинг, спрятанный под корсажем. Благодаря этому ее не подвергли, как всех остальных, тщательному обыску, а лишь поверхностному. Дождавшись очереди, с прошением в руках, она была пропущена в приемную Чухнина (большая комната верхнего этажа—бывшая приемная Исполкома), где находился второй адъютант Чухнина, его верный пес, лейтенант Сергеев и дежурный офицер. В кабинете адмирала (бывший кабинет Предисполкома) она встретилась лицом к лицу с Чухниным.

Как рассказывали впоследствии очевидцы всего происшедшего—вестовые Чухнина, последний вежливо принял ее, усадил в кресло и стал читать поданное прошение. Во время чтения Измайлович дернула снизу вверх за шелковый шнурочек, который можно было принять за шнурок от пенснэ, но который на самом деле был прикреплен к револьверу. В руках ее очутился браунинг, из которого она очень быстро произвела в адмирала четыре выстрела. Три пули попали в Чухнина, четвертая пролетела мимо.

---

[1]) По материалам защитника Резникова, политкаторжанина Шатенко и, частично, тов. Басалыга.

[2]) Дочь генерала Измайлович и родная сестра политкаторжанки Александры Адольфовны Измайлович, осужденной за покушение на жандармского генерала Курлова в Минске в 1906 году на вечную каторгу. В настоящее время А. Измайлович состоит членом общества политкаторжан.

[3]) В настоящее время партийный клуб; раньше там был Исполком.

Однако, все эти ранения не были смертельны: две пули попали в плечи и одна в руку. Они причинили Чухнину только незначительные раны.

Поднялся сильный шум; из соседней комнаты, где находились адъютанты и дежурный офицер, прибежала вся адмиральская челядь, которая застала Чухнина лежащим на ковре[1]). Екатерина Измайлович отбежала в сторону к соседнему окну и стала за занавеской.

На шум и крики из нижнего этажа прибежали жена Чухнина и его дочь. Застав мужа и отца лежащим и полагая, что он убит они пришли в состояние дикого неистовства. Начав голосить и визжать, они в крикливой форме отдали приказ своим вестовым-матросам: „взять эту стерву, расстрелять ее сейчас же!".

Как это ни странно, тем не менее, приказание этих двух женщин, не облеченных никакой юридической властью, неимевших никакого права приказывать солдатам,— было в точности выполнено. Екатерина Измайлович немедленно была схвачена матросами-вестовыми и выведена из дворца в заднюю часть двора около сада, где был раньше скотный двор. Ее приставили к дереву, и тут же вестовой адмирала Соколов расстрелял ее из винтовки.

„Дамы"—жена и дочь Чухнина, наблюдали из окна дворца, как выполняется их приказание.

Так произошел этот возмутительный факт. На глазах „начальства", без суда и следствия погибла революционерка 18-тилетняя Ератерина Измайлович.

После покушения Измайлович Чухнин окружил себя постоянной стражей, состоявшей из ингушей, матросов и других охранников. Стража эта постоянно следовала за ним, куда бы он ни пошел и ни поехал. Кроме того, за ним постоянно следовали два вестовых-матроса: Петров и Николаев, с унтер-офицерскими „лычками", которых Чухнин еще раньше подобрал себе из всего 29-го экипажа. Его верный пес, адъютант лейтенант Сергеев, был также его непременным спутником. Он не только обедал за столом Чухнина, но и спал в его кабинете или в комнате рядом.

Чухнин стал очень осторожен. „Странности" его выражались в том, что он вначале отдавал распоряжение вызвать катер или лошадь, а затем, когда ему сообщали, что таковые поданы, заявлял, что никуда не поедет. По прошествии 10—20 минут он вторично отдавал распоряжение о вызове катера или кареты. Очевидно, урок, полученный от выстрела Измайлович, пошел впрок адмиралу: он опасался, как бы революционеры снова не добрались до его шкуры. Такими противоречивыми распоряжениями Чухнин старался запутать предполагаемые наблюдения революционеров.

Дворец его превратился в какую-то крепость: со всех углов

[1]) Согласно другим сведениям в момент появления адъютанта и дежурного офицера Чухнин находился под своим письменным столом.

сада и двора выглядывали пулеметы. Через стены и из каждой калитки видны были физиономии ингушей. Энергичными жестами и щелканьем затвором винтовок они предостерегали проходящих, чтобы последние шли не около стен дворца, а по противоположной стороне улицы.

К концу июня Чухнин оправился от ран, полученных от выстрелов Измайлович. В этот день адмирал решил прогуляться — проехать из дворца на свою летнюю резиденцию, дачу „Голландия" (на Северной стороне).

Выезд адмирала представлял собою целое событие. К крыльцу была подана закрытая карета, запряженная рысаками. Окруженный ингушами адмирал быстрым аллюром направился по спуску под Минную башню к малой Минной пристани. Там стоял в ожидании его адмиральский катер, на который уселись: он сам, его жена и дочь и дежурные адъютанты: Степанов и Сергеев. Переезд через бухту он совершил благополучно.

Приехав на дачу, Чухнин отдалился от своих сопровожатых и начал вместе с старшим садовником осматривать цветники. В некотором отдалении стоял как бы в ожидании приказаний старшего садовника, его помощник, бывший матрос Акимов [1]).

Акимов прибыл в Севастополь из Балтики. До этого он нанаходился за границей в японском плену. Он был единственный спасенный матрос из всей команды погибшего в Цусимском бою броненосца „Бородино". Будучи больным, Акимов был „списан" в запас флота. По рекомендации кого-то из власть имущих, Акимов, как знакомый с садоводством, был определен на службу помощником садовника на дачу „Голландия". Никаких сомнений в его благонадежности, очевидно, не было.

Драконовский режим, установленный Чухниным в Черноморском флоте, вызывал страшное возмущение в матросской среде. Положение особенно обострилось после подавления Очаковского восстания и ненависть матросов достигла в настоящее время высшего предела.

Они предъявляли требования представителям с.-д. партии убить этого „дракона".

Увещевания соц.-дем., что единичный террор, без восстания, не даст положительных результатов, — не действовали.

Под влиянием эсеровской агитации матросы заявили, что сделают это сами.

Акимов, будучи социал-демократом, пережил на собственном горбу все ужасы Цусимского боя, варварское отношение своего начальства к матросам, которым, как „нижним чинам" было отказано в человеческом достоинстве и проч. В нем горело неугасимое чувство ненависти и мести к одному из наиболее жестоких

[1]) Недавно в газетах в связи с процессом с.-р. Бориса Савинкова промелькнуло известие, что Акимов находится в Америке.

палачей рабочего класса и виновнику гибели многих его товарищей—адмиралу Чухнину.

Он за свой собственный страх и риск решил воспользоваться благоприятным случаем и отплатить сегодня адмиралу Чухнину за страдания тысяч людей.

Было около 2-х часов дня, когда Чухнин, обойдя весь цветник, остановился у одной клумбы и стал громко ругать садовника за какие-то непорядки в теплицах, где росли ценные тропические растения. Увлекшись разговором с садовником, Чухнин не заметил, что Акимов внимательно за ним следил. Он шел по пятам за адмиралом, приближаясь с каждой минутой к нему все ближе и ближе.

Акимов нес какой-то длинный ящик, покрытый рогожей. Подойдя почти вплотную к адмиралу и садовнику, Акимов стал за большой заросший куст. В этот момент у него в руках оказался уже не ящик, а охотничье ружье.

Не видя ничего, кроме своих цветов, адмирал Чухнин не чувствовал, что смерть своей безжалостной рукой схватила уже его за адмиральский воротник.

— Подлец, я тебе покажу, как работать в моей оранжерее,— сыпал адмирал ругательства по адресу садовника.

Вдруг шагов за 10—12 раздался выстрел, а вслед за ним другой.

Стрелял Акимов, который после выстрела с ружьем в руках вышел на средину аллеи.

Будучи ранен, адмирал обернулся к Акимову и крикнул последнему:

— Подлец, матрос!...— но он не договорил и упал на землю.

Заряды крупной картечи попали: первый в голову, а второй в область груди. Схватившись руками за пораженные части тела Чухнин заметался.

Почти в то же мгновение к нему подбежали жена, дочь и, наконец, адъютант Сергеев, который вместе с садовником вынесли подстреленного адмирала на пристань, к катеру.

Все присутствовавшие здесь настолько растерялись, что даже и не вздумали искать убийцу. А когда через некоторое время садовник бросился в дом, к телефону, чтобы дать знать о случившемся в город и дворец, то оказалось, что телефон был кем-то перерезан.

Раненый адмирал истекал кровью и в конце-концов впал в бессознательное состояние. Наконец, решено было везти Чухнина через бухту в Морской госпиталь. Поехали на том же катере, но и тут случилось непредвиденное обстоятельство. Катер, управляемый опытным матросом вдруг при огибании Павловского, мыска был посажен на мель. Вполне возможно, что это было сделано умышленно. Прошло минут 30—40, если не больше, пока он пристал к пристани.

Чухнина внесли в хирургическую палату Морского госпиталя, откуда по распоряжению дежурного врача — в операционную. Было уже около 4-х часов и все врачи специалисты разошлись. Когда, наконец, явился старший врач и другие врачи-хирурги, то все они могли лишь констатировать, что раны адмирала смертельны, и всякая врачебная помощь напрасна. Действительно, вечером этого же дня (28-го июня) адмирала-палача не стало.

Что касается матроса Акимова, то, по словам Басалыги, он никем не преследуемый, выбравшись из „Голландии" попал на явку к эсерам. Последние принялись за его обработку, обратили в свою „веру" и в заключение объявили, что убийство совершено согласно их постановления.

Впоследствии Акимов перебрался в Симферополь, а оттуда в Одессу. Здесь при помощи местных революционных организаций он поступил кочегаром на пароход, делающий рейсы между Одессой и Константинополем и очутился за границей [1]).

В заключение следует отметить различное отношение к убийству Чухнина со стороны царя и одного из матросов, который несомненно отражал настроение широких рабочих масс Севастополя.

О ранении Чухнина было тотчас же сообщено Николаю II по прямому проводу. От него через полчаса был получен запрос: „Срочно сообщить о состоянии здоровья Чухнина и о подробностях его ранения". Еще через час было получено „молитвенное благословение" царя и царицы с пожеланием о выздоровлении верного слуги.

Между тем, в палате [2]), где временно лежал тяжело стонавший Чухнин, на койке рядом с ним оказался матрос, находившийся здесь на излечении. Чухнин метался в бреду, временами приходя в себя. Когда все бросились за хирургами, соседу его матросу показалось, что адмирал кого-то спрашивает:

— За что... за что... ме... ня... убили?

Тогда матрос приподнялся с постели и гаркнул так, чтобы умиравший адмирал услышал:

— За Шмидта, за Частника, Антоненко, Гладкова, за сотни расстрелянных и замученных в каторге, ваше высокопревосходительство!

---

[1]) Когда эти строки уже были набраны, автору стали известны воспоминания Акимова, помещенные в „Русском Голосе", где подробности покушения изложены несколько иначе.

[2]) По рассказам бывш. сестры милосердия Морского госпиталя Маринковой.

ПРОЦЕСС МИХАИЛА СТАВРАКИ [1])

Прошли годы. Грянула февральская, а за нею и октябрьская революция 1917-го года. Многие из тех, кто в 1905-м году участвовал в подавлении Севастопольского восстания и в дальнейшем помогал царизму в угнетении страны,— очутились за границей, где они укрылись от огненного дыхания Революции. Но палач Шмидта, Михаил Ставраки, предпочел остаться в Советской Республике. Соответственно с новой обстановкой он перекрасился, сбросил старую шкуру и постарался одеть новую.

Мало того, этот махровый контр-революционер - потомственный дворянин, сын адмирала, командовавший расстрелом революционера Шмидта,—скрыл свое прошлое и вступил в члены РКП (б). Он получил ответственный пост Начальника Батумского укреплен. района и смотрителя Батумских маяков.

Здесь он ухитрился произвести хищения, для скрытия которых умышленно не вел отчетности. В результате был исключен из партии, отстранен от должности и предан суду Военной Коллегии Верховного Суда Республики.

Суд состоялся в Севастополе в апреле месяце 1923-го года. Выездная Сессия Верховного Суда состояла: из Председателя тов. Ульриха и членов т.т. Никифоровского и Севастьяна. Обвинял тов. Менжин, защищали правозащитники т. т. Портнов и Зильберман.

На суде Ставраки держал себя довольно спокойно, говорил хладнокровно и даже с оттенком иронии. Свою вину он упорно отрицал, называя себя другом Шмидта.

Суд вызвал громадный интерес со стороны трудящихся, часовые еле сдерживали у входа толпу.

Большой портрет лейтенанта Шмидта висел на стене в зале суда, и взгляды всех невольно на нем останавливались. Среди присутствующих царила настороженная тишина. Предъявленные к Ставраки три пункта обвинения гласили следующее:

1) Будучи на ответственной должности при царском строе, принимал активное участие в подавлении революционного движения Черноморского флота, происходившего в 1905 году.

2) 6 марта ст. ст. 1906 года командовал расстрелом активных

---

[1]) См. Севастоп. газету „Маяк Коммуны" за 1923 г., №№ 73, 74, 75 и 76.

участников восстания Черноморского флота: Шмидта, Гладкова, Частника и Антоненко, указанные деяния предусмотрены 67 статьей Уголовного Кодекса РСФСР и

3) Пользуясь доверием Советской власти, скрыв свое активное участие в расстреле борцов за освобождение трудящихся России, проник в Российскую Коммунистическую Партию большевиков и, получив назначение на ответственный пост — Начубеко Бура, он же Заведывающий Батумскими Маяками, проявил в корыстных целях преступную халатность, выразившуюся в умышленном неведении отчетности в целях сокрытия произведенных им хищений, каковые деяния предусмотрены 108 статьей Уголовного Кодекса РСФСР.

По всем трем пунктам обвинения Ставраки виновным себя не признал.

В своих показаниях на суде он заявляет, что присутствовал на казни лишь для „связи", что командовал расстрелом не он. Ставраки рисует такую неправдоподобную картину последних часов Шмидта:

— Армейский караул вел осужденных от пристани к месту казни. Петр Петрович одной рукой опирался о плечо священника, а другой... всех благословлял и говорил „Простите". Проходя мимо меня — узнал и сказал: „Миша! Прости!".

Кроме того, Шмидт, по словам Ставраки, будто бы сказал, обращаясь к матросам:

— Братцы. Служите честно, слушайтесь ваших офицеров. Я тоже был офицер.

Показаниями свидетелей устанавливается, что этих слов Шмидт не произносил и что вся картина, нарисованная Ставраки, не соответствует действительности. Здесь было не что иное, как желание исказить революционный образ Шмидта.

На суде выясняется, что перед казнью Шмидта освидетельствовала комиссия с целью выяснить состояние его здоровья, так как по царским законам расстреливать можно было только здоровых. Подсудимый считает этот закон „гуманным".

Фразу, сказанную Шмидтом: „Миша. Прикажи своим солдатам целиться прямо в сердце", Ставраки отрицает.

Обвинитель Менжин устанавливает ряд противоречий между показаниями, данными обвиняемым на предварительном следствии и здесь на суде. Ставраки отрицает свои показания на предварительном следствии, заявляя, что он подписывал их „на веру", не читая.

Свидетель, доктор Федотов, показывает, что он был назначен присутствовать при казни. Отказаться он не смел. Он видел, как Шмидт шел к месту казни — медленно, серьезно и спокойно. Трогательную картину, нарисованную Ставраки, со священником и благословением толпы, он не помнит. Из очной ставки между Федотовым и Ставраки устанавливается, что Федотов был членом

медицинской комиссии, освидетельствовавшей Шмидта. Несмотря на тяжкую болезнь Шмидта, комиссия, как известно, признала его здоровым. Факт этот имел для судьбы Шмидта огромное значение. Дело в том, что председатель кабинета министров Витте под влиянием общественного мнения ходатайствовал перед Николаем II об отмене казни Шмидта, вследствие его болезни. В государственном архиве РСФСР сохранился подлинный документ — резолюция Николая на просьбу Витте. В ней царь-последыш пишет: „У меня нет ни малейших указаний, что он болен. Медицинское удостоверение говорит, что он здоров".

Таким образом, результат освидетельствования этой комиссии оказался для Шмидта роковым. Однако, Федотов отрицает свое участие в ней и, вообще, на самые важные вопросы отвечает, что он „запамятовал".

Такое двусмысленное поведение доктора Федотова на суде в связи с его ролью в казни Шмидта дает основание обвинителю ходатайствовать перед судом о привлечении доктора Федотова к ответственности по 67-й статье Уголовного Кодекса. Суд после краткого совещания постановляет удовлетворить ходатайство обвинителя; дело о нем выделяется в особое производство и Федотова под конвоем выводят из зала суда.

Второй свидетель, доктор Димитриадис, показывает, что он был личным другом Шмидта и лечил его во время его болезни почек. За день до казни Шмидт просил Димитриадиса освидетельствовать его, что последним и было сделано. Однако, доктор категорически отрицает свое участие во врачебной комиссии, подчеркивая, что он его осматривал по личному приглашению больного. На вопрос обвинителя, мог ли Шмидт перед расстрелом советывать матросам слушаться своих офицеров, Димитриадис отвечает отрицательно. Если таковые слова и были произнесены, то их нужно понимать лишь в том смысле, что Шмидт, боясь за судьбу команды, если она откажется в него стрелять, мог ей советывать слушаться офицеров, т. е. стрелять в него. Как общий же политический призыв, слова эти Шмидт по своим убеждениям произнести не мог. Свидетель вспоминает следующий факт: когда однажды после восстания какой-то адмирал вошел на судно и указал, что грязно, Ставраки ответил:

— Когда нас заставляли стрелять, то сами прятались. А теперь пришли указывать, как палубу чистить!

Эта фраза Ставраки, довольно независимая для своего времени, тем не менее указывает, что Ставраки был причастен к подавлению восстания.

Заявление обвиняемого, что он при царской власти подвергался суду за сочувствие Шмидту, свидетель категорически отрицает.

Из показаний свидетеля Гедримовича устанавливается, что Ставраки был старшим офицером на „Терце" во время Очаков-

ского восстания. Канонерская лодка „Терец", как известно, открыла огонь по катеру „Пригодному"[1]. Свидетель говорит, что приказ об открытии огня дает командир судна, а выполняет его старший офицер, т. е. в данном случае Ставраки. Перед казнью Ставраки зачем-то ездил к командиру Чухнину. Он, конечно, докладывал адмиралу о настроении команды „Терца". Характерно то, что трое офицеров: Сухомлин, Веселый и Ставраки, метали жребий,— кому ехать на казнь. Жребий вытянул Сухомлин. Однако, несмотря на это, на казнь поехал и Ставраки. На вопрос защиты, мог ли Ставраки отказаться итти на казнь, свидетель отвечает, что мог. Самое большее наказание за отказ—это увольнение со службы.

Священник Мельников показывает, что сам Ставраки говорил ему о своем участии в расстреле. Точно также он сообщил священнику, что Шмидт перед казнью обратился к Ставраки с исторической фразой, облетевшей всю Россию:

— Миша, прикажи своим матросам целиться прямо в сердце!

Далее, свидетель припоминает, что в 1902—1906 гг. Ставраки был членом военно-морского суда. Будучи лейтенантом, подсудимый через месяц после казни Шмидта был произведен в капитаны 2-го ранга и, таким образом, сразу получил повышение.

Следующий свидетель Залесский со слов Васильева подтверждает участие Ставраки в казни.

Вообще, на суде устанавливается, что Ставраки обладал низкой и ничтожной душонкой. К суду он привлекался не за сочувствие к Шмидту, а за клевету на своего командира, которого он обвинил в педерастии. Задержка его производством в дальнейший чин находилась в связи с этим обстоятельством. Участие в казни Шмидта в значительной степени объясняется его желанием выслужиться перед начальством и таким способом реабилитировать себя за прежние грешки.

Спокойное и ироническое отношение Ставраки ко всему происходящему на суде не оставляло его почти все время процесса. Так, на вопрос обвинителя, почему он в течение такого долгого срока не отбывал наказания за оскорбление командира, Ставраки возразил:

— Потому что в то время тюрьмы и крепости были переполнены.

— Почему же все-таки,— продолжал обвинитель,— для вас не нашлось места, а вот для меня и других революционеров тогда нашлось?

— Мне не повезло, как вам,— иронически ответил подсудимый.

На вопрос, почему он вступил в Коммунистическую партию, Ставраки, прикидываясь простачком, ответил:

— Меня записали.

Государственный обвинитель, тов. Менжин, дает анализ революционного движения 1905 года. При известии о Севастополь-

[1] Очевидно — „Удальцу" (*В. К.*).

ском восстании царя объял страх, и он высказал свое недовольство Чухнину, что „нет энергичных мер". Последний решил действовать, и первая боевая директива о подавлении восстания была дана „Терцу". Одним из исполнителей был Ставраки. Заявление обвиняемого, что „Терец" только защищался неверно. Ставраки виновен также в том, что он был членом медицинской комиссии, освидетельствовавшей Шмидта и признавшей его — больного человека — здоровым. Не подлежит сомнению, что Ставраки принимал участие в расстреле Шмидта, Гладкова, Частника и Антоненко. Остается не выясненным факт, кто пристрелил раненого Антоненко. Об этом гнусном деле знает Ставраки, который правду на суде скрывает. История со временем раскроет эту тайну. Выполнив задачу палача, он через месяц получил повышение по службе.

Ставраки поступил на службу к Советской власти и проник в ряды Коммунистической партии с целью занять ответственные должности и взорвать нас изнутри. Выстрел по четырем революционерам на острове Березани был выстрелом по революционной России.

В заключение обвинитель напоминает судьям слова Частника, который говорил на суде: „Вы нас судите, убьете. Но придут другие. Может быть завтра, через год, но они придут и отмстят за нас". Необходимо отмстить за расстрелы и расправы царских палачей. Обвинитель уверен, что, вынося приговор, руки судей не дрогнут.

Защитник Зильберман останавливается на юридическом анализе 67 ст. Уголовного Кодекса. Для подведения под эту статью необходимо, чтобы подсудимый играл активную роль в борьбе. Но активным считается тот, кто отдает приказы или в чьих руках находится инициатива. Однако, подсудимый Ставраки такой активной роли не играл, так как в худшем случае был лишь исполнителем приказаний своих начальников. Да и само обвинительное заключение построено не столько на показаниях свидетелей, сколько на противоречивых показаниях подсудимого. Точных данных о том, что расстрелом Шмидта командовал Ставраки, нет; точно также нет бесспорных доказательств того, что огонь с „Терца" был открыт по приказанию Ставраки. Оглашенные на суде вырезки из газет не могут иметь характера точного исторического документа. Фразу „Миша..." и т. д. мог произнести не только Шмидт, но и Частник.

Хотя в личности Ставраки и мало приятного и как тип он вызывает отрицательное отношение, но, кроме черных сторон, в его натуре имеются и положительные, так, например: команда относилась к нему хорошо и прочее. Защитник просит применить к нему не 67, а 68 и 16 ст.ст. Уголовного Кодекса по обвинению

в пособничестве, так как активного участия в преступлении он не принимал.

Защитник Портнов точно также указывает, что на ряду с отрицательными чертами у Ставраки имеются и хорошие: это его аполитичность, смелая попытка бросить упрек адмиралу и проч. Железных доказательств активного участия Ставраки в самом расстреле нет. Стрелял ли он или пассивно стоял—это не выяснено. В отношении призыва обвинителя к суду вспомнить клятву революционеров о мести, защитник напоминает слова Калинина на 3-м съезде работников советского суда: первые два периода революции—военного коммунизма и чекистский прошли. Теперь наступил третий период—революционной законности. В это время каждый должен понести наказание только за то преступление, которое будет на суде доказано. Защитник просит сохранить подсудимому жизнь, так как он не проявил той неисправимости, которая бы заставила стремиться к его физическому уничтожению.

После обмена сторон репликами, последнее слово было предоставлено подсудимому.

Ставраки приподнялся, спокойно заявил, что смотрит на свои слова, как на последнюю исповедь. При царском режиме он был маленьким незначительным винтиком громадного аппарата. В классовой борьбе он не участвовал. За белыми контр-революционерами не пошел. Несмотря на то, что он имел возможность скрыться за границей и получить хорошее место, он этого не сделал и не покинул того народа, молоком которого питался. Он не боится красного тумана смерти, которой привык смотреть в глаза. Будучи одной ногой в могиле, он заявляет, что активной роли в подавлении Севастопольского восстания он не играл и руки в братской крови у него не испачканы.

Суд приговорил Михаила Ставраки к высшей мере наказания—расстрелу с конфискацией имущества.

На этом закрылась одна из последних страниц Севастопольского восстания 1905 года.

Доводы защиты и последнее слово обвиняемого были построены, главным образом, на том соображении, что он не занимал ответственной должности во время подавления Очаковского восстания.

Соображение это, однако, является чисто формальным. Не подлежит сомнению, что и во время подавления восстания, и во время расстрела Шмидта Ставраки принадлежала активная роль. Его политическая физиономия была судом вполне выяснена и не оставляла никаких сомнений. Рассчитывая в 1905 году заработать расстрелом своего друга детства повышение в чинах,—Ставраки в 1923 году и заработал смертный приговор. Такова неумолимая логика жизни.

ПРИЧИНЫ РАЗГРОМА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Одна из причин неудачи Потемкинского восстания заключается в неподготовленности матросской массы. Об этой неподготовленности свидетельствует целый ряд фактов, из которых видно, что влияние социал-демократической пропаганды и пропаганды других левых партий было очень незначительно.

В действиях матросов были заметны бесчисленные колебания, какая-либо неудача влекла за собой быстрый упадок духа, контрреволюционная агитация оставшихся на броненосце „Потемкин" сверхсрочных, преимущественно кондукторов, сравнительно легко находила к ним доступ.

Неуверенность в своих собственных силах и возложение всех надежд на присоединение остальной эскадры говорят о робости движения в июньские дни и об ограниченности его размаха.

На ряду с этим восставшими был допущен ряд крупных ошибок. Подчиняясь укоренившейся привычке, согласно которой по их мнению, командовать мог только офицер, „потемкинцы" поручили командование броненосцем офицеру Алексееву, который, хотя и не был явным провокатором, тем не менее все симпатии свои отдавал царизму. Еще большим злом оказалось доверие, оказанное моряками доктору Голенко, и особенно посылка его для переговоров с командой „Георгия Победоносца", где этот „беленький, чистенький, лысенький" доктор сыграл явно провокационную роль.

Боязнь революционно настроенного меньшинства „Потемкина" повести резкую борьбу со „шкурами", изолировать кондукторов и тем самым помешать ведению контр-революционной агитации тоже содействовала разложению революционного духа восставших и не могла не сказаться на их поведении.

Большинство матросов все время старалось оставить себе возможность отступления. У них не было ясного сознания того, что возврат в Севастополь невозможен и что связи с прошлым окончательно порваны. Это видно из нежелания их спускать Андреевский флаг и заменить его флагом революционным, что было лишь частично сделано после отплытия из Румынии в Феодосию.

Не было также координированных действий между восставшим флотом и революционными выступлениями на берегу.

Один из участников Потемкинского восстания Фельдман, разбираясь во всем происшедшем, пишет: „я увидел, что главная причина, из-за которой наше восстание фатально было обречено на неудачу, лежала вне нас: она скрывалась в недостаточном развитии береговой революции.

Могли ли мы действительно победить, когда вся окрестная Россия так бездеятельно относилась к нашему восстанию? Почему рабочие окрестных городов, из которых подвозились в Одессу войска, молчали? Почему они не разрушали железных дорог, не взрывали мостов, не изолировали одесские власти? Почему окрестные крестьяне не посылали отряды своих сыновей на помощь одесским рабочим?"

Действительно: почему?

Берег ожидал первого слова от „Потемкина", который даже не решался начать настоящий бой с царизмом. С другой стороны, матросы ожидали помощи со стороны восставшего народа. Но, тщетно! Представитель социал-демократической партии в Одессе предложил стоявшим на берегу рабочим спокойно разойтись и не предпринимать ничего до начала действий „Потемкина". Так обе стороны в нерешительности ждали, не проявляя должной инициативы ни с той, ни с другой стороны.

Вороницын в своем докладе [1]) говорит, что „идея вооруженного восстания массе была совершенно чужда".

Однако, придется признать, что эта идея была не только чужда массе, но также и местной организации социал-демократической партии. Стоит только припомнить, что когда на митинге стало известно о покушении Петрова на шт.-кап. Штейна и адмирала Писаревского и когда массами при получении этого известия овладело чрезвычайное возбуждение, то присутствоваший на митинге с.-д. Вороницын стремился успокоить матросскую массу, готовую к решительным действиям!

Начало восстания на „Очакове" было для с.-д. организации полной неожиданностью. „Никто не предполагал,—говорит Вороницын,—что взрыв последует так скоро; наоборот, нам казалось, что должно пройти некоторое время, прежде чем в движение втянется значительная часть гарнизона". Он же отмечает стихийный характер начавшегося движения и общую неподготовленность к нему.

Кроме того, из отчета Вороницына видно, что „с.-д. организация не имела органической связи с массами, была слаба организаторскими и агитаторскими силами, а потому и не могла использовать движение так, как это было бы возможно при других условиях". Организация в то время постоянной работы среди матросов не вела. Это обстоятельство объясняется докладчиком тем, что незадолго до октября был разбит последний военный комитет

[1]) В. Л. Максаков „Лейтенант П. П. Шмидт", стр. 238.

в Севастополе, благодаря чему были утеряны всякие связи с организацией.

Как бы то ни было, приходится отметить, что при наличии восстания местный комитет оказался не на высоте своего положения и не мог в достаточной степени руководить движением.

Он проявил нерешительность, дряблость, отсутствие твердой воли и, в конце-концов, в результате поражения, местная с.-д. организация потеряла всякий престиж в матросских и рабочих массах.

Если даже отбросить теоретические рассуждения и обратиться к практике того же Потемкинского восстания, то из слов одного из его участников Коваленко[1]) видно, какое огромное значение имеет одна готовность к бою. Указанный автор передает рассказ одного из товарищей с „Георгия Победоносца" о встрече его с „Потемкиным".

„Скоро мы снова очутились лицом к лицу с „Потемкиным",— пишет он,— который опять несся на нас на всех парах. Команда глухо волновалась. Когда же он подошел совсем близко и стал направлять на броненосцы зияющие дула своих орудий, среди матросов поднялся ропот, послышались голоса: „братцы, что же это будет? ведь „Потемкин" в одну минуту пустит всю эскадру ко дну. За что же мы положим свои головы? Лучше выйдем все наверх: „Потемкинцы" не будут стрелять в нас, если они будут видеть, что мы не идем против них с враждебными намерениями!..." Несколько человек выбежало на палубу, приглашая следовать за собою и других, и вдруг все, оставляя орудия и свои посты, бросились за ними и укрыли всю палубу. То же произошло и на „Синопе" и на „Двенадцати Апостолах". Когда эскадра поравнялась с „Потемкиным" и когда оттуда донеслось до нас „ура", команда пришла положительно в экстаз и, как один человек, грянула ответное „ура"..."

Из этих слов ясно видно, что зияющие дула орудий „Потемкина", направленные в правительственные суда, произвели деморализующее влияние на матросов, которые тотчас же бросили свои посты у орудий и с возгласами „ура" приветствовали мятежный броненосец „Потемкин". Не будь этого обстоятельства, матросы оставались бы на своих постах у орудий, офицеры приказали бы открыть огонь и не исключена возможность, что, несмотря на сочувствие матросов, огонь по „Потемкину" был бы открыт.

Уроки восстания на „Потемкине" не были учтены, и выводы из них не были сделаны при последующем восстании на „Очакове".

Такое положение объясняется меньшевистским составом местной организации. Оно было не случайно. В социал-демократической литературе 1905 года горячо дебатировался вопрос о вооруженном восстании.

Он обсуждался также на III съезде партии.

---

[1]) См. „Былое" за 1907 год, № 3 стр., 48.

И вот, в то время, как III-й съезд РСДРП (большевиков) признал „что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент", что необходимо „принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым..." и т. д.,— меньшевики на Женевской конференции разводили скучную канитель, из которой было ясно только одно, что вооруженного восстания они боятся, как огня.

Ленин в статье „Две тактики социал-демократии в демократической революции"[1]), сравнивая резолюцию III-го съезда РСДРП и меньшевистской Женевской конференции, довольно подробно останавливается на этом вопросе. Он критикует отношение меньшевиков к вопросу об участии во временном революционном правительстве, отношение их же к другим партиям и в частности к либеральной буржуазии.

„Для действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил,— говорит Ленин,— нужны... лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революционную республиканскую буржуазию, и не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании (курсив мой, *В. К.*), а не резонерские отговорки от неотложной задачи вооруженного восстания".

Касаясь дальше взгляда „новоискровцев", что перед социал-демократической партией стоит опасность „выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти" и т. д., Ленин доказывает, что партии грозит опасность совершенно другого характера, именно что обращается чрезвычайно мало внимания на вопросы вооруженного восстания, что здесь замечается отсталость, что революционное на деле может поэтому вылиться в революционное на словах.

В то время, как агитация и пропаганда, направленные на экономическую борьбу и критику буржуазии, ведутся повседневно, „вы найдете ничтожный процент групп и кружков,— пишет Ленин,— сознавших задачи вооруженного восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчет в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги".

В то время, как Женевская конференция проходит под знаком: „не забывайте старого! не увлекайтесь новым!",— Съезд, подтверждая старое, выдвигал новые задачи, ставил новые лозунги.

[1]) Ленин, том VI, стр. 365, 373, 374 и 375.

„И эти задачи,— пишет Ленин,—одни социал-демократы решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, Временного Правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства!"

Таким образом, в произведениях Ленина и в решених партияи большевиков все время красной нитью отмечается необходимость взять курс на вооруженное восстание. На ряду с этим в верхах меньшевизма замечается отрицательное отношение к этому вопросу, какая то нерешительность, боязливость.

Это настроение верхов не могло, конечно, не отразиться на низовых организациях и должно было сыграть печальную роль и в тактике севастопольских меньшевиков в отношении вооруженного восстания.

Относясь отрицательно к вооруженному восстанию, они не могли соответствующим образом воспитать массу, дать ей необходимые лозунги, взять на себя инициативу и вести подготовительную работу для победоносного его окончания.

Некоторые наиболее активные элементы из матросской среды инстинктивно чувствовали необходимость вооруженного восстания, но, к сожалению, они не находили поддержки в руководящем составе местного комитета соц.-дем.

Неудивительно поэтому, что, когда некоторая часть матросов, наиболее революционно настроенных, вносила предложения о желательности активного выступления, то лидеры меньшевиков, а за ними и плохо руководимая масса, отвечали отрицательно. Единственным средством для достижения ближайших целей считалась мирная забастовка. Еще 12-го ноября на собрании флотских депутатов, под влиянием меньшевиков, было решено итти мирным путем и провести мирную забастовку. „Если на нас будут нападать, мы будем защищаться",— таково было господствующее настроение.

Здесь совершенно не было учтено, что проведение забастовки среди воинских частей является, вообще, несообразностью, так как не может дать того эффекта, как забастовка рабочих на производстве, прерывающая нормальное течение жизни; что единственной целью революционной работы в войсках является не забастовка, а именно вооруженное восстание.

Какого-либо плана или даже ясного представления о цели движения не было. Ряд действий определялся исключительно настроением массы.

На ряду с этим вожаками движения был совершон ряд ошибок. 12-го ноября во время шествия к Белостокскому полку, не были захвачены пулеметы, выставленные по приказанию царских

слуг. Ничего почти не было сделано для присоединения к восставшим Белостокского полка. Не были удалены офицеры из казарм Брестского полка, благодаря чему последним удалась контр-революционная агитация.

В то время, как правительство энергично подготовлялось к борьбе с восставшими, последние занимали лишь оборонительную позицию. О завладении арсеналами и военными складами никто и не подумал. Генералы все время маневрировали, снимая и вновь возвращая ударники на военные суда в зависимости от необходимости; восставшие же до самого последнего момента на эту сторону вопроса не обратили внимания. В результате „Пантелеймон" оказался безоружным и не мог использовать своих боевых качеств.

Революционное настроение, наблюдавшееся в некоторых частях, искусственно тормозилось и задерживалось меньшевиками.

Все это привело к тому, что командование красным флотом было передано в руки лейтенанта Шмидта, человека случайного в революции, который лишь за два дня произнес в экипажах речь против с.-д. Выше уже указывалось, что и у Шмидта определенного плана также не было, да и не могло быть, так как он был убежден в неудаче восстания и в неминуемом разгроме. Не может быть, конечно, названо планом его стремление сконцентрировать на „Очакове" большое количество арестованных офицеров, как своего рода защиту против расстрела „Очакова".

Внутреннее состояние у Шмидта определяется уж тем, что после припадка на „Очакове" он совершенно лишился сил, лишился какой бы то ни было энергии и ничего уж не мог предпринять. Благоприятный момент для нападения на другие суда эскадры был пропущен. Минный заградитель „Буг", имевший несколько сот мин с содержанием до 600 пудов пироксилина, не был своевременно захвачен и т. д.

Однако, не исключительно этими местными условиями, как бы они существенны не были, объясняется разгром восстания в Севастополе. Существуют более глубокие общие причины. Предполагать, что севастопольское восстание могло бы окончиться победоносно вне всякой связи и зависимости от развития революционного движения во всей стране, было бы ошибочно.

Одна из основных причин поражения революции 1905 года заключается в том, что она не была поддержана крестьянством, которое в этот период еще недостаточно созрело.

Неподготовленность крестьянства к участию в революционном движении в 1905 году нисколько не удивительна, если мы вспомним, что несколько месяцев тому назад, 9-го января, даже рабочие Путиловского завода не потеряли еще веру в царя и шли просить его милости.

Чего же можно было при таких условиях ожидать от крестьянства, темп развития которого, благодаря особым условиям производства, совершается значительно медленнее, нежели у рабочих?!

Осуществить основную мысль Ленина о смычке рабочего класса с крестьянством в 1905 году не удалось. Поэтому Всероссийский Совет рабочих депутатов не был одновременно и Советом крестьянских депутатов.

Между тем, преимущественно крестьяне выделяли своих сыновей в царскую армию, которая при этих условиях становилась в руках правительства послушным орудием для подавления рабочих и матросских восстаний.

Когда в Севастополе Брестский полк шел в наступление против матросских экипажей, то это, в сущности, означало, что армейцы-крестьяне расстреливают матросов-рабочих, так как судовые команды и особенно их наиболее квалифицированная часть, комплектовались преимущественно из технически обученых рабочих крупных заводов.

Немаловажную роль в подавлении революции в стране сыграла также и измена буржуазии.

Если в начале революционного движения 1905 года либеральная буржуазия языком Струве провозглашала, что она готова принять на себя руководство революцией в России, то положение дел после 17 октября резко изменилось.

Буржуазия испугалась, увидя огненное лицо революции; она начала опасаться, что движение выйдет из тех берегов, которые она ему предначертала. Классовый инстинкт подсказал ей, что появляется опасность слева, со стороны пролетариата. И тот же Струве бросил фразу о „безумной стихии" забастовочного движения, которое тогда уже начало оформляться, как движение классовое.

Однако, было бы совершенно неправильно полагать, что при вышеуказанных условиях севастопольское восстание не следовало затевать, что „не надо было браться за оружие" и проч.

Хотя восстание в Севастополе, подобно московскому декабрьскому восстанию, было разгромлено и потоплено в крови рабочих и матросов, тем не менее, оно сыграло в развитии нашей революции значительную роль. В процессе борьбы с самодержавием пролетариат закалял свою волю и приобретал необходимое для борьбы классовое воспитание.

Ряд восстаний 1905 года, и в том числе восстание Черноморского флота, является необходимой предпосылкой для последующего развития и успешного окончания Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем

От края до края нашей огромной страны раздался могучий призыв к борьбе за свободу и счастье народа. Восстал рабочий, проснулся крестьянин, проснулся обыватель...

Волна революционного движения захватила и войско и флот — эти твердыни, на которые до сих пор опирался обагренный народной кровью трон русского самодержца.

И их угнетало царское правительство, и их оно терзало долголетней службой, мучило свирепой дисциплиной, морило голодом и дико издевалось, оскорбляя их человеческое достоинство.

Насильно оторвав от родного дела и близких людей, правительство старалось превратить их в истуканов, вытравить из них все человеческое.

Но не удалось ему превратить всех в бездушные машины. Лопнуло терпение солдат и они заволновались. В их рядах стала быстро распространяться революционная пропаганда.— Они сознали, что только беспощадной борьбой с врагами народа—можно будет добиться лучшей доли.

Наконец, глухое волнение прорвалось наружу. Началось с Черноморского флота.—Команда броненосца „Потемкин Таврический" сделала первый шаг. Против этой команды были высланы 5 броненосцев, 1 крейсер и 6 миноносцев.

Но подымется ли рука матроса против своего же брата, поднявшегося на борьбу за лучшую долю ВСЕХ матросов, ВСЕГО народа.

Нет, нет и нет!...

Товарищи матросы! Не слушайтесь начальства, отказывайтесь исполнять его приказания. Смело и открыто заявляйте, что Вы не возьметесь за усмирение и убийство ваших же братьев.— Помните, что в союзе—сила. Помните, что все должны быть за одного, один за всех...

Товарищи солдаты!

Поддержите поднявшихся матросов. Их дело—Ваше дело. Их борьба—Ваша борьба, борьба всего народа за лучшую жизнь. Отказывайтесь стрелять в матросов, если прикажет начальство.

Сегодня Вас посылают усмирять матросов, завтра же, когда и Вам жить станет не в моготу, когда и в Вас пробудится желание освободиться от гнета—то же начальство будет посылать других убивать Вас. Помните это и не исполняйте приказов начальства.

Товарищи рабочие!

Могучая волна нашего движения, широко разлившись по всей России, заставила очнуться и наших братьев-матросов.—Забитые и униженные, они воспрянули духом и восстали, борясь за свободу.— Поддержите же братьев-матросов.—

Присоединимся к ним и общими силами ударим на врага. Товарищи! Царское самодержавие, огражденное солдатскими штыками, начинает разлагаться.

Еще один приступ, и вековая тюрьма русского народа разлетится в прах.

Граждане!

Близится час решительной расплаты с наглыми хищниками самодержавной клики. Победоносное восстание народа освободит Россию от мрака и насилия двуглавого орла.—Поддержите восставших матросов и рабочих.

Выходите вместе с ними на улицы.

Присоединитесь к кличу!

Долой самодержавие царя!

Да здравствует самодержавие народа!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствуют борющиеся матросы Черноморского флота!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует Российская Социальдемократическая Рабочая Партия!

Севастопольский Комитет Крымского Союза Р. С. Р. П.

Тип. Севаст. Ком. Отпеч. 10.000 экз. 19 июня 1905 г.

Приложение № 2

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Матросы и солдаты!

Давно уже борется рабочий класс с самодержавием царя и чиновников и богачами-кулаками.

Много, много погибло честных борцов за народное дело! Много смелых юношей и девушек гибло на эшафотах, страдали в тайгах холодной Сибири, пропадали в сырых тюрьмах Российской Империи...

Но не устрашило все это честных борцов; на место павших становятся все новые и новые борцы; пролетарская армия растет не по дням, а по часам, борьба становится более жестокой...

От напора пролетарской армии, от напора всего трудящегося люда дрожит прогнивший трон самодержца, дрожит сам царь-кровопиец, дрожат и, как змеи, извиваются его министры и прочая челядь, дрожат и бледнеют капиталисты.

Царь шлет войска расстреливать безоружный народ, министры пишут законы, стесняющие свободу народа, капиталисты дают деньги царю на новые войска для усмирения рабочих—но ничто не помогает!... Пролетарская армия, армия всего трудящегося люда, все растет и растет и борьба становится все более жестокой...

Близок, близок час, когда революционная армия пролетариата победит противо-народную армию русского правительства!...

Матросы и солдаты! Мы—дети народа, мы—дети пролетариев, мы—сами пролетарии! Неужели мы не примкнем к народу! Неужели мы останемся равнодушными, когда народ истекает кровью?? Неужели казарменная дисциплина превратила наши сердца в камни, вытравила из нас все человеческое?? Неужели царские барабаны настолько нас оглушили, что мы не слышим стонов народа, не

слышим призыва к борьбе за святое дело народной свободы — призыва социаль-демократов??

Нет, товарищи! Мы чувствуем, мы видим и слышим, что делают царь и богачи с бедным народом! Мы теперь уже знаем, что один исход у нас остался: это — беспощадная борьба с царским правительством, борьба с богачами и всем отжившим миром, борьба под красным знаменем и в рядах Российской Социаль-Демократической Рабочей Партии!... Только эта партия поведет нас к победе над врагами народа! Только в рядах этой партии мы добьемся действительной политической свободы! Только в рядах этой партии мы уничтожим старый мир гнета и эксплоатации и водворим новый мир довольства и счастия — мир социализма!

Товарищи! Настала пора раз навсегда покончить с насильниками и угнетателями народной России.

Настала пора освободиться от жестокого ига правительственной шайки!

Смотрите! Народ раззорен, в городах безработица, в деревнях голод! Никому ненужная война с Японией продолжает отнимать новые средства, новые силы, похищает новые жертвы!...

Слушайте! Грозный ропот гнева и недовольства пронесся по всему лицу земли русской. То рабочий класс поднялся на борьбу! То крестьянский люд проснулся от сна векового! То все честное и мыслящее в России поняло, наконец, что так продолжаться дольше не может!...

Народ восстал!...

Революция началась!...

Остановка за нами, матросы и солдаты!

Ринемся же в великий и смертный бой за свободу народа! Свалим самодержавие царя и восстановим самодержавие народа!

Товарищи! Самодержавный зверь ранен! Коленом в грудь — и победа за нами...

Да здравствует революционная борьба армии и флота!

Да здравствует команда броненосца „Потемкин Таврический!“

Да здравствует революционная борьба рабочего класса!

Требуйте немедленного созыва Учредительного Собрания для установления новых порядков!

МАТРОСЫ—СОЦИАЛЬДЕМОКРАТЫ

Прочитав, передайте товарищам.

Издание Севастопольского Комитета Крымского Союза РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Тип. Севастоп. Комитета Отпечатано 5000 экз.

24 Июня 1905 года.

Приложение № 3

Российская Социаль-демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Письмо солдата

Солдат Иосиф Мочедлобер не мог помешать гнусному делу — расстрелу матросов „Потемкина“ солдатами Феодосийского гарнизона, совершонному по при-

казу командира. Коварно был отдан этот приказ, когда ничего не подозревавшие матросы подъезжали к берегу за обещанной им провизией. Так же коварно, как расстреливают постоянно рабочих и крестьян.

Солдаты повиновались... стреляли, убивали! Но нашелся один солдат, который не мог пережить спокойно совершонного преступления. Бессильный помешать ему, он решился п р о т е с т о в а т ь, отдав свою жизнь палачу. Он стрелял перед фронтом в командира полка, он покушался его убить, как покушался 12-го января этого года матрос Г а в р и и л В л а д и м и р о в в Петербурге, ударивший штыком офицера после бойни 9 Января.

Мочедлобер судился военным судом, он присужден к смерти, он уже казнен. Вестник близкой уже минуты перехода всех солдат на сторону народа, он будет растерзан хищным коршуном, против которого он поднял свое оружие.

Солдаты и матросы! Чтите своих героев! Учитесь у них, чему вас обязывает любовь к родине, к свободе!

И еще помните, солдаты и матросы. Вам твердят командиры и попы, что „жиды", евреи, бунтуют Россию для своей корысти. Смотрите же: вот перед вами солдат-еврей, который отдал свою жизнь потому, что не перенесло его сердце, когда командиры расстреливали р у с с к и х матросов! Вот перед вами пример той любви к человечеству, которая не знает деления на русских и евреев, на христиан и „нехристей"!

Чтите своих героев, матросы и солдаты, и готовьтесь, по их примеру, отдать свою жизнь за благо родины!!

(Переведено с жаргона). **Письмо солдата Иосифа Мочедлобера, стрелявшего в командира за его приказание стрелять в матросов „Потемкина".**

Дорогие товарищи! Я вам пишу на жаргоне потому, что не так хорошо владею русским языком. Братья и сестры! Я объясню вам свой поступок. В то время, когда стреляли в наших товарищей-матросов, и я видел, как они падали мертвыми и ранеными от наших рук, у меня потемнело в глазах. С тех пор я начал думать: кто я? Разве я не революционер? Разве я противник свободы и нашего идеала, с которым я поздно ознакомился? Когда мне минуло двадцать лет, я был отдан в руки тиранов, я тогда жалел мои предыдущие молодые годы, которые не пошли на плодотворную работу для достижения нашего святого идеала. Родители мои, желая меня избавить от солдатской службы, хотели меня послать за границу. Но страстное желание работать для нашего заветного идеала удержало меня и я пошел на военную службу. Не мало труда потратил Варшавский соц.-дем. комитет, пока убедил меня в правоте своих взглядов! Сколько сил ему пришлось положить для этого! После этого я не мог решиться уехать в страну, где кровь наших братьев уже пролилась за наш святой идеал, и удрать из такой страны, где ожидается страшная борьба с нашим кровавым врагом. Нет! я решил: пусть труды моего агитатора не пропадут даром, и я должен принимать участие в мести за жертвы последнего времени, павшие в кровавой борьбе. Я наверно не смогу оправдаться перед товарищами Феодосийской организации в том, что в такое время, когда возможно работать в полку, разъяснять страшный поступок солдатам по отношению к матросам-товарищам, бороться против религиозных предрассудков, я оставил работу. Да! я оставил работу и решил протестовать. Прошу прощения у Феодосийских товарищей. С тех пор, как стал сознательным, я жаждал такой смерти, которая запечатлелась бы в душе каждого. Я все боялся пасть жертвой бессмысленной борьбы, которая ведется русским правительством. Я не счел возможным упустить этот случай и решил покончить с командиром полка. Опять прошу у организации прощения, что оставил так много работы в полку. Но как счастлив я, что оказался первой жертвой в Феодосии!

Я очень досаждал начальству своими разговорами и желал бы, чтобы к вам проникла моя речь. Я бы страстно хотел вашего присутствия при моей казни, которая, может быть, будет вечером или на рассвете. Привет всем братьям и сестрам. Желаю вам победы!

* * *

Привет всем товарищам! Из диких стен тюрьмы с решетчатыми окнами желаю вам победной революции! Солдат, передавший вам письмо, сознательный и честный товарищ, который остается на моем посту. Теперь еще рано работать в полку... Вещи, остающиеся после меня, прошу продать. А на деньги, вырученные от продажи их, завещаю купить литературу для моего полка. Вас, товарищей, должно быть сильно интересует знать о моем состоянии и о том, что происходит со мной. На допросе я заявил, что во мне заговорила моя клятва, в которой я обещал бороться за свободу родины до последней капли крови! Когда меня спросили: „Кто тебя послал на это дело?“—я ответил: „Любовь к человечеству меня побудила“. Дальше спрашивали: „Если тебя отпустят, ты больше не будешь покушаться на жизнь командира полка?“—я опять таки ответил: „Отпустите меня на одни полчаса и вы его не найдете в живых. Он заслужил смерть за свою дикость“. Они настаивают на том, чтобы я признал себя виновным, на что последовал ответ—что я вынужден был это сделать. Им нужно, чтобы я обвинял самого себя для того, чтобы они чувствовали себя сильнее и имели возможность с презрением относится к нашему идеалу. Но нет! Я не дам себя обмануть! Не поддамся на удочку кровожадных тиранов! Я останусь верным своим братьям и сестрам до тех пор, пока канат еще не стянул мою шею. Я не допущу, чтобы плевали в наш идеал! Пускай они видят, как он силен! Они нас не загонят своими шашками и ружьями! Они нас не испугают своими тираническими измышлениями! Я пойду с пением к смерти! Я теперь только понял, в каком подлом мире мы живем. Я благодарю природу, что мне было суждено защищать своей смертью своих братьев и сестер. Прощайте, прощайте, братья и сестры!

ИОСИФ МОЧЕДЛОБЕР.

Издание Крымского Союза Рос. Соц.-Дем. Р. П.

ЛИСТОК № 56.

Отпечатано 7.000 экз. Сентябрь 1905 г.

Приложение № 4

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Они спешат...

Спешат насладиться своей ускользающей властью правители России! Накануне своего неминуемого падения они спешат показать, что еще могут причинить зло, что еще могут проливать кровь русских граждан!

Они спешат! Пока на Дальнем Востоке происходила заминка в военных действиях, они повели правильную войну против русского народа. Варшава, Лодзь, Седлец, Ченстохов, Ковно, Шавли, Минск, Двинск, Белосток, Митава, Либава, Рига, Бердичев, Таращанский уезд, Село Картомышевка, Одесса, Феодосия, Керчь, Екатеринослав, Ростов на Дону, Душетский и Горийский уезды Тифлисской губ., Баку, Эривань, Шуша, Новороссийск, Кишинев, Нижний-Новгород, Иваново-Вознесенск, Пермь, Красноярск,—вот далеко не полный список мест, в которых в течение лета самодержавие истребляло русский народ, расстреливая его ружейными залпами или отдавая на расправу разъяренным толпам хулиганов.

Кончилась бойня в Манчжурии, подписан мир—и царь спешит отпраздновать его тринадцатью смертными казнями. Он спешит показать, что еще властен над

жизнью граждан России! Позор своего поражения на Востоке он хочет заглушить местью своим врагам в России. В течение нескольких дней тринадцать безоружных пленников самодержавия рукою палача лишены жизни. И все эти гнусные убийства совершались в то время, когда в церквах служились благодарственные молебствия о прекращении кровопролития на Дальнем Востоке.

Тринадцать новых трупов прибавил Николай II к той горе, которую он нагромоздил, как памятник царствования последнего Романова.

Среди этих тринадцати—люди всех возрастов—старик КАСПРЖАК, казненный в Варшаве; юноши ВАСИЛЬЕВ и ГЕРШКОВИЧ—в Петербурге. Военные суды сделали то, что им было велено—вынесли смертный приговор тем, на ком самодержавное правительство, жаждая мести, остановило свой выбор.

Вот юноша-рабочий, несовершеннолетний ВАСИЛЬЕВ в Петербурге. Он убил сыщика. Народный гнев каждый день выливается в таких убийствах. И самодержавие хочет виселицами остановить эти вспышки народного гнева.

Против закона несовершеннолетний ВАСИЛЬЕВ возводится на эшафот.

Вот ГЕРШКОВИЧ, еще более юный, хотя уже сидевший дважды в тюрьме. При аресте в Петербурге он стрелял и опасно ранил полицейского и дворника. Он стрелял, чтобы убежать от ареста. С каждым днем растет число нежелающих сдаваться без сопротивления в руки палачей. И палачи выбирают несовершеннолетнего ГЕРШКОВИЧА, чтобы его казнью запугать свои будущие жертвы и принудить их покорно отдаваться царским борзым. Судят наскоро, не желая даже проверить личность арестованного. Опять смертный приговор, опять казнь.

Вот ЧЕТЫРЕ СОЛДАТА в Херсоне. Они покушались убить зверя-полковника. Суд раскрыл вопиющие злоупотребления начальства, делавшие невыносимою жизнь в батальоне. И тот же суд выносит смертные приговоры, и солдат казнят. Правительство с трепетом видит, как множатся случаи солдатского бунта против зверского обращения командиров. И оно хочет четырьмя трупами остановить солдатское возмущение.

Вот четыре матроса с „Прута"—ПЕТРОВ, ТИТОВ, ЧЕРНЫЙ и АДАМЕНКО стали во главе команды этого судна, когда она восстала, чтобы присоединиться к „Потемкину". Это уже не случайные бунтовщики, доведенные до отчаяния свирепым начальством. Сознательные социальдемократы, они исполнили свой революционный долг, когда до них донесся призыв „Потемкина" к всеобщему восстанию за свободу. Гордо и с полным сознанием своей правоты заявил АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ на суде, что, как социальдемократ, он счел своим долгом стать во главе восставшего судна. Суды вынесли смертный приговор, но даже они содрогнулись при мысли о новых жертвах и ходатайствовали перед царем, чтобы он заменил смерть каторгой. Царь не внял просьбе своих судей. Чувствуя во флоте тысячи невидимых врагов, он спешит воспользоваться случаем уничтожить тех, кто попал в его руки. К списку славных „Прутовцев" он прибавил еще двух матросов—Кошубу и Дейнегу—с „Георгия Победоносца". „Потемкинцы" ушли от его мести—горе матросам „Прута" и „Георгия Победоносца"! И шесть молодых цветущих жизней приносятся в жертву царской мести.

Царь спешит...

И, наконец, тринадцатый труп человека уже при жизни наполовину разрушенного страданиями. Старик Каспржак, один из первых деятелей польского рабочего движения, бежавший однажды из рук русской полиции и снова ставший ее добычей в прошлом году, когда он был взят в типографии „Социальдемократии Польши и Литвы". С оружием в руках этот умирающий от чахотки человек отбивался от царской своры и ценою жизни четырех полицейских он дал возможность нескольким товарищам бежать, сам же попал в плен. И в течение целого года царские судьи изощрялись в том, чтобы вынести ему наконец смертный приговор. Врачи объявили, что Каспржак душевно больной человек и что он стрелял, не помня себя. По закону его нельзя судить. Но царь спешит вылить свою месть на ком-нибудь из видных вождей революционного пролетариата. Царь спешит, и его

воля выше закона для военных судей. И, промучив Каспржака голодным тюремным заключением, они, наконец, посылают на виселицу человека, одной ногой уже стоящего в гробу, человека, которого скоро прикончила бы каторга. Но палачи не могут ждать—им нужно спешить.

Им нужно спешить! За своими плечами они чувствуют пламенное дыхание революции и полные смертельной тоски они спешат насладиться последней возможностью пролить кровь своих бесчисленных врагов, в последний раз наполнить ужасом смерти русскую землю. Они спешат—завтра они уже не будут властны давать и отнимать жизнь у людей.

Завтра революция-победительница, вспоенная кровью стольких мучеников, грозная, неукротимая раздавит шайку убийц, стоящих у власти. Завтра она торжественно сожжет все виселицы, разобьет все тюремные затворы, до основания сроет стены крепостей. Она подведет счет бесчисленным преступлениям самодержавия, и презрение народа заклеймит всех его холопов; и вечной славой благодарные граждане покроют имена тех, кого ныне, как „преступников", вешают в тюремных дворах.

Спешите же пользоваться последними днями, палачи России! Спешите, ибо—близок вам конец!

Издание „ИСКРЫ"

Переиздано КРЫМСКИМ СОЮЗОМ Р. С.-Д. Р. П.

Листок № 57.

Отпеч. 12.000 экз. Сентябрь 1905 г.

Приложение № 5

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Подымайтесь, солдаты!

Читайте, солдаты, счет, который вам предъявит русский народ за июнь и июль месяцы, счет далеко не полный.

В Одессе убито и ранено около	2000	человек.
В Лодзи убито и ранено около	1000	человек.
В Варшаве, Ченстохове, Кельцах, Бржезине убито и ранено около	100	человек.
В Ставрополе Кавказском убито и ранено около	100	человек.
В Иваново-Вознесенске убито и ранено около	100	человек.
В Петербурге, Кронштадте и Либаве убито и ранено около	150	человек.
В Батуме, Тифлисе, Авлабаре и Новороссийске убито и ранено около	40	человек.
В Белостоке убито и ранено около	150	человек.
В Вильне, Двинске. Риге, Шавлях убито и ранено около	45	человек.
В Ростове, Екатеринославе, Либаве и Керчи убито и ранено около	20	человек.
В Новоалександровске, Черкассах, Мотовилихе и Сормово убито и ранено около	34	человека.
В селах Кищице Могилевск. губ. и Таращанском уезде Киевской губ. крестьян убито и ранено около	33	человека.
Итого	3772	человека.

Это, солдаты, только по приблизительному расчету и то по самому маленькому.

Солдаты! Вся кровь эта граждан России вами пролита, вами!

Солдаты! За всю эту кровь крестьян и рабочих, старцев и детей, мужчин и женщин, вам будет предъявлен народом счет, вам!

Люди скажут: когда мы боролись за кусок хлеба для себя и для них, они в нас стреляли! Когда за воздух, за свет, за тепло, шли мы в борьбу,—они, солдаты, кололи нас штыками!

Вдовы и сироты скажут: мужья и отцы наши шли проливать свою кровь за счастье России, за дело народа. А одетые в мундиры братья наши осиротили нас, стреляя в тех, кто шел бороться за общую нашу долю!

Солдаты! Тысячи проклятий несутся навстречу вам! В десятках тысяч домов семьи недосчитываются отцов, мужей, матерей, братьев, малолетних детей—и везде рука в серой солдатской шинели нанесла ту рану, что кровью сочится, везде она принесла то горе, которого даже не омоют вдовьи и сиротские слезы! Солдаты! Ваши командиры, слуги царского правительства, палачами сделали вас! В одну живодерню превратили они Россию и заставили вас истреблять молодые русские силы!

Что же так покорно, словно псы цепные, натравленные злым хозяином, делаете вы это презренное дело? Что же изо дня в день, то в одном, то в другом конце России, вы, словно, хищные коршуны, терзаете свою родину?

Смотри, солдат! Вот перед дулом твоего ружья толпа рабочих и крестьян сгрудилась, всмотрись в нее хорошенько! Разбойники ли это перед тобою, пришедшие убивать и насильничать? Ты знаешь, что это не так! Не разбойники это, а братья твои, вставшие за общее твое и ихнее дело! Они требуют больше платы меньше работы—для кого они требуют? Для тебя же, потому что ты завтра будешь в их рядах, под ярмом того же хозяина! Они требуют земли, захваченной помещиками—для тебя они требуют! Ведь, завтра же, вернувшись в деревню, ты не найдешь себе в ней клочка пашни для своего прокормления! Свободы они требуют, политических и гражданских прав—для кого? Для тебя же, солдат! Сегодня гнетет тебя казарменная неволя—обиды и насилия командиров; завтра ждет неволя в селе или в городе!

Преступны те люди, что не дают народу нужную ему свободу, что ради своей корысти, отказали ему в хлебе насущном, в тепле и свете, в воздухе и просторе! Безумец тот человек, который, не ведая, что творит, убивает братьев, несущих ему свободу, кусок хлеба, землю! И имя этому безумцу—русский солдат!

Солдат, ты-сын народа! Того народа, который засеивает поля, бьется над землей, корчится в шахтах, кровавым потом обливается у доменной печи, чахнет у ткацкого станка! Ты—сын того рабочего народа, который кормит всю страну, а сам голодает; который создает могущество и силу России, а сам не пользуется никакими правами и угнетается шайкой чиновников с царем во главе. Ты — сын народа и тебя же заставляют стрелять в народ! Ты взят царским правительством из недр этого народа, посажен в казарму, вооружен с головы до ног, и тебя заставляют направлять оружие против народа! Заставляют во имя данной тобою присяги! Заставляют те самые командиры, которые каждый день нарушают присягу, воруя казенные деньги, изменяя стране, ведя войско на верное поражение, поражение по их же собственной вине! Те самые командиры, которые загубили полмиллиона солдат в Манджурии — они же требуют, чтобы ты, во имя присяги, помог им истребить народ, зовущий к свободе!

Нет такой присяги, которая могла бы заставить человека убить свою мать. Лжива такая присяга! Ты же, во имя присяги, терзаешь свою родину-мать, хоть и ей тоже ты присягал служить. Ты присягал царю и отечеству. Но когда царь велит терзать отечество, что выше — царю ли присяга, или несчастному отечеству? Одному ли человеку или ста миллионам?

Нет той присяги, которая сделала бы черное белым, злое — добрым, преступ-

ное — прекрасным! Долой же лживую присягу, затуманившую сознание и совесть солдата! Не опричником царским, - сыном народа должен оставаться солдат!

Весь народ, весь от края до края, без различия языка и веры, хочет свободы. Нельзя больше так жить — в нищете и бесправии, под ярмом дворянским и нагайкой полицейской.

Пусть со всей России соберутся выборные всего народа и, обсудив все нужды России, заложат новый порядок! Таков общий клич, за это требование борются те люди, в которые приказывают стрелять солдатам!

Солдат — сын народа. Тот из его сынов, у которого в руках оружие. Не царю, не его чиновникам принадлежит оружие, оно принадлежит народу: работник его выковал своим трудом, на деньги крестьянина купила его казна. Народу принадлежит оружие, и разбойником и врагом народа становится тот, кто пускает его против народа!

Народу принадлежит оружие, и солдат должен его передать народу, когда оно ему нужно для борьбы за общенародное благо! На службу народному делу должен солдат отдавать свою жизнь, не на вред ему!

Так рассудили славные матросы с броненосца „Князь Потемкин". На угнетение командиров они ответили восстанием, убили вредных офицеров, взяли корабль в свои руки. Но поняли они, что дело солдатское не отделить от дела народного и, подняв на броненосце красный народный флаг, сказали: поднимаем борьбу за народное дело, за свободу России. Они пошли на помощь к одесским рабочим, они примкнули к восстанию против правительства за свободу.

С них берите пример, солдаты всех частей русской армии!

Идите к народу! Отдавайте ему оружие!

Не стреляйте в народ! Не слушайте подлой человекоубийственной команды!

Обороняйте народ против полицейских зверей! Стреляйте в убийц-командиров, стреляйте в тех злодеев, которые, по их приказу, станут насильничать над безоружными.

Соединяйтесь с народом и вместе с ним, поддерживая его оружием, забирайте города, выбивайте из них чиновное начальство и предоставляйте народу устраивать собственное народное управление! Идите по пути, указанному вашими товарищами Черноморского флота!

Громадная борьба загорелась повсюду. Кровь потоками льется. Народ проснулся в городах и селах. Одна только победа — и исчезнет иго, под которым стонет Русь! Исчезнет общая неволя, исчезнет и неволя казарменная! Освободится весь народ, освободится и солдат! В свободной стране не будет места казарменной каторге!

Одна только победа еще осталась, и для этой победы нужно народу оружие! Солдат должен отдать его народу! За всю прежде, по неведению, пролитую им кровь, должен отдать теперь свою собственную кровь; за погубленные жизни отдать свою жизнь. Матросы-черноморцы не побоялись этой жертвы, вы побоитесь ее, братья солдаты? За благо родины не страшны жертвы!

Да здравствует народная революция!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует солдат — друг народа!

Смерть палачам - убийцам!

РЕДАКЦИЯ „ИСКРЫ".

Издание Крымского Союза Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

ЛИСТОК № 50.

Отпечатано 15000 экз. Сентябрь 1905 г.

Приложение № 6

Российская Социальдемократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

О сверхурочных работах в портовых мастерских

8 часов для труда, 8—для сна, и 8 свободных!

Товарищи! знает рабочий своих врагов! Это капиталисты-эксплоататоры, да царское правительство, которое разоряет народ податями и налогами, поддерживает капиталистов против рабочего класса, да само эксплоатирует рабочих на казенных заводах и в мастерских.

Но, видно, не знает еще рабочий класс тех средств, какими пользуются его враги! Вернейшее средство выжать из рабочего побольше прибыли (получить побольше прибавочной стоимости)—это без конца удлинять рабочий день. Хорошее это средство в руках эксплоататоров! В самом деле; оно не только увеличивает их барыши, но и закабаляет рабочего, не дает ему головы поднять. Где уж человеку, измученному долгой работой думать о борьбе за лучшую долю. Усталый наскоро ужинает он и валится на постель, чтоб, едва восстановив свои силы, опять взяться за изнурительную работу. Так изо дня в день, из году в год проходит жизнь рабочего без намека на человеческое существование, без проблеска света, без мысли о борьбе за лучшее будущее. Не только потом, кровью своей обогащает рабочий своего врага—капиталиста; он отдает ему всю свою красную жизнь и живет жизнью рабочего вола.

Поэтому сознательные рабочие всюду борются за сокращение рабочего дня, а социаль-демократы всех стран призывают рабочих стремиться к завоеванию восьмичасового рабочего дня. Так как только при восьмичасовой работе у рабочих будет достаточно свободного времени,—чтобы жить человеческой жизнью, читать и развиваться, организоваться для борьбы и умело вести ее.

И русский рабочий класс уже умеет ценить короткий рабочий день!

Целым рядом стачек добился он 7 лет тому назад закона, ограничивающего рабочее время $10^{1}/_{2}$ часами. Но этот закон издан союзником капиталистов—царским самодержавным правительством. Как же тут не быть лазейки для дружка. Эта лазейка—разрешение оставлять рабочих по желанию для сверхурочных работ за полуторную плату. И капиталисты широко пользуются этой лазейкой: „оставайтесь на сверхурочную работу“, приказывает мастер, а нет у кого „желания“ получай расчет. Таким образом, рабочий день в портовых мастерских почти до 600 человек оказывается теперь в 13 часов, что же даст нам товарищи этот бесконечно долгий рабочий день? Мы работаем через силу и истощаем свое здоровье, мы не видим света солнечного, оставаясь на работе с 5 часов утра до 8 часов вечера. И за все это получаем в день лишних 20—30 копеек, чтобы исполнить наспех все работы, попасть в резерв и пойти гулять без куска хлеба! Плохо, товарищи, понимаем мы свои интересы, если соглашаемся на такое удлинение рабочего дня! Ведь не согласись мы на сверхурочную работу, и для нас оставалось бы работы на все лето. А если действительно судам уходить надо и портовое начальство наняло бы еще новых рабочих, то у нас был бы подходящий момент, когда в рабочих нуждаются, потребовать повышения заработной платы. Таким путем всюду сознательные рабочие борются за улучшение своего существования, а мы, товарищи, безропотно соглашаемся на сверхурочные работы, а в слесарно-сборочной, минной и др. мастерских даже того, что нам по закону полагается, полуторной платы, не требуем. Товарищи, если мы сами не будем защищать своих интересов, то некому их за нас защищать! Стойте же смело все за одного и каждый за всех! Поддерживайте друг друга в борьбе—в единении наша сила!

Да здравствует борьба рабочего класса!

Долой капиталистов эксплоататоров и царское правительство!

Да здравствует борьба за социализм!

Прочитав, передайте товарищам.

Приложение № 7

Российская социальдем. рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ответ матросов на речь капитана 1-го ранга Барановского, командира учебного судна „Прут“

Ты говоришь, что мы собираемся на сходки за городом. Да, ты прав мы действительно собираемся. Ты говоришь, что эти сходки—преступление, мы же говорим, что это не преступление, а право, так и должно быть, чтобы люди сходились и вместе решали свои наболевшие нужды, слушали святое слово свободы и в товарищеской беседе хоть на время забывали тот гнет, тот произвол и беззаконие, которыми вы все, царские лизоблюды-лакеи во главе со своим господином царем награждаете нас. Вы все, подлые холопы своего царя, и сам он, противны нам, понимаешь, противны!! Мы не хотим вас! Мы ненавидим вас, лгунов и мошенников, ворующих и проматывающих народные деньги. Ты говоришь, что „жиды“ сеют смуту между нами; неправда, это гнусная ложь! Мы прекрасно понимаем, что ты и тебе подобные нарочно натравляете нас на ни в чем неповинных, угнетенных, бесправных евреев, таких же тружеников, как и мы. Нет, вам, клеветникам, не удастся натравить нас на „жидов“, мы очень хорошо знаем, кто наши враги: это вы, казнокрады, вы, шайка опричников,—наши враги, а „жиды“, как ты выражаешься, наши товарищи, наши братья, понимаешь? наши братья!! Ты говоришь, что ты нам не начальник, а друг, товарищ. Какой ты нам друг? Ты заклятый враг наш, ты наш мучитель, и все вы: адмиралы, чиновники, ну, словом, все те, кто грабит нардо, кто пьет людскую кровь—наши заклятые враги. Ты говоришь, что твоя рука не дрогнула бы подписать смертный приговор тому, кто ходит на сходки. Ты сказал правду: ты ведь палач! но знай, что близок уже час, когда и наша рука не дрогнет набросить на шею петлю тебе (Барановскому), Чухнину, Афанасьеву и другим подобным господам. Помни, что час расплаты близок, этот час будет ужасен для вас. Помни, час расплаты близок! Ты стараешься уверить нас, что все листки пишутся евреями, но сам ты не веришь в это. Например, этот листок пишут чистокровные русские матросы, принадлежащие к партии социальдемократов.

Товарищи! Не верьте нашим начальникам, не слушайте их, смело ходите на сходки, смело читайте прокламации и давайте отпор нашим врагам.

Товарищи! Сила в вас же самих; если мы дружно возьмемся за дело, то в один миг избавимся от своих притеснителей и их главы—красного от людской крови—царя.

Долой же царя!

Долой воров-начальников!

Да здравствует Демократическая Республика!

Да здравствует социализм!

МАТРОСЫ СОЦИАЛЬДЕМОКРАТЫ.

Издание Севастопольского Комитета Социальдемократической Рабочей Партии.

Приложение № 8

Письма матросов и рабочих

От севастопольских матросов и солдат, заключенных в Лазаревских казармах

Товарищи рабочие!

Мы, сознательные матросы и солдаты, томящиеся в казарменных стенах под давлением старого строя и бюрократического произвола, обращаемся к вам с воззванием:

Товарищи! Вам известна наша борьба, вам известна цель нашего движения. Вам известно, что мы боремся вместе с вами против наших угнетателей. Товарищи! Дайте нам руку и пойдемте вместе бороться за лучшее будущее. Не дайте нашим кровопийцам и палачам терзать наших последних товарищей; протестуйте, как протестовали товарищи рабочие г. Петербурга.—Если Вы не в силах протестовать, то известите по всем городам всех граждан, всех товарищей, стоящих за правое дело. Товарищи! Не слушайте этих проклятых бюрократов, которые вас успокаивают тем, что нас всех освободят.—Неужели вы еще верите этим обманщикам и палачам которые готовы в одну минуту стереть с лица земли всех борющихся.—Мы знаем лучше вас, что с нами делают.—В то время, когда они вас, с одной стороны, успокаивают, с другой—ставят орудия и пулеметы, то не может быть и речи об освобождении; они этим отвлекают вас и этим временем выводят из казарм ежедневно по три, по четыре передовых товарищей без постельных вещей и ведут их за ворота и больше не возвращаются.—Куда они деваются, не знаем, потому что мы изолированы и не знаем, что делают с нашими товарищами, нам лучше умереть от одной пули в святой борьбе, чем дать палачам сделать решето из наших тел.— Товарищи! Не забывайте нас, обратитесь с этим воззванием ко всем товарищам всех городов.

Следует 2000 подписей заключенных.

Ответ рабочих г. Севастополя

Дорогие товарищи!

Мы не верим также, как и вы, нашим палачам и кровопийцам—всем этим презренным холопам издыхающего царского правительства, которые, как паразиты, веками сосали народную кровь, жирели и богатели народным трудом и потом.—Мы не верим, ибо испытали на своих спинах их разбойничью власть и волчью опеку.—Долго мы терпели и сносили их обиды и глумления, терпели безропотно,—ибо были темны и не знали, как избавиться от этой погани.—И хоть дорогой ценой заплатили мы царскому правительству за науку, но зато мы прозрели, как прозрела и вся рабочая и крестьянская Русь.—Теперь, чем дальше, тем яснее начинают прозревать и наши братья и сыны, забитые муштрой в царских казармах, одураченные царскими офицерами.—Они были слепы и глухи, но прозрели: до ихнего слуха сквозь толщу стен царских казарм прорвался мучительный стон голодных жен и детей, отцов и братьев...

Товарищи! 12—15 ноября вы самоотверженно стали на защиту Русского народа, вы спаяли себя с нами своею кровью. Вы одни исполнили данную вами святую присягу—служить верой и правдой своему отечеству. Хищная свора обнаглевших и опьяневших дворян, офицеров, кулаков и прочих негодяев, дерзко именующих себя „истинно русскими людьми", вас проклинает, как изменников,—а весь великий рабочий и крестьянский люд, поднявшийся за святое народное дело, протягивает вам свою мозолистую, исстрадавшуюся руку, чтобы вместе стать на защиту попранных народных прав и отомстить своим палачам за голод и холод, за вековое надругание над народным телом и душой.

Да, товарищи, вы самоотверженно исполнили свой долг, и народ не забудет вашей верной службы.— Он не допустит ваших палачей надругаться над вами.— Не падайте же духом, товарищи, не поддавайтесь обману и угрозам ваших провокаторов-офицеров и знайте, что уже близок день всеобщего вооруженного народного восстания —день грозного суда над нашими палачами и великого праздника всех униженных и голодных.

Русский народ воскрес — и нет той силы в мире, которая преградила бы ему путь к освобождению и умиротворению нашей исстрадавшейся родины.

Пусть трепещут наши враги, приближающиеся к гибели, а мы, верные сыны великого народа, восторженно подхватим его грозный и победный клик:

Да здравствует вооруженное народное восстание!

Долой лживое, кровожадное царское правительство!

Да здравствует Учредительное Собрание, созванное на основах всеобщего, прямого и тайного избирательного права!

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Материалы Севастопольского музея, разработанные местным Бюро Истпарта.

Дела жандармского управления за 1905 год, (Симферополь, Центроархив).

„Крымский Вестник" за 1905-й год (Симферополь, Истпарт).

Дела канцелярии Таврического губернатора, стол секретный (Симферополь, Центроархив).

Судебно-следственные дела о восстании на броненосце „Потемкин" (Симферополь, Центроархив).

Дела Севастопольской городской думы за 1904—1905 гг. (Севастополь, Музей).

Журнал „Вперед" и „Пролетарий" выпуск 3-й, издание Истпарта.

И. П. Вороницын „Из мрака каторги".

И. Генкин „По тюрьмам и этапам".

„Маяк Коммуны" за 1923-й год №№ 73, 74, 75 и 76 (Севастополь).

„Лейтенант П. П. Шмидт"—письма, воспоминания и документы под редакцией Максакова.

Троцкий „1905-й год".

„Восстание на броненосце „Потемкин Таврический" под редакцией Невского.

Иосиф Гелис „Ноябрские дни в Севастополе в 1905-м году".

„Пролетарская революция": 22-го года № 9, 23-го года № 1·13 и 24-го года № 6 29.

А. М. Коваленко „Одиннадцать дней на броненосце „Князь Потемкин Таврический". („Былое 1907-й год №№ 1—3.)

Л. Я. Резников „Лейтенант Шмидт"—1905-й год.

„Красное знамя над Черноморской эскадрой"—рассказ очевидца.

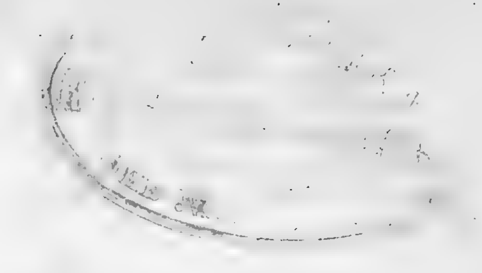
„Моряки первой революции" под общей редакцией Игната.

„Молодая гвардия"—1924-й год. Февраль—Март.

„Календарь русской революции"—под редакцией Бурцева.

Воспоминания участников.

Напечатано в 1-й Гостиполит. „Крымполиграфтреста" в кол. 3.000 эк. Зак. № 2605.
Крымлит № 950. Симферополь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Стр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

